

Вестник Сыктывкарского университета (научный журнал) Выходит 4 раза в год	Серия гуманитарных наук ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ ЖУРНАЛИСТИКА	12+ ISSN 2306-8450 Выпуск 4 (12) 2019
--	--	--

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

Барсебян А. А. Восприятие творческого наследия русских поэтов-классиков на постсоветском пространстве: М. Цветаева, А. Ахматова, М. Петровых Barsegyan A. A. PERCEPTION OF THE CREATIVE HERITAGE OF RUSSIAN CLASSIC POETS IN THE POST-SOVIET SPACE: M. TSVETAEVA, AHMATOVA, M. PETROVYKH	3
Смирнова Д.М., Бознак О. А. Полигенетический интертекст стихотворения Иосифа Бродского «Помнишь свалку вещей на железном стуле...» Smirnova D.M., Boznak O.A. THE POLYGENETIC INTERTEXT OF THE POEM OF JOSEPH BRODSKY «REMEMBER THE DUMP OF THINGS ON AN IRON CHAIR...»	10
Бровкина Т. В. О текстологии некоторых ранее не исследованных списков «Повести о происхождении табака» из книги «Пандок» Brovkina T. V. TEXT FEATURES OF THE RECORDS OF «OLD RUSSIAN TALES ON THE ORIGIN OF TOBACCO» FROM THE PANDOK BOOK	18
Бруцкая Л. А. Смертные казни на восточной окраине Поморья в последней четверти XVII – первой половине XVIII вв. Brutskaya L. A. EXECUTIONS ON THE EASTERN EDGE OF POMERANIA IN THE LAST QUARTER OF XVII – FIRST HALF XVIII CENTURIES	32
Бунчук Т. Н. Фольклорная фразеология в лоемских свадебных причитаниях. Bunchuk T. N. FOLKLORIC PHRASEOLOGY IN LOYMA BRIDAL LAMENTATIONS	47
Геворгян Т. М. Лирический сюжет в книге Марины Цветаевой «Ремесло» Gevorgyan T. M. LYRICAL PLOT IN THE BOOK BY MARINA TSVETAEVA «CRAFT»	61
ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ, МАТЕРИАЛЫ	
Мелихов М. В. Записки о службе во флоте матроса с Пинеги К. Верещагина (по рукописи из собрания А. Д. Григорьева в Славянской библиотеке (Прага)) Melikhov M. V. NOTES ON THE SERVICE IN THE NAVY SAILOR WITH PINEGA K. Y. VERESHCHAGIN	88
Павлов А. А. . Секст Помпей Фест. О значении слов. Избранные глоссы Pavlov A. A. DE VERBORUM SIGNIFICATU ON THE MEANING OF WORDS. SELECTED GLOSS	100
Поletaева Е.А. Рукописный Пролог XVII в. из научной библиотеки Сыктывкарского университета (опыт научного описания) Poletaeva E. A. HANDWRITTEN PROLOGUE XVII CENTURY FROM UST-TSILMA THE COLLECTION OF THE NATIONAL LIBRARY OF SYKTYVKAR STATE UNIVERSITY (THE EXPERIENCE OF THE SCIENTIFIC DESCRIPTIONS)	121
Информация об авторах	150

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский пр., д. 55)

Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. Сыктывкар:
Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. Выпуск 4 (12). 150 с.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

М. В. Мелихов, д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии
СГУ им. Питирима Сорокина

Заместитель главного редактора:

Т. Ф. Волкова, д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии
СГУ им. Питирима Сорокина

Редакционная коллегия:

М. В. Мелихов, д-р филол. наук, профессор кафедры
русской филологии СГУ им. Питирима Сорокина;

Т. Ф. Волкова, д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии
СГУ им. Питирима Сорокина;

Ю. Н. Ильина, канд. филол. наук, доцент кафедры
русской филологии СГУ им. Питирима Сорокина.

Адрес редакции Вестника Сыктывкарского университета

167001. Сыктывкар, Октябрьский пр., 55.
тел. 8 (8212) 390-397

В авторской редакции

Верстка и техническое редактирование А. А. Ергаковой
Выпускающий редактор Л. Н. Руденко

Подписано в печать 16.12.2019. Дата выхода в свет 27.12.2019.

Печать ризографическая. Гарнитура Times New Roman.

Бумага офсетная. Формат 70x108/16.

Усл. п. л. 17,4. Уч.-изд. л. 10,5.

Заказ № 179. Тираж 100 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит»

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.

Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.

E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru

УДК 008

А. А. Барсегян
A. A. Barsegyan

**ВОСПРИЯТИЕ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ РУССКИХ
ПОЭТОВ-КЛАССИКОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
М. ЦВЕТАЕВА, А. АХМАТОВА, М. ПЕТРОВЫХ**

PERCEPTION OF THE CREATIVE HERITAGE OF RUSSIAN CLASSIC POETS
IN THE POST-SOVIET SPACE: M. TSVETAEVA, AHMATOVA, M. PETROVYKH

Статья посвящена вопросам, связанным с восприятием и трактовкой творческого наследия М. Цветаевой, А. Ахматовой, М. Петровых на постсоветском пространстве. Автор говорит о необходимости диалога в культуре, культурной политике. Литература играет колоссальную роль в формировании нравственных ценностей и в продвижении русского языка в странах СНГ. Автор останавливается на теоретических исследованиях, массовых мероприятиях, посвященных поэтам.

Ключевые слова: диалог, культура, язык, литература, поэт, исследования, восприятие, М. Цветаева, А. Ахматова, М. Петровых.

The article is devoted to issues related to the perception and interpretation of the creative heritage of M. Tsvetaeva, A. Ahmatova, M. Petrovykh in the post-soviet space. The author talks about the need for dialogue in culture, cultural policy. Literature plays a huge role in the formation of moral values and in the promotion of the Russian language in the CIS countries. The author dwells on theoretical studies, mass events dedicated to poets.

Keywords: dialogue, culture, language, literature, poet, research, perception. M. Tsvetaeva, A. Ahmatova, M. Petrovykh.

Образование Содружества Независимых Государств (СНГ) привнесло значительные изменения, влияющие на процесс литературных взаимосвязей и диалога национальных культур.

Для России и стран СНГ девяностые годы двадцатого века стали испытанием. В этот период были запущены процессы дезинтеграции в народном хозяйстве, социальной, общественной и политической сферах. Финансирование культуры, как в России, так и в странах СНГ резко сократилось, изменилось отношение к русскому языку, русской литературе, русской культуре, обеспечивающих развитие много-

сторонних отношений между народами. *Культурное наследие и культурные ценности становились недоступными, сокращались тиражи газет, журналов, закрывались учебные заведения.* Всё направлялось на коммерциализацию, внедрение и распространение массовой культуры. *Как следствие – результат:* снижение общего культурного уровня, создание препятствий для диалога, культурного и литературного взаимодействия.

Виной тому и политическая ситуация, и отношение властей к культуре, и соответствующая культурная политика.

В двадцать первом веке исследователи, рассматривая вопросы, связанные с культурой и культурной политикой, отмечают, насколько важна культурная политика, способствующая созданию условий, развитию культур. Становится ясным, что проблемы культурной политики – это «проблемы государственного и общественного статуса культуры».

С образованием Содружества Независимых Государств (СНГ) возникает необходимость в разработке новых законов о культуре, способствующих как сохранению культурного наследия стран СНГ, так определению приоритетных проектов и направлений сотрудничества. С целью формирования культурного пространства, создания условий для диалога и взаимодействия государств-участников СНГ создаются Межпарламентская Ассамблея, Совет по культурному сотрудничеству, Совет по гуманитарному сотрудничеству, Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества. В 2007 году создается Россотрудничество, представительства которого есть в республиках СНГ. *В эту работу также включаются министерства культуры стран Содружества, министерства образования и науки, посольства, академические институты, Международный форум переводчиков и издателей СНГ и Балтии – ежегодный форум для литературных деятелей (Ереван), различные общественные организации, центры, фонды. Газеты, журналы, интернет-порталы освещают деятельность ученых, переводчиков, исследователей, рассказывающих о творчестве великих писателей и поэтов России, в том М. Цветаевой, А. Ахматовой, М. Петровых, («Еркрамас», Краснодар; «Вопросы литературы»; Нива», Казахстан; «Журнальный зал» и др.).*

Новое столетие, 21 век, вносит серьезные коррективы в культурное сотрудничество стран Содружества. По предложению Совета по культурному сотрудничеству стран СНГ, при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ реализуется ряд важных программ, в том числе осуществляется издание серии «Классика литератур СНГ».

Большая исследовательская работа ведется как в вузах России, так и странах СНГ и Балтии. Поскольку, рассмотреть все работы, которые ведутся в России, в рамках статьи не представляется возможным, поэтому остановимся на ряде исследовательских работ стран СНГ и Балтии.

В странах СНГ, где есть Российско-Славянские университеты (*Армения, Азербайджан, Белоруссия, Киргизия, Молдавия, Таджикистан*), *Сетевой университет СНГ, кафедры русского языка и литературы (Тарту, Минск, Рига, Киев, Харьков и др.)*, представительство *Россотрудничества*, Российские центры науки и культуры (РЦНК), *ассоциации педагогов – русистов, журналы, раскрывающие проблемы*

преподавания русского языка в национальных учебных заведениях, ведется работа по российским образовательным стандартам. Она связана с тем, чтобы приобщить подрастающее поколение к творчеству великих писателей и поэтов России, в том числе и к творчеству М. Цветаевой, А. Ахматовой, М. Петровых.

Так, в Российско-Славянском университете (Армения, РАУ) кафедрой русской и мировой литературы проводятся семинары, круглые столы, конференции, в том числе такие, как «Своеобразие жанра биографии на современном этапе литературного процесса (на материале книги Т.Геворкян о М. Цветаевой). В ряде республик (Армения) при поддержке властей, министерств образования и науки, культуры, представительства Россотрудничества благотворительных, общественных организаций проходят Дни русского слова, Дни русского языка, фестиваль «Литературные юбилеи», на которых звучат стихи классиков русской литературы. В Ереване издается незадолго до перестройки книга переводов стихотворений М. Цветаевой «Тебе – через сто лет» (Е. 1983). В ней представлены переводы Г. Эмина, С. Капутикян, А. Парсамян В. Овакимяна, К Карчикяна.

В книге профессора Магды Джанполадян «Когда строку диктует чувство» (Ереван, 2006 г.) публикуется статья «Армянские переводчики Марины Цветаевой», в которой анализируются переводы произведений поэта, дается их оценка. По мнению автора, состоявшийся перевод обязательно становится достоянием литературы и находит своего читателя.

В начале 21 века (2002 г.) в Ереванском государственном университете проходят первые *Цветаевские чтения* в Армении, международная конференция, приуроченная к юбилею поэта. Организатор – доктор филологических наук Т. Геворкян. Из-под пера ученого вышли статьи о цветаевской прозе, поэзии, жизни и смерти, материнстве. Полны глубоких наблюдений статьи о цветаевской типологии, мотивации последнего поступка поэта (уход из жизни), а также о книге «После России». Это работы «Несколько холодных великолепий о Москве (Марина Цветаева и Осип Мандельштам)», «К новым материалам о Марине Цветаевой. О дневниках Г. Эфрона», «Еще раз о книге М. Цветаевой «После России». В 2003 году в издательстве Дома-музея Марины Цветаевой в Москве была выпущена книга Т. Геворкян «На полной свободе любви и дара. Важную работу проделала Н. Гончар, одна из первых представивших материалы о М. Цветаевой на страницах армянской периодики. Недавно вышла в свет её работа «МАРИНА ЦВЕТАЕВА В ереванских публикациях и изданиях (1962-2017). Отмечая важность изданных переводов М. Цветаевой, автор и составитель Н. Гончар цитирует фрагмент из аннотации: «Книга представляет первую скромную попытку познакомить армянского читателя с частью поэтического наследия Марины Цветаевой» [1, с.8].

В университетах защищаются диссертации по цветаевской проблематике: Т. Барышникова «Незавершенные тексты в творчестве М. Цветаевой» (Латвия). В ходе работы автор делает вывод о том, что незавершенные тексты дают возможность увидеть процесс формирования произведения, его рождение в образах, жанре, развертывании сюжета.

В Украине была защищена диссертация Н. Грицак «Рецепция творчества М. Цветаевой в России и Украине» (Тернополь, 2007 г.) В работе исследованы

украиноязычные переводы (П. Тычины, В. Стуса и др.) стихотворений М. Цветаевой, рассмотрена их история и роль в литературных связях. Сложность переводов, их немногочисленность связаны с самобытным авторским стилем русского поэта.

В Тарту (Эстония) Р. Войтехович представил к защите диссертацию «Психея в творчестве М. Цветаевой: Эволюция образа и сюжета» (2005г.), Позже она была издана в книге «Античные мотивы в творчестве Марины Цветаевой» (Тарту, 2006). В 2008 году московским Домом-музеем Цветаевой была также издана книга Р. Войтеховича «Цветаева и античность». Автор отвечает на вопрос: почему Цветаева – поэт XX столетия обращается для самовыражения к древности, к её героям, мифам. В книге рассматриваются «коды» цветаевской поэзии, связанные с древностью, игровые аспекты ее поэтики.

В Тарту была защищена диссертация М. Боровиковой «Поэтика М. Цветаевой. Автор рассматривает лирику Цветаевой, начиная от самых ранних поэтических опытов (в основном из сборников «Вечерний альбом» и «Волшебный фонарь») до стихов 1916 года, останавливаясь на циклах «Стихи о Москве» и «Бессонница». Основной мыслью этой работы является утверждение, что Цветаева отбирает главные структурные элементы поэтики, учитывая контекст эпохи. Выбор поэта, по мнению М. Боровиковой, связан, в первую очередь, с поисками символизма конца 1910-х годов.

И.С. Скоропанова (БГУ, Минск) представила работу о М. Цветаевой и Ницше. По мнению исследователя, у Цветаевой, как и у Ницше, *сверхчеловек* – это категория духовная, а не социальная.

С целью приобщения современного юного читателя к творчеству М. Цветаевой в странах Содружества проводятся творческие уроки, беседы, ставятся литературно-музыкальные композиции, исполняются романсы на стихи поэта. Как правило, педагоги или ведущие стараются познакомить присутствующих с трагической биографией поэта, эпохой, в которой ей довелось творить, мотивами её самобытного творчества, особенностями текста М. Цветаевой. Для анализа предлагаются темы: « поэт и время», «поэт и поэзия», « Родина в творчестве М. Цветаевой», «любовь в творчестве поэта» и др.

В странах СНГ и Балтии в честь юбилея поэта проведены литературно-музыкальные вечера, поставлены концертные программы: «Драгоценные вина» (при посольстве РФ в Армении), « Красною кистью рябина зажглась...» (Азербайджан), « Моим стихам, написанным так рано...» (Киргизия), « Господин мой – время» (Литва). В Грузии с почтением относятся к замечательным переводам М. Цветаевой поэм В. Пшавелы « Раненый барс», «Этери» и « Гоготур и Апшина». Неоднократно они звучат на сценах театров Тбилиси, творческих вечерах. Большую работу по пропаганде цветаевского наследия ведет музей А. Цветаевой в Павлодаре (Казахстан). Это литературно-музыкальные вечера, экскурсии, выпуск книги, концерты. Свою лепту вносит и Кокшетау (ранее – Кокчетав).

Режиссеров и актеров также привлекает творчество М. Цветаевой своей открытостью, обнаженностью. Большой популярностью пользуются работы, в основе которых лежит « Повесть о Сонечке». Спектакли ставятся как в России, так и в Прибалтике, в Украине.

Если говорит о работах, посвященных А. Ахматовой, то нужно прежде всего отметить, что в ранней критике выделяются статья Н. В. Недоброво «Анна Ахматова» (1915 г.), а также работы В. В. Виноградова, литературоведов В. М. Жирмунского и Б. М. Эйхенбаума.

После XX съезда КПСС (1956 г.) и вплоть до отмены в 1988 г. постановления ЦК ВКП (б) 1946 г. о журналах «Звезда» и «Ленинград» отношение официальных властей к поэзии Ахматовой оставалось двусмысленным. Тем не менее, творчество поэта высоко оценивали современники. Известно высказывание И. Бродского о произведениях А. Ахматовой: «Такого по-русски еще не было».

После 80-х годов XX века стали традиционными исследования творческой переклички А. Ахматовой с представителями русской и мировой классики. Они служили аргументом для реабилитации поэта. В последние десятилетия появился ряд важных исследований – статьи и книги В. В. Мусатова, О. Е. Рубинчик, Т. А. Пахарева, Р. Д. Тименчика, Т. В. Цивьян и др.

В наше время интерес представляет диссертация Темненко Г. М. «Поэзия Анны Ахматовой как литературно-художественная система» (Крым, Таврический университет). В Крыму также регулярно проводятся Международные Ахматовские Чтения.

Как известно в годы эвакуации Ахматова жила в Ташкенте. Интересно отношение народного поэта Узбекистана Зульфийи к творчеству А. Ахматовой. По воспоминаниям дочери Хулькар Хамидовны Алимджановой Зульфийа была очень скромной. Когда в Ташкенте жила Анна Ахматова и болела, Хамид Алимджан (супруг Зульфийи) приносил ей продукты, лепёшки. А. Ахматова благодарила, передавала привет Зульфийе и просила в гости. Зульфийа так и не решилась пойти к Анне Андреевне. Но с вдохновением она переводила стихотворения русского поэта, которые были так близки и понятны ей. А. Ахматову и М. Цветаеву Зульфийа ставила непомерно выше себя по поэтическому дару.

Ташкентские годы сыграли особую роль в творчестве А. Ахматовой. Здесь она много писала, а свое известное стихотворение «Мужество», она диктовала по телефону в редакцию газеты «Правда» из Ташкента. В Ташкенте ныне переиздаются ее стихи, проводятся вечера памяти поэта.

Мария Петровых продолжила традиции, заложенные прогрессивными деятелями русской культуры первой трети 20 века: А. Блоком, Ю. Веселовским, В. Брюсовым, К. Бальмонтом. В СССР первые критические материалы о М. Петровых начали появляться в «толстых» журналах в 1980-е годы. Это было связано с выходом ее посмертных сборников: «Предназначение» (М. 1983), «Черта горизонта» (Ереван, 1986). В книге «Черта горизонта» были опубликованы очерки, воспоминания Л. Мкртчяна, В. Адмони, Я. Хелемского, Е. Николаевской, Ю. Нейман, А. Тарковского, Э. Александровой, Н. Горской, Л. Озерова, Д. Самойлова, Г. Левина, С. Капутикян, М. Маркарян и других о М. Петровых.

Первая научная работа, посвященная поэтессе и переводчику Марии Петровых «Роль творчества М. Петровых в развитии русско-армянских литературных отношений», была проделана в Ереване (1990). Ее автор – М. А. Мкртчян. В диссертации содержится тематический анализ оригинальной лирики М. Петровых, Лирика поэта проанализирована и разделена на три периода: ранний (1920-30-е

годы), военный (1941-1945-е годы) и стихотворения 1950-70-х годов. Здесь же рассматривается армянская тема в ее творчестве, перечислены переводы некоторых произведений, выполненные М. Петровых. В конце двадцатого века были неоднократные попытки написать биографию М. Петровых. Наброски к биографии поэта сделаны С. Иоффе в книге «Живут стихи. Этюды о поэтах» (Иркутск, 1979). Обзорно биография М. Петровых представлена в монографии С. Рутминского «Поэты Серебряного века» (Екатеринбург, 2000). Основные вехи творческого пути поэтессы изложены в словаре «Русские писатели 20 века: Биографический словарь» (Москва, 2000). Переводческая деятельность поэтессы схематично отражена в справочнике «Русские поэты XX века: Материалы для биографии» (Москва, 2007). Творческое наследие поэта впервые было широко исследовано Т. В. Богдановой в диссертации «Поэзия Марии Петровых» (Ташкент, 1991). Научная биография М. Петровых впервые представлена в диссертации А. С. Кастарновой «Мария Петровых: проблемы научной биографии» (Москва, 2010). В работе дается первая комплексная систематизация и интерпретация литературной деятельности М. Петровых, отразившей социально-политические реалии советского времени.

Поэтическая судьба Марии Петровых была непростой. Это подтверждают современные издания стихов М. Петровых, а также неопубликованные тексты, письма, черновики, воспоминания современников. При жизни М. Петровых почти не печатала своих стихов, хотя писала с конца двадцатых годов. Иногда она читала свои стихи в узком кругу. М. Петровых была скромна и застенчива, не любила афишировать свое творчество. Об этом пишет Лев Озеров, вспоминая встречи с поэтессой: « На одном из вечеров Марию Сергеевну долго упрашивали почитать стихи. Она отказывалась. Застенчивость ее была выражением глубоко скрытой от внешнего взгляда работы души. Сосредоточенность на определенном настроении, мысли, замысле заставляла ее защищаться от резких сигналов извне, от просьб читать на людях, вещать, лицедействовать». Потом ее уговорили и «Мария Сергеевна сдалась на милость неумолимых слушателей. Читала она просто, естественно, степенность была внешним выражением высокого понимания миссии поэта, отрешенность от всех была сосредоточенностью на высказывании и на том, что стоит за ним. Она не заглазывала концы строк и строф, как было тогда принято, не переходила на мелодекламацию. Общее впечатление было определенным: подлинность, духоподъемность, прозрачность слога, гармония, умеренная, опирающаяся на строгий вкус, старомодность. Ничего такого, что било бы на эффект, что было бы не сутью, а посторонней остротой, праздной привлекательностью...» [2, с. 313]. Современники высоко ценили стихи М. Петровых. Известный переводчик, поэт, бывший сокурсник М. Петровых по Высшим литературным курсам, Арсений Тарковский отмечал «врожденный поэтический голос» Марии Петровых. Об этом также писала Елена Николаевская, известный советский переводчик, в статье «Тайна»: « У Марии Петровых абсолютный слух. Абсолютная зоркость. Чуткость. Совершенное чувство гармонии. Чувство меры. Вкус. Чувство природы, слиянности с нею» [3, с. 343].

Успехи переводчицы Марии Петровых значительны. В ее прекрасных переводах выходили стихи болгарских, еврейских, литовских, польских поэтов, но самое

близкое ей по духу поэтическое пространство – это Армения. Судьбоносной стала встреча М. Петровых с Арменией.

М. Петровых переводила стихи и молодых армянских поэтов, и классиков: Иоаннеса Иоаннисиана, Аветика Исаакяна, Ваана Теряна, Наири Зарьяна и др. В этой работе ей помогали особый дар, дар постижения и проникновения в душу другого автора, дар перевоплощения и умения переложить речь автора на язык перевода. Анализируя перевод поэмы Н. Зарьяна «Ара Прекрасный», критик Левон Мкртчян, писал: «М. Петровых передала мужественный, дышащий глубокой страстью язык героев. Она сохранила высокий слог речи персонажей, не подменив его цветистостью, сохранила лапидарность языка, часто переходящую в афористичность» [4, с. 387].

В Ереване в 1968 году была издана первая и единственная прижизненная книга стихов поэта «Дальнее дерево». Здесь же размещены переводы Марии Петровых. По просьбе Левона Мкртчяна были выполнены автобиографические заметки М. Петровых для книги. К этой книге поэтесса шла долго. До этого она публиковала только переводы стихов литовских, армянских, польских, еврейских и других поэтов, а своих стихов не более десятка. Портрет Марии Петровых кисти М. Сарьяна свидетельствовал о том, как высоко ценили в Армении дружбу с замечательным поэтом и переводчиком. Творческая дружба связывала выдающихся армянских поэтов С. Капутикян, М. Маркарян с М. Петровых. Русский поэт М. Петровых была для них и сестрой, и другом, и помощником. Велики заслуги Марии Петровых в сближении национальных литератур: она перевела огромное количество стихов из сокровищниц разных народов. Эти переводы сблизили, породнили народы. Армения высоко оценила заслуги Марии Петровых. Она – первый лауреат премии имени Егише Чаренца, заслуженный деятель культуры Армянской ССР.

***

1. Гончар Н. «Марина Цветаева в ереванских публикациях и изданиях (1962–2017)». С. 20.
2. Озеров Л. Чистый голос // Мария Петровых. Черта горизонта. Стихи и переводы. Воспоминания о Марии Петровых. Ереван, 1986. 406 с.
3. Николаевская Е. Тайна // Мария Петровых. Черта горизонта. Стихи и переводы. Воспоминания о Марии Петровых. Ереван, 1986. С. 343–344.
4. Мкртчян Л. Поэт // Мария Петровых. Черта горизонта. Стихи и переводы. Воспоминания о Марии Петровых. Ереван, 1986. С. 385.

Д. М. Смирнова, О. А. Бознак
D. M. Smirnova, O. A. Voznak

**ПОЛИГЕНЕТИЧЕСКИЙ ИНТЕРТЕКСТ СТИХОТВОРЕНИЯ ИОСИФА
БРОДСКОГО «ПОМНИШЬ СВАЛКУ ВЕЩЕЙ НА ЖЕЛЕЗНОМ СТУЛЕ...»**

**THE POLYGENETIC INTERTEXT OF THE POEM OF JOSEPH BRODSKY
«REMEMBER THE DUMP OF THINGS ON AN IRON CHAIR...»**

В статье рассматривается специфика интертекстуальных связей в поэзии И. Бродского на примере анализа полигенетического интертекста стихотворения «Помнишь свалку вещей на железном стуле...» Анализируются отсылки как к русской литературе (А. Ахматова, А. Блок, А. Пушкин, Н. Некрасов), так и к фольклору. Рассматриваются и христианские мотивы в стихотворении. Также проводятся параллели между стихотворением и рассказом Е. Замятина «Пещера». Делается вывод о том, что понимание интертекстуальных связей расширяет круг возможных интерпретаций данного стихотворения: от мотива прощания эмигранта с родиной до осмысления русской истории и культуры XX века.

Ключевые слова: интертекст, Бродский, поэзия, интерпретация, русская литература, фольклор, христианские мотивы.

The article discusses the specificity of intertextual connections in the poetry of J. Brodsky on the example of the analysis of the polygenetic intertext of the poem "Remember the dump of things on an iron chair ...". The references are analyzed to Russian literature (A. Akhmatova, A. Blok, A. Pushkin, N. Nekrasov) and to folklore. Christian motives in the poem are also considered. Also parallels are drawn between the poem and the story by E. Zamyatin "Cave". The conclusion is made that the understanding of intertextual connections expands the range of possible interpretations of this poem: from the motive of farewell of the emigrant to his homeland to understanding of Russian history and culture of the twentieth century.

Keywords: intertext, Brodsky, poetry, interpretation, Russian literature, folklore, Christian motives.

Интертекстуальность – одна из важных черт поэзии И. Бродского. На это в своих исследованиях указывают Д. Ахапкин [1], А. Жолковский [2], М. Крепс [3], А. Ранчин [4] и многие другие. Интертексты И. Бродского не являются просто постмодернистской игрой с претекстом и читателем, а всегда представляют собой переосмысление, иное прочтение, согласие или несогласие с предыдущими текстами. Еще одна особенность их состоит в том, что, по выражению Е. Мищенко, «интертекстуальность поэта стремится к сверхтекстуальности», т.е. отсылка к одному тексту – это нередко и отсылка ко всему творчеству автора, и даже к тому литературному направлению или эпохе, к которой он принадлежит [5]. К сверхтекстуальности И. Бродский приходит разными способами, например, делая к одному автору или даже к одному тексту несколько отсылок в разных стихотворениях, создавая своеобразный корпус отсылающих текстов, которые можно связать в

один большой текст (так, например, несколько раз становится претекстом пушкинский «Пророк» или крыловская басня «Ворона и Лисица»). Другой способ создания сверхтекстуальности – это полигенетический претекст, когда в одном стихотворении есть выход на несколько разных претекстов, которые в данном произведении связываются и становятся как бы одним общим текстом.

Понятие полигенетичности обосновывается ученым П. Тамми [6]. Исследователь отмечает значимость данной категории при «анализе таких художественных текстов, когда в отдельном сегменте текста актуализируется не один только подтекст (или один литературный источник), а целое множество источников» [6, с. 181]. Он предлагает выделять две модели полигенетичности. Первая модель представляет ситуацию, когда несколько претекстов включается в новый текст независимо друг от друга, что можно изобразить формулой $T1 \neg T2 + T3$, где $T1$ – первичный (исследуемый) текст, а $T2$, $T3$ и т.д. – множество подтекстов, или вовлеченных источников. Вторая модель реализуется в текстах, где претексты изначально взаимодействуют, а потом попадают в новый текст; ее можно обозначить формулой $T3 \neg T2 \neg T1$, что создает впечатление «причинной, историко-литературной связи» [6, с. 183–185].

В поэзии И. Бродского встречаются обе модели полигенетического интертекста. Есть случаи, когда оба типа присутствуют в пределах одного произведения. Таково стихотворение «Помнишь свалку вещей на железном стуле...»

Анализируемое стихотворение было написано И. Бродским в 1978 году, в американский период жизни и творчества автора. Оно входит в сборник «Новые стансы к Августе», который весь посвящён Марии Басмановой. Сам поэт в диалогах с С. Волковым так отзывался об этом сборнике: «Как вам, вероятно, известно, это сборник стихов за двадцать лет с одним, более или менее, адресатом. И до известной степени это главное дело моей жизни» [7, с. 376]. Обратимся к анализу интертекстуальных связей стихотворения и проследим, как реализуется принцип полигенетичности в данном произведении.

Отметим, что интертекст стихотворения формируется не только конструкцией «текст в тексте», но и отношениями паратекстуальности [8, с. 79–93]. Стихотворение предваряется эпиграфом-цитатой из «Трёх стихотворений» А. Ахматовой. И. Ю. Малыгина и А. А. Фокин утверждают, что «ахматовская поэтика и есть тот мост, который соединяет Бродского со всей русской поэтической традицией» [9, с. 376], следовательно, любое её цитирование – это всегда выход на русскую поэзию в целом. В данном случае это подтверждается самим характером цитируемого произведения.

В качестве эпиграфа поэт использует начальные строки первого из «Трёх стихотворений»: «Пора забыть верблюжий этот гам / И белый дом на улице Жуковской» [10, с. 93]. Ими задается ситуация прощания с одним пространством и периодом жизни и творчества (в 1942–1944 годах А. Ахматова находилась в эвакуации в Ташкенте и жила в доме № 45 по улице Жуковской) и возвращения в другое, вынужденно покинутое пространство Родины. Смысл эпиграфа («Пора забыть...») контрастирует с зачином стихотворения И. Бродского («Помнишь...»), но в том и другом случае появляется образ дома, ассоциирующийся с важным для лириче-

ского субъекта периодом жизни, навсегда ушедшим в прошлое (ташкентский период в судьбе А. Ахматовой и жизнь в России для эмигранта И. Бродского). Заданный контраст отчасти снимается тем, что и для А. Ахматовой, и для И. Бродского важен мотив возвращения (реального возвращения в Ленинград-Петербург для А. Ахматовой и воображаемого, в воспоминании, для И. Бродского). Однако для И. Бродского это возвращение-воспоминание становится прощанием. В 1978 году, когда было написано стихотворение, поэт перенёс операцию на сердце, а его родителям снова отказали в выездной визе, что только укрепляло сознание невозвращения, окончательного разрыва с Родиной.

Д. Ахапкин так трактует это стихотворение: «Поэт, находясь вдали от родины, прячет от «новой грамматики» (английского языка и, шире, вообще окружающей действительности – если мир устроен как язык, что постоянно прослеживается в поэзии и прозе Бродского, значит, у него тоже есть грамматика) окончания шепота, крика, плача, сохраняя память о прошедшем. Противопоставление английского «аналитического» языка, в котором мало окончаний, и русского «синтетического», с большим количеством падежных форм и личных окончаний, становится основанием для метафоры» [1, с. 58]. Действительно, для И. Бродского язык – это воплощение всей сущности страны, культуры, поэтому такой лингвистический подход абсолютно приемлем.

Находясь в сильной позиции, строки эпитафии задают отношения паратекстуальности со всем триптихом, поэтому не менее важны глубинные переключки исследуемого стихотворения с ахматовским текстом. В последнем, как и в стихотворении И. Бродского, содержатся интертекстуальные отсылки к предшествующей культурной традиции, маркированной именами А. Пушкина и А. Блока.

Блоковский интертекст более очевиден. Он представлен аллюзиями на стихотворения, относящиеся к разным периодам блоковского творчества. В первом стихотворении триптиха это «Осенняя воля», помеченное: «Июль 1905. Рогачевское шоссе». К нему отсылают мотивы пути, Родины, а также образ «молодого Блока», в котором воплощен облик лирического героя «Осенней воли». Во втором и третьем стихотворениях образ Блока меняется. В них преобладает «трагедийное восприятие Блока как «человека-эпохи», что нашло выражение в емкой формуле, завершающей второе стихотворение триптиха – «трагический тенор эпохи»» [11, с. 189]. В третьем присутствуют аллюзии сразу к двум стихотворениям А. Блока: «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека» («Он прав – опять фонарь, аптека...» [10]) и «Пушкинскому дому» («Когда он Пушкинскому дому, / Прощаясь, помахал рукой...» [10]). Как отмечает Д.Е. Максимов, в поэзии поздней А. Ахматовой «по-новому оживает трагический опыт Блока, его тема «страшного мира» и атмосфера, окружающая эту тему» [12, с. 188]. По наблюдению М.Ф. Пьяных, композиция «Трех стихотворений» «передает последовательность и историко-психологическую окраску трех периодов в жизни и творчестве Блока», но, замечает исследователь, «ахматовское восприятие этих периодов весьма своеобразно и не во всем совпадает с характером различных периодов в творчестве Блока». Поэтический строй цикла воплощает связь и различие, двух эпох: «эпохи Блока, которую захватила и сама Ахмато-

ва, и эпохи послеблоковской, современницей которой была уже только Ахматова» [11, с. 189–190].

А. Блок, не являясь для И. Бродского поэтическим ориентиром¹, по-видимому, воспринимается поэтом именно через призму ахматовской концепции его личности и судьбы. Он – «памятник началу века», «самый характерный представитель своего времени» символ русской культуры Серебряного века. Его личная трагедия неразрывно связана с трагическими событиями начала «настоящего двадцатого века». В этом смысле А. Блок оказывается близок И. Бродскому, чья личная судьба эмигранта в конечном итоге определена теми же историческими событиями, что и судьба А. Блока и всей страны – Октябрьской революцией и приходом советской власти.

Таким образом, благодаря контексту эпитафия, временные рамки стихотворения И. Бродского расширяются. Это не только эмигрантское настоящее, от которого лирический герой «уходит в прошедшее время» – доэмигрантскую жизнь в Советском Союзе, где по-настоящему ценным оказываются личные воспоминания – любовь, спасающая как от физического холода внешнего мира, так и от враждебной социально-политической советской действительности, неизбежно разрушающегося изнутри государства: «Настоящее пламя / пожирало<...>центральный орган державы плоской...» [13], но и истоки этой ситуации, революция. Поэтому «новая грамматика» может быть истолкована и как новый строй, утвердившийся после революции, от которого надо прятать, спасать то, что является существенно важным для личности поэта: любовь и поэтическое слово².

Позиция лирического героя И. Бродского характеризуется «состоянием отчуждения – от социума, от людей, от истории, от природы» [14, с. 655–656], что отчетливо проявляется и в данном стихотворении. Мы видим, что благодаря контексту, формирующемуся паратекстуальными отношениями с произведением А. Ахматовой, состояние отчуждения реализовано в данном стихотворении на двух уровнях: биографическом, связанном прежде всего со сменой языковой среды, которая влечёт за собой и смену культурных ориентиров, и историческом, на котором этот культурный разрыв касается не только одного эмигранта, но всей страны, ее культуры.

Таким образом, блоковский текст становится одним из претекстов анализируемого стихотворения. Его вовлечение в образно-смысловое поле текста И. Бродского реализовано по второй модели полигенетичности. Блок как символ русской культуры и истории начала XX века входит в интертекст «Помнишь свалку вещей...» через посредство ахматовского триптиха. И хотя в самом стихотворении

¹ Показательно следующее высказывание об А. Блоке И. Бродского: «Блок, на мой взгляд, со всеми своими апокалиптическими видениями пытался все это одомашнить. Я не хочу о Блоке говорить ничего дурного, но это, в общем, банальное решение петербургского феномена. Банальная интерпретация пространства» [7, с. 22].

² Творчество в художественном мире И. Бродского соотносится с темой звука, голоса, крика. Поэтому «Окончания шепота, крика, плача» – это и творчество тоже. Отметим, что мотив звука в этом стихотворении перекликается с ахматовским определением Блока – трагический тенор, что, в свою очередь, вызывает ассоциации с музыкальным восприятием человека и времени, свойственным позднему Блоку и оказавшимся близким А. Ахматовой 1940–1960-х гг.

И. Бродского цитатных отсылок к его текстам нет, образы и мотивы его произведений воспринимаются в тексте, как будет показано ниже, в качестве неявных аллюзий, а не просто случайных сближений.

Состояние отчуждения, определяющее одиночество лирического героя, выражается и в характере интертекста основного текста стихотворения. Помимо контекста ахматовского триптиха, в самом тексте есть отсылки ещё как минимум к двум классическим произведениям. Это поэма Н. Некрасова «Мороз, Красный Нос» («когда зима тревожит бор Красноносом...» [13]) и роман в стихах А. Пушкина «Евгений Онегин» («когда торжество крестьянина под вопросом...» [13]). Полигенетический интертекст в этом случае представляет собой первую модель, когда претексты не пересекались до того, как их включили в новый текст. Однако в стихотворении И. Бродского обе аллюзии оказываются максимально сближенными (находятся в соседних строках и представляют собой две последовательно расположенные однородные придаточные части сложноподчиненного предложения) и работают на создание одного образа – зимы.

В обоих претекстах образ зимы предстает не только как время года; он насыщен символическими значениями. В «Евгении Онегине» стихия зимы становится выражением глубочайших основ народной жизни [15]. Пушкинская зима двулика: она предстает в его произведениях и как мажорная жизнеутверждающая тема, царство бодрости, пробуждения (в том числе и в тех строфах «Евгения Онегина», к которым отсылает стихотворение И. Бродского), и как воплощение тоски и уныния, темного разрушительного начала, разгула бесовской стихии. В контексте данного стихотворения жизнеутверждающий полюс ставится под сомнение («торжество крестьянина под вопросом»). Трансформируя цитату, И. Бродский словно корректирует пушкинский образ, оставляя лишь темный, губительный облик зимы. Это впечатление поддерживается отсылкой к некрасовской поэме, в которой зима напрямую соотносится со смертью, причем не только на уровне сюжета, но и в непосредственно выраженном в посвящении авторском размышлении («А теперь – мне пора умирать...»).

Кроме того, в текстах обоих поэтов зима соотносится с крестьянской жизнью. Народную «огласовку» зимней темы поддерживает в анализируемом произведении упоминание типичной для народных песен и частушек формулы: «ты подпевала бездумному «во саду ли, в огороде»» [13]. И. Бродский не так часто вводит в свои произведения отсылки к традиционному фольклору, что делает данное включение значимым.

Во-первых, через нее задается разница в восприятии окружающего лирическим героем и его возлюбленной. Строки припева предстают как бездумное бречанье за стеною, не вызывающее, согласно этим характеристикам, никакого отклика у лирического героя; он лишь запоминает песню как одну из подробностей, связанных с воспоминанием о возлюбленной. Она же, подпевавшая песне, больше связана с миром за стеною, не испытывает отчуждения от него и, в конце концов, остается в нем, тогда как герой навсегда его покидает. Во-вторых, народный припев встраивается в ассоциативно-образный план, стихотворения, порожденный интертекстом, о чем ниже.

Наряду с фольклорным и литературным контекстами в стихотворении присутствует и библейский. Спасаются герои в занесённом сугробами доме, «куда задувало не хуже, чем в той пещере...» Д. Ахапкин, говоря о том, что у И. Бродского часто встречаются отсылки, отмечает, что зачастую об их наличии «сигнализирует появление в стихотворении определенных указателей» [1, с. 6]. Указательное местоимение «та» отсылает к наиболее известному культурному образу пещеры – к христианскому. У И. Бродского, который на протяжении своего творчества часто обращался к сюжету Рождества, пещера – место, где родился Иисус (например, «Младенец родился в пещере, чтоб мир спасти» из «Рождественской песни» [13]). В «Помнишь свалку вещей...» на христианское происхождение образа указывает то, что в следующей строке появляются цари (т.е. волхвы), животные и пастухи (по Евангелию от Луки, Иисус родился в хлеву в окружении животных и пастухов). Однако, вьюга, наметая сугробы, «преграждает доступ» к пещере «царям, пастухам, животным», что свидетельствует о невозможности чуда в современном мире. У И. Бродского этот мотив также является устойчивым (например, в стихотворении «24 декабря 1971 года»: «не видно тропы в Вифлеем из-за снежной крупы /.../ пусто в пещере:/ ни животных, ни яслей, ни Той,/ над Которою нимб золотой»). Но именно эта ситуация невозможности чуда и делает его неизбежным: «Пустота. Но при мысли о ней / видишь вдруг как бы свет ниоткуда» [13]. В данном же стихотворении чудо Рождества не происходит, но его высшим светом освещается другое чудо – любви.

Все отмеченные нами интертекстуальные планы стихотворения – литературный, фольклорный и библейский – работают на создание еще одного ассоциативно-образного плана произведения. Мотивы зимы, ветра, вьюги, Рождества, народной песни присутствующие в стихотворении, вновь обращают нас к заданному эпиграфом контексту творчества А. Блока, а именно к его поэме «Двенадцать». Особенно, если принять во внимание интерпретацию блоковской поэмы Б.М. Гаспаровым, убедительно доказывающим, что в «Двенадцати» нашли отражение мотивы святочного карнавала [16]. Вьюга «Двенадцати» в ее символическом значении восходит к пушкинскому образу вьюги из стихотворения «Бесы» [17] и, шире, к тому темному и разрушительному облику русской зимы, который уже в творчестве самого А. Пушкина, а еще отчетливей в продолжающей его литературной традиции, устойчиво связан с художественным осмыслением революции. Так возникающие из контекста эпиграфа параллели с блоковским осмыслением революции находят поддержку в образно-ассоциативном плане текста, создаваемом интертекстуальными отсылками.

Согласно идее И.В. Арнольд, интертекстуальные включения расширяют оптическое поле текста. Аллюзия или цитата выступают в качестве линзы, сквозь которую человек смотрит на предметы, а то, что читатель увидит сквозь неё, зависит от трёх факторов: претекста, контекста и знаний реципиента [18, с. 353]. Оптическое поле, открывающееся благодаря взаимодействию претекстов и контекста данного стихотворения, дает значительную свободу для выстраивания других ассоциативных рядов, выявления удаленных контекстов.

Так мотив пещеры, несмотря на библейский источник, в стихотворении работает на создание образа, существенно отличающегося от первоисточника (Рождественского вертепа). Образ дома превращается, благодаря сравнению, в занесённый снегом дом-пещеру, в котором прячутся двое (не мать и сын, как в библейском сюжете, а двое влюблённых). Внешнее пространство – зима, которая благодаря интертекстуальным отсылкам и возникающим параллелям становится символическим пространством смерти, разрушения мира. Всё это создаёт ассоциативный ряд к «Пещере» Е. Замятина. Ситуации в произведениях схожи: дом посреди страшной, грозящей смертью и разрушением зимы (у Е. Замятина – революция, у И. Бродского – существование неумолимо разрушающегося тоталитарного государства) сравнивается с пещерой, где пытаются спастись мужчина и женщина, которым ничего не остается, кроме того, чтобы согреть друг друга своим собственным теплом от враждебного холода мира. Сближает произведения и настроение безысходности, мотив прощания. Данная параллель относится к тем дальним контекстам, которые открываются только через посредство ближайших.

Таким образом, полигенетический интертекст стихотворения (явный и неявный) работает на расширение образно-семантического поля произведения, дает возможность для разных уровней интерпретации текста: от понимания стихотворения как прощания поэта с Родиной до выявления универсальных смыслов и историко-культурных проекций.

***

1. Ахапкин Д. Иосиф Бродский после России. Комментарии к стихам И. Бродского (1972–1995). СПб.: ЗАО «Журнал «Звезда»», 2009.
2. Жолковский К. Блуждающие сны и другие работы. М.: Наука, 1994.
3. Крепс М. О поэзии Иосифа Бродского. Ann Arbor: Ardis, 1984.
4. Ранчин А. М. На пиру Мнемозины. Интертексты Бродского. СПб.: Новое литературное обозрение, 2001.
5. Мищенко Е. «Чужое слово» в лирике И. Бродского как диалог с культурной традицией: постановка проблемы [Электронный ресурс] // Вестн. Том. гос. ун-та, 2008. № 315. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chuzhoe-slovo-v-lirike-i-brodskogo-kak-dialog-s-kulturnoy-traditsiey-postanovka-problemy> (дата обращения: 06.04.2019).
6. Тамми П. Заметки о полигенетичности в прозе Набокова // Проблемы русской литературы и культуры. Хельсинки, 1992. С. 181–194.
7. Волков С. М. Диалоги с Иосифом Бродским. М.: Независимая газета, 1998.
8. Женнет Ж. Фигуры. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998.
9. Малыгина И. Ю., Фокин А. А. И. Бродский и А. Ахматова: традиция диалога и диалог традиций // Мир науки, культуры и образования, 2015. № 6. С. 375–377.
10. Ахматова А. А. Собрание сочинений: в 6 т.; в 2 кн. Кн. 1. Стихотворения. 1941–1959 / сост., подгот. текста, коммент. и статья Н. В. Королевой. М.: Эллис Лак, 1999.
11. Пьяных М. Ф. Блок и русская советская поэзия // Литературное наследство. А. Блок. Новые материалы и исследования. М., 1980.
12. Максимов Д. Е. Ахматова о Блоке // Звезда. 1967. № 12. С. 187–191.
13. Бродский И. А. Стихотворения и поэмы (основное собрание). [Электронный ресурс] Подготовка текста С. Виноцкий. URL: http://lib.ru/BRODSKIJ/brodsky_poetry.txt (дата обращения 03. 09. 2018).

14. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература. 1950–1990-е годы: в 2 т. М.: Академия, 1999. Т. 2.
15. Маркович В. М. И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века (30–50-е годы). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982.
16. Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993.
17. Магомедова Д. М. Две интерпретации пушкинского мифа о бесовстве: (Блок и Волошин) // Московский пушкинист: Ежегод. сб. / Рос. АН. ИМЛИ им. А. М. Горького. Пушкин. комис. М.: Наследие, 1995. Вып. I. 1995. С. 251–262.
18. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999.

**ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТА НЕКОТОРЫХ РАНЕЕ
НЕ ИССЛЕДОВАННЫХ СПИСКОВ «ПОВЕСТИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ
ТАБАКА» ИЗ КНИГИ «ПАНДОК»**

TEXT FEATURES OF THE RECORDS OF «OLD RUSSIAN TALES
ON THE ORIGIN OF TOBACCO» FROM THE PANDOK BOOK

В статье представлена краткая характеристика и текстологический анализ шести ранее не исследованных списков древнерусской «Повести о происхождении табака» из книги «Пандок» из разных собраний Москвы и Санкт-Петербурга. В ходе исследования этих списков нам удалось выявить X краткую редакцию Повести, добавить к спискам особой редакции новый список и дополнить несколькими списками основную редакцию.

Ключевые слова: Повесть о происхождении табака, древнерусские повести, табак, текстология, редакции, списки.

The article presents the brief characteristics and textual criticism of six records of «Old Russian Tales on the origin of tobacco» from the Pandok book from different collections of Moscow and St. Petersburg which haven't been analyzed earlier. By analyzing the records we were able to identify 10-th brief revision of the Tales, add a new record to the list of special records and complement the main revision with several records.

Keywords: The novel on the origin of tobacco, Old Russian novels, tobacco, textology, revisions, records.

Восстанавливая историю текста древнерусской «Повести о происхождении табака» из книги «Пандок», мы привлекаем к исследованию все больше доступных нам списков произведения. Наши выводы относительно отдельных редакций, их вариантов, наблюдения относительно индивидуальных чтений некоторых списков Повести позволяют восстановить основные этапы движения ее текста в XVII–XX вв. [1, 2, 3, 4]. Списки, рассматриваемые нами в данной статье, до этого дня не были вписаны в общую текстологическую концепцию Повести, однако транслитерировав их текст и проведя текстологический анализ, нам удалось определить место каждого из них среди выделенных ранее редакций и их вариантов.

Список **БАН, 21.11.2** (далее – Б. 21)¹ находится в сборнике XVIII в., написанном скорописью разных почерков, который содержит отрывок жития Кирилла Новоезерского, слово о Макарии Египетском, повесть о взятии Азова турками, повесть о Фоме и Савве Грудцыных и др. Повесть читается на лл. 169–180. В данном списке заглавие и начало Повести отсутствуют, текст начинается с середины фрагмента, рассказывающего о гибели множества народа от прелюбодеяния блуд-

¹ Здесь и далее мы заменяем подробные шифры рукописей условными обозначениями, список которых приводим в конце статьи.

ницы (мотив 14 по классификации Т. Ф. Волковой [5, с. 13–20], в дальнейшем мы также будем ссылаться на эту классификацию): «*в пагубу идет всему миру, понеже от скверныхъ любодения ея множество народа погибнетъ и погибати будетъ*» (л. 169).

Переписчик небрежно отнесся к своей работе: на протяжении всего текста Повести встречаются зачеркивания, исправления над строкой, опiski и ошибки. Так, согрешившая черница превратилась в царицу, труп блудницы в «прудъ», главный герой в начале повествования назван царем Алексеем, хотя обычно его зовут Анепсий, а имя Алексей он получает только после крещения; здесь же, когда герой крестится, ему оставляется прежнее имя Алексей и т. п.

Список Б. 21 достаточно сложно отнести к конкретной редакции Повести, поскольку во фрагментах, содержащих специфические чтения, определяющие ту или иную редакцию, не прослеживается единообразия. В данном списке, как и в списках I вида основной редакции, в пророческий сон царя Анепсия включён отрывок о «средовичныхъ юношахъ», которые пришли посмотреть на девицу; во фрагменте, рассказывающем о том, что курильщики не имеют права креститься, как и в I виде, читается риторический вопрос о Христе и дьяволе («велиале»): «*Кое общение свету ко тмь или кое место бываетъ Христу с валиаромъ, и рукою си крестнаго знамения на лицахъ ихъ недостойтъ вооб[ражати]... (л. 179 об.)*», тогда как в списках II вида в этом фрагменте говорится, что если курильщик обратится к священнику, то не должен его перекрещивать. Список не содержит «Явления на Красной Горе», что также присуще первому виду основной редакции Повести. Однако, как и в списках второго вида, в списке Б. 21 в рассказе одного из «еллинов» царю о блуднице отсутствует фрагмент, где говорится о том, что дочь, родившаяся от блудницы, сама блудила больше своей матери, а в диалоге царя и Тремикура о блуднице выпущен отрывок о понимании царем, что начинает сбываться рассказанное ему ангелом, когда царь, напуганный непонятным видением, бежал из своего царства.

Определить, к какой группе первого вида основной редакции относится данный список, или же подтвердить, что он относится ко второму виду основной редакции, не представляется возможным, поскольку набор чтений списка Б. 21, соотносимых с той или иной группой первого вида основной редакции, или же вторым ее видом, недостаточен. Поскольку сказание в данном варианте начинается с мотива 14, мотивы 2 и 9 [5, с. 13–20], важные для определения групп, отсутствуют. В 16-м мотиве представлено чтение «искренними» («...*часть искренними во огни горящему и серою смердящей*» – л. 169) – это явно искаженное чтение, нехарактерное для других списков Повести (ср. в списке Q I 1285, нач. XVIII в.: «...*ихъ же часть с невърными во огни горящемъ и стърою смердящею*» – л. 179). В 105-м мотиве читается верное «своя маслины»: «... *отъскоша своя маслины и присадиша к пустыней лозе и неплодней...*» (л. 179 об.), но данное чтение может быть характерно как для второго, так и для первого вида основной редакции, в зависимости от комбинации с другими чтениями. Начало мотива 17, повествующего о трезвой жизни язычников – обитателей страны царя Анепсия, отсутствует, что также характерно как для первого, так и для второго вида основной редакции Повести.

Таким образом, можно сказать, что список Б. 21 тяготеет к первому виду основной редакции Повести, поскольку всё-таки содержит больше чтений, характерных для первого вида. По-видимому, на каком-то этапе развития текста Повести один из списков первого вида основной редакции соприкоснулся со списком второго вида, а переписчик списка Б. 21 уже имел в руках контаминированный текст и, переписывая его, создал целый ряд своих описок и искаженных чтений.

Список *РНБ, собр. Титова, № 1452* датируется XVIII в., находится в сборнике, написанном полууставом разных почерков. Повесть читается в рукописи на лл. 1–22, кроме нее сборник содержит апокриф «Иерусалимский свиток».

Обращает на себя внимание уже заглавие списка, в котором появляется указание на автора Сказания – некоего отца Иеронима. Это сближает данный список со списками особой редакции, в заглавии которых также упомянут Иероним: Q 720, Ш. 96, М. 781 и С. В заглавиях других редакций Повести имя Иеронима как автора Повести не фигурирует. Приведем для равенния заглавия всех списков особой редакции Повести, а также списка Q 1285, I вида основной редакции.

Q 720 Особая редакция	Ш. 96 Особая редакция	М. 781 Особая редакция	С. Особая редакция	Т. 1452	Q 1285 Основная редакция, I вид
Сказание от книги, глаголемья Пандокъ, <i>Иеронима словеса</i> , о табаце зелейной мерзости... (л. 246)	Сказание от книги, глаголемья Пандокъ, <i>Иеронима слово</i> , о табацѣ, зѣлѣной мерзости... (л. 440)	<i>Выписана повесть сия</i> из книги, глаголемья Пандокъ, <i>творения святого отца Иеронима</i> , о мерзостной травѣ табакѣ... (л. 1)	<i>Выписано</i> ис книги, глаголемья Пандокъ, <i>творение святого отца нашего Неоронима</i> о мерзостной травѣ табакѣ... (л. 264).	<i>Повесть, выписано изъ</i> книги, глаголемья <i>Пайдокъ, творение святого отца Иеронима</i> о мерзостной траве табаке... (л. 1)	Сказание от книги, глаголемья Пандокъ, о хранителномъ былии, мерзскомъ зелии, еже есть травѣ табакѣ... (л. 173)

В списке Т. 1452, также как и в списках особой редакции, после мотива 16, рассказывающего об обогащении купцов от продажи табака, читается вставка о зачати библейской Иезавелью дочери, ставшей впоследствии блудницей, и представляющая собой пересказ ряда мотивов Повести, читающихся в разных местах сюжета. Приведем для сравнения некоторые ее фрагменты:

Q 720 Особая редакция	Ш. 96 Особая редакция	М. 781 Особая редакция	С. Особая редакция	Т. 1452
...нецы же глаголють быти ей в Фиатире, и ини же сказуетъ в Вавилонѣ и овии убо говствую во ельнинѣхъ обаче во всѣхъ сих градѣхъ...	... и нѣцыи глаголють быти ей въ Виатирѣ //, а инии въ Вавилонѣ, овии въ Ельлинѣхъ, обаче во всѣхъ сих градѣхъ...	Нецы глаголют ей быти в Фиатирѣ, а инии // в Вавилонѣ, обаче во всехъ сих градѣхъ...	...нѣцыи глаголют ея быти въ Фиатире, а инии въ Вавилонѣ, обаче во всехъ сих // градѣхъ...	Неции же глаголють ей быти въ Фиатирѣ, а инии въ Вавилонѣ, обаче сия во многихъ градехъ...
все младыя юноши собираше к себѣ на похоть злую и на похоть и на блуд по вся дни безстыдно, пи[яни] же сущ[е]... (л. 248 об.)	Младыя юноши // собираше себе на похоть злую и на блудъ по вся дни, безстыдно и пьяна живяше... (лл. 444 об. - 446)	блудныя юноши собираша к себѣ на блуд, по вся дни безстыдна ходящи и пьяна живяше... (лл. 4 об.-5 об.)	блудная юноши собираше къ себѣ на похоть злую, на блудъ. По вся дни безстыдно и пьяна живяше... (лл. 266 об.-267 об.)	блудныя юноши собираше // к себѣ на похоть блудную безстыдно по вся дни и пьяна всегда бяше... (лл. 4 об. - 6)

Как видно из приведенных в таблице фрагментов, текст вставки во всех списках достаточно близок друг к другу. В списке Т. 1452 сохраняются все основные моменты истории блудницы: сведения о том, где жила и грешила дочь Иезавели, кто соглашался на блуд с ней и почему, сколько продолжалось ее «любодейство».

Начало Повести по исследуемому списку также сходно со списками особой редакции:

Q 720 Особая редакция	Ш. 96 Особая редакция	М. 781 Особая редакция	С. Особая редакция	Т. 1452	Q 1285 Основная редакция, I вид
<i>Писано есть о нем еже видѣ святыи апостоль и евангелистѣ Иоаннѣ Феолог.</i> Пиша, глаголетъ <i>во Апокалипсисѣ главѣ второй</i> ... (л. 246)	<i>О семъ писано есть, еже видѣ святыи апостоль и евангелистѣ Иоаннѣ Феологѣ.</i> И глаголетъ <i>во Апокалипсисѣ во второй главѣ</i> ... (л. 440)	<i>Повѣстуетъ святыи Иоанъ Богословъ, глаголетъ во Апокалипсисѣ во второй главе</i> ... (лл. 1–1 об.)	<i>О семъ писано есть, еже видѣ святыи апостоль и евангелистѣ Иоаннѣ Богословѣ глаголетъ // во Апокалипсисѣ во главѣ 2</i> ... (лл. 264–264 об.)	<i>О семъ писано есть во Апокалипсисѣ святаго апостола и евангелиста Иоанна [Бог] о слова во главѣ второй</i> ... (л. 1)	По первомъ пришествии Господа нашего Иисуса Христа на землю и по // еже во адъ сошествии, и по воскресении и по вознесении Господнемъ бысть сицево нѣчто, еже <i>писано о семъ, еже видѣ Иоаннѣ Феологѣ.</i> Пиша, глаголя <i>во Апокалипсисѣ во главѣ второй</i> ... (л. 173–173 об.)

В основной редакции текста, в котором дается указание на Апокалипсис, предшествует большой фрагмент, указывающий на хронологию событий, время, в которое происходит евангельская история. В списках же особой редакции и Т. 1452 этот фрагмент отсутствует.

Заканчивается список Т. 1452, как и все списки особой редакции Повести, мотивом 101, в котором говорится о распространении табака среди христиан.

Список Т. 1452 интересен чтениями, которые пока не представлены больше ни в одном из известных нам списков Повести. Например, в мотиве 2, рассказывающем об обращении Господа к ангелу с пророчеством о блуднице, появляется вставка об Иоанне Богослове (для сравнения приведем из списков особой редакции только два, так как в других списках этот вставной фрагмент также не представлен):

Q 720 Особая редакция	Ш. 96 Особая редакция	Q 1285 Основная редакция, I вид	Т. 1452
«И аггелу Фиатирския церкви рече Господь: «Напиши, яко оставляше женѣ Иезавель, глаголющеса быти пророчица, учить и лстити моя рабы любодѣствовати... (л. 246)	Аггелу Фиатирския церкви глаголетъ Господь: «Напиши, яко оставляеши женѣ Иезавеле, глаголющейся быти про//рочицѣ, учити и лстити моя рабы любодѣствовати... (л. 440 – 440 об.)	«И аггелу Фиатирския церкви рече Господь: «Напиши, яко оставляеши женѣ Иезавель, глаголющейся быти пророчицы, учить и лстити моя рабы любородствовати... (л. 173 об.)	«И ангелу Фиатирския церквѣ [...] глаголетъ Сынъ Божей возлюбленному своему ученику Иоанну: // «Вѣмъ твоя дела и любовь, и вѣру, и службу, и терпение твое, и дѣла твоя, и послѣдняя боша первыхъ, но имамъ на тя мало, яко оставляеши жене Иезавели, глаголющейся быти пророчице, учити и лстити моя рабы любодейства... (л. 1–1 об.)

Таким образом, в списке Т. 1452 Господь обращается в своей речи не только к ангелу, но и к своему ученику – апостолу Иоанну, отмечая его преданность, терпение и любовь к Господу, что вновь отсылает читателей к Апокалипсису, так как Иоанн Богослов является, по церковному преданию, его автором.

Индивидуальное чтение находим и в 9-м мотиве – о замысле сатаны насадить на земле плевел и погубить людей. В первой его части, где рассказывается о схождении Иисуса после воскресения в ад, появляется вставной фрагмент, в котором земное воплощение Иисуса Христа сопоставляется со спасением израильского народа под предводительством Моисея, который посуху прошел по дну Красного моря. Этот фрагмент также вносит в мотив тему земного воплощения Иисуса и добровольной его смерти:

Q 720 Особая редакция	Ш. 96 Особая редакция	Q 1285 Основная редакция, I вид	T. 1452
<p>Егда маниемъ Господь на земны образ преложися и волею на смерть прииде и удицею вочеловечения своего змя извлече из бездны во ад, сиречь диявола связа узами нерешымыми в долгую ночь и день посади... (л. 246 об.)</p>	<p>И егда маниемъ Господь на земный образ преложися и волею на смерть прииде и удицѣю вочеловѣчения своего змя въ бездну привлече, сирѣчь диявола во // адѣ связа узами нерѣшимыми и въ темницу посади... (лл. 442–442 об.)</p>	<p>Егда бо маниемъ Господь на земный образ преложися и волею на смерть прииде и удицею вочеловечения своего земля извлече во адъ... (л. 176)</p>	<p>Маниемъ своимъ на земный образъ преложися Господь, <i>древле на удоборазливаемое водное естество. Тем же и немокрено проиде Израилю, еже прообразова снитие его на землю // и воплощение от чистыя девы, и яко Господь нашъ Исусъ Христосъ в плоть нашу облечеса и нашего ради спасения волею на смерть наступивъ,</i> еже есть побѣдивъ ада и диявола связа и в вѣчную темницу посади... (лл. 2 об.–3)</p>

Индивидуальные чтения 9-го мотива списка T. 1452 близки по своему содержанию с песней 1-й 7-го гласа Воскресного ирмоса. Ср.: *«Манием Твоим на земный образ преложися прежде удоборазливаемое водное естество, Господи. Тем же немокрено пешешествовав Израиль, поет Тебе песнь победную»*. Смысл этого фрагмента Воскресного ирмоса в том, что по мановению Господа, воды, прежде легко разливавшиеся, получили твердость земли. Поэтому Израиль, прошедши между ними не замочив стоп, поет Господу победную песнь. Скорее всего, преобразованную цитату из Ирмоса писец и включил в текст списка T. 1452, однако текст ее передан не совсем точно, поэтому смысл параллели открывается не сразу.

Однако есть и некоторые отличия списка T. 1452 от списков особой редакции Повести. В списке нет 17-го мотива – о трезвой жизни язычников – жителей страны царя Анепсия, хотя во всех списках особой редакции он представлен и читается с сохранением своего начала. Также отсутствует мотив 28, повествующий о победе царя Анепсия из своего царства, когда Бог, видя его смирение, посылает к нему ангела. В списке T. 1452 помимо мотива 28 отсутствуют и мотивы, в которых дается пересказ царем Анепсием епископу своего сна (мотивы 78–87), а также сообщение о новом явлении ангела епископу с требованием отлучить курильщиков от церкви (мотивы 102–108). Отметим, что перечисленные мотивы (78–87, 102–108) отсутствуют и в списках особой редакции Ш. 96 и М. 781, но сохраняются в спи-

сках Q 720 и С. Возможно, текст, близкий к тексту списков Ш. 96 и М. 781, и послужил для писца Т. 1452 непосредственным источником.

Итак, список Т. 1452, с одной стороны, сближается со списками особой редакции Повести, с другой стороны, отличается от них индивидуальными чтениями, отсутствием некоторых мотивов и сокращением текста в некоторых фрагментах. Поэтому, можно предположить, что список Т. 1452 представляет собой еще один список особой редакции Повести, однако отражает более позднюю ступень истории текста Повести, нежели другие списки особой редакции и своим источником имел, вероятно, текст, близкий спискам особой редакции Ш. 96 и М. 781.

Список Повести **БАН, собрание Колобова, № 97** находится в сборнике XIX в., на лл. 184 об.–198. Этот список обращает на себя внимание уже своим заглавием. Оно очень сокращено по сравнению с другими списками Повести:

Q 720 Особая редакция	Q 1285 Основная редакция, I вид	Унд. 531 Распротр. редакция	Кол. 97
<i>Сказание от книги, глаголемья Пандокъ,</i> Иеронимова слова, <i>о табаце</i> зелейной мерзости, откуда зачатся, и бысть, и разсыя по всельней (л. 246)	<i>Сказание от книги, глаголемья Пандокъ, о хранителномъ былии, мерзскомъ зелии,</i> еже есть травъ <i>табацъ,</i> откуда бысть, и како зачатся, и разсыя по вселенный, и всюду бысть (л. 173)	<i>Сказание от книги Пандока о хранителномъ зелии,</i> еже есть траве <i>табаке,</i> откуда взята бысть, и где она зачатся, и како разсея по вселенней (л. 71)	<i>Сказание от книги Пандокъ о хранителномъ былии, мерскомъ табаке</i> (л. 184 об.)

Такое же заглавие имеет еще один ранее не исследованный список Повести – **ГИМ, Музейное собрание, № 198,** XVIII в., лл. 2–22. Сравним:

Кол. 97	Муз. 198
<i>Сказание от книги Пандокъ о хранителномъ былии, мерскомъ табаке</i> (л. 184 об.).	<i>Сказание от книги Пандокъ о хранителномъ былии мерскомъ табакъ</i> (л. 2).

Как видим, заглавия списков Кол. 97 и Муз. 198 одинаковы, в них из всей информации, которая дается в заглавиях других списков разных редакций Повести, остается только указание на книгу Пандок как источник сказания и главную тему произведения.

Далее будем рассматривать списки Кол. 97 и Муз. 198 вместе, так как они обнаруживают большое сходство между собой и в основном тексте Повести. Однако отметим, что для списка Муз. 198 характерно деление основного текста Повести на небольшие фрагменты, выделяемые переписчиком киноварными заглавиями. Например, «*О яко Господь диавола связа, таже о блудницъ*» (л. 4) или «*О блудницъ и дщери ея скверной*» (л. 5) или «*О явлении аггела Господня царю Анепсию*» (л. 9) и др., список же Кол. 97 такого деления не имеет.

К особенностям двух рассматриваемых списков можно отнести сокращение основного текста Повести. Текст многих распространенных мотивов сокращен до одного-двух предложений. В списках полностью отсутствует ряд мотивов: фрагмент, представляющий собой ретроспективный пересказ царем Анепсием епископу происшедших с ним событий (мотивы 77–87); описание судьбы нарушивших запрет на табак (мотивы 91–97); перечень церковных наказаний курильщикам (мотивы 105–108). Заканчиваются оба списка мотивом 104 – фрагментом, в котором говорится об отлучении курильщиков от церкви.

Установить, на основе какого вида основной редакции были сокращены исследуемые списки, затруднительно, поскольку некоторые фрагменты, содержащие специфические чтения, определяющие ту или иную редакцию Повести, были списками данных списков опущены. Однако оба списка не содержат «Явления на Красной Горе», что присуще I виду основной редакции Повести, а также сохраняют начало мотива 17, что тоже указывает на их принадлежность к первому виду основной редакции, поскольку среди известных нам списков II вида основной редакции, списков с сохраненным началом мотива 17 нет.

Кроме того, анализ чтений списков Кол. 97 и Муз. 198, соотносимых с различными группами первого вида основной редакции, которые мы выделили ранее, не позволяет отнести данный список ни к одной из них. В списках находим следующий набор чтений, характерных для разных групп первого вида: «любодействовати» («...учить и лстить моя рабы любодѣйствовати..., и снести жертву идольскую», Кол. 97, л. 184 об.), «змия» («...и удицгю вочеловечения своего змяя извлече во адъ, сиречь диявола связа узами нерешимыми...», Кол. 97, л. 186), «с неверными» («... ихъже часть с неверными осудитя...», Кол. 97, л. 187 об.). В обоих списках сохранено начало мотива 17. Сравним:

Кол. 97	Муз. 198 (XVIII в.)
Понеже в той земли пиянства не имѣли и хмельнаго пития не было... (л. 187 об.).	Въ нѣкоей земли пиянства не имѣли и хмельнаго пития не было... (л. 7).

Начало истории о язычниках-трезвенниках в исследуемых списках совпадает почти дословно, это говорит о принадлежности их к ранней ступени развития текста Повести, когда начало мотива 17 еще не было утрачено, а также об общем источнике исследуемых списков.

Чтение «маслины/мыслемы» («отсѣкоша своя маслины и присадиша к пустыннѣй лозѣ неплоднѣй», Q 1285, л. 209 об.) в мотиве 105 для определения принадлежности списков Кол. 97 и Муз. 198 к какой-либо группе внутри I вида основной редакции использовано быть не может, так как списки заканчиваются раньше. Таким образом, относительно места этих списков в истории текста Повести, можно сделать вывод о том, что четыре правильных чтения («любодействовати», «змия», «с неверными», сохранение начала мотива 17) списков Кол. 97 и Муз. 198 я о непосредственной близости их к архетипу Повести и к тем спискам I вида основной редакции, которые содержат такой же набор правильных чтений.

Рассмотрев списки Кол. 97 и Муз. 198, мы выяснили, что у них был общий источник, поскольку заглавия списков, характер сокращения в них текста и основные

чтения в данных списках идентичны. Таким образом, списки Кол. 97 и Муз. 198 представляют собой новую краткую редакцию повести, появившуюся на основе первого вида основной редакции на таком этапе истории текста памятника, когда в списках данного вида еще читалось начало мотива 17. К ранее выделенным кратким редакциям данные списки отнесены быть не могут, поскольку в основных чтениях, определяющих эти редакции, имеют отличный от них характер сокращения. Все это говорит о том, что списки Кол. 97 и Муз. 198 составляют X краткую редакцию «Повести о происхождении табака».

Рассмотрим еще один список Повести, ранее не привлекавшийся к текстологическому исследованию – *ГИМ, Музейное собрание № 2955*, начала XIX в., лл. 2–15 об. Заглавие этого списка не отличается оригинальностью и близко многим другим спискам Повести: «Слово от книги, глаголемья Пандокъ, о хранителномъ былии, мерскомъ зелии, еже есть трава табакъ...» (л. 2), хотя есть и оригинальный элемент: в заглавиях списков Повести варианта «Пандок» используется жанровое ее обозначение – «Сказание»; в данном же списке Повесть названа «Словом», хотя признаков красноречия в нем не больше, чем в «Сказании».

Рассмотрим основные чтения списка Муз. 2955, на основании которых он может быть отнесен к I виду основной редакции Повести. Приведем те чтения, которые указывают на особенности текста, характерные для I вида основной редакции.

1. Наличие Муз. 2955 эпизода о «средовичных юношах» в мотиве 22, читающегося только в списках I вида основной редакции, где среди людей, желающих увидеть блудницу, упоминаются «средовечные», то есть зрелые юноши/отроки, в то время как в списках II вида основной редакции упоминание о них опущено.

Для сравнения привлечем один из списков I вида основной редакции Повести.

Муз. 2955 (нач. XIX в.)	Q 1285 (XVIII в.)
И видѣ, яко взирають на ню окрестъ множество народа - челоуѣцы старья мужи и видяще ея, ужасаются и от страха умирають. По сихъ <i>средовидныя // юноши</i> зряще... (лл. 5-5 об.).	И узрѣвъ онъ, яко на ню взирают окрестъ ея множества народа – челоуѣцы старья мужи и дивящесея, и ужасаются, и от страха умирають, <i>таже и средовѣчныя юности</i> , по сихъ зряще... (л. 181)

Как видим, в списке Муз. 2955 есть фрагмент о средовичных юношах, смотрящих на блудницу, что сближает рассматриваемый нами список со списками I вида основной редакции Повести.

2. В мотиве 105 передается чтение, характерное для списков I вида основной редакции «Христу с велиаром»:

Муз. 2955 (нач. XIX в.)	Q 1285 (XVIII в.)
Кая часть свѣту со тмою или кая часть <i>Христу с велиаромъ</i> , или кая часть вѣрнымъ съ невѣрными! И рукою крестнаго знаменья не воображаютъ... (л. 15)	Кое мѣсто бывает <i>Христу с велиаром</i> и рукою си крестнаго знаменья ... (л. 209).

3. В списке Муз 2955, как и в списках I вида основной редакции Повести, отсутствует эпизод явления Богородицы недужной девице Фёкле на Красной горе,

который появился в конце Повести на поздних этапах ее развития и читается только в списках II вида.

Таким образом, на основании трех приведенных выше особенностей, текст списка Муз. 2955 можно отнести к I виду основной редакции Повести.

Теперь рассмотрим основные чтения, на основе которых список Муз. 2955 может быть отнесен к группам, выделенным нами внутри I вида основной редакции Повести. Из вариантов чтения любодействовати/любородствовати в мотиве 2 («...учить и льститъ моя рабы **любодѣйствовати** и снѣсти жертву идольскую...», л. 2.), список Муз. 2955 использует правильное чтение «любодействовати» и сближается со списками Пр. 469, Арх. Д 589, Т. 1559, Опт. п. 240, Востр. 954, Барс. 1625, Усп. 129, Кр. 11 и Муз. 3004.

В мотиве 9, где наряду с правильным чтением «змия» в ряде списков читается искаженное «земля», список Муз. 2955 дает искаженное чтение «земленыхъ»: «...и удицею вочеловечения своего **земленыхъ насъ** извлече, сирѣчь диавола связя узами нерешимыми...» (л. 3 об.). Такой вариант чтения этого места в других списках не встречается, однако оно ближе к неверному чтению «земля», поэтому в данном случае список Муз. 2955 сближается со списками Пр. 469, Арх. Д 589, Ник. 117, Q 1285, Q 840, М. 1420, Ниж. 13, Опт. п. 240, Тих. 190, Востр. 954.

В мотиве 16 в списке Муз. 2955 представлено правильное чтение «с неверными» (в других списках читается «скверными»), как и в списках Q 1285, Q 840, Т. 1559, Тих. 87, Тих. 190, Ниж. 13, Ник. 117, Ув. 623–4, Барс. 1625, Ш. 198, Усп. 129, Q 232, Востр. 954, УЦ 59: «... ихъже часть **с невѣрными** во огни горящемъ» (л. 4 об.).

По чтению начала мотива 17: «Бяше же в той странѣ пиянства не имѣюще и хмѣльнаго пития не было...» (л. 4 об.) список Муз. 2955 попадает в группу списков I вида основной редакции, в которой мотив 17 читается без искажений – Кр. 11, Муз. 3004, Тих. 87, Q 232, Востр. 954, Барс. 1625, Усп. 129, Ш. 198 и УЦ 59. Сравним:

Муз. 2955 (нач. XIX в.)	Бяше же в той странѣ пиянства не имѣюще ... (л. 4 об.).
Кр. 11 (XIX в.)	И той земли люди в трезвости живуци, понеже пиянства не имуше... (л. 17 об.).
Муз. 3004 (XIX в.)	И въ той земли люди въ трезвости живуци, понеже пиянства не имуши... (л. 5).
Тих. 87 (XVIII в.)	В земли же той пиянства и никоего хмелнаго пития не имуше... (л. 89 об.).
Q 232 (кон. XVIII в.)	Понеже в той земли пиянства никакого имуше люди ... (л. 74).
Востр. 954 (нач. XIX в.)	Понеже въ той земли пиянства не имѣюще (л. 181 об.).
Усп. 129 (XVIII в.)	Понѣже въ той земли пиянства не имяху... (л. 122 об.).
Барс. 1625 (XVIII в.)	Бысть же страна некая, в ней же пиянства и хмелнаго не было... (л. 100 об.).
Ш. 198 (тр. четв. XVIII в.)	И бысть страна некая, в ней же пиянства и хмелнаго пития не было... (л. 22 об.).
УЦ 59 (перв. тр. XIX в.)	И бысть страна нѣкая, в ней же пиянства, хмелнаго пития не было... (л. 145 об.).

Как видно из приведенных цитат, список Муз. 2955 в этом мотиве более всего сближается со списком Востр. 954.

Близость списка Муз. 2955 со списком Востр. 954 обнаруживается и в мотиве 105, в котором вместо правильного «маслины» в обоих списках читается искаженное «милостыня»: «...отсекоша своя **милостыня**, присадиша къ пустой лозѣ **неплоднѣй**» (л. 15) – Муз. 2955 и «отсекоша своя **милостыня** и присадиша къ пустой лозе **неплодной**» (л. 195) Востр. 954.

Таким образом, текстологический анализ показал, что список Муз. 2955, с одной стороны, верно передает чтения «любодействовати», «с неверными» и сохраняет начало мотива 17, с другой – неправильно передает чтение мотива 9, которое в этом списке является индивидуальным – «земленыхъ насъ», и чтение 105 мотива – «милостыня». При этом во всех случаях разночтений список Муз. 2955 оказывается близок к списку I вида основной редакции Востр. 954; более того, списки сближаются чтением 105-го мотива и сохранением и передачей истории о трезвенниках (начало мотива 17). Поэтому, можно предположить, что списки Муз. 2955 и Востр. 954 имели общий источник.

Один из списков «Повести о происхождении табака» читается в сборнике середины XVIII в., хранящемся в научной библиотеке МГУ имени Ломоносова – **ОРК НБ МГУ, 2с1 296 (272)**, рукопись на 367 л.; повесть читается на лл. 242 об.–254.

Повесть в данном списке не имеет начала. Текст начинается с мотива 39, в котором описывается физиологическое состояние курильщиков, их поведение под воздействием табака: «*Пиянства ради уни помрут, ихже души к дияволу пойдутъ во адъ. Непомнозь же времени - и ты узриши, царю*» (л. 242 об.). Этот фрагмент читается в конце мотива 39 при толковании ангелом царю Анепсию смысла увиденного им во сне образа блудницы, однако, поскольку вся предыдущая часть повествования отсутствует, неподготовленному читателю достаточно трудно понять, о чем здесь идет речь. Далее текст Повести передается без сокращений.

Чтобы отнести список МГУ к одному из видов основной редакции, рассмотрим ряд чтений данного списка в сравнении с чтениями списков разных видов основной редакции.

Во-первых, в списке МГУ в мотиве 56, как и во всех списках II вида основной редакции, отсутствует фрагмент, в котором в процессе разговора с Тремикуром царь Анепсий понимает, что начинает сбываться то, о чем рассказал ему ангел, встреченный им во время побега из царства.

МГУ (XVIII в.)	II (XVIII в.) Основная редакция, II вид	Q 1285 (XVIII в.) Основная редакция, I вид
И отвѣщав Тремикур царю: «Сей трупь бысть от аггела Господня, прежде двоюнадесят лѣтъ на пути явлено о блудницѣ» (л. 245 об.).	И отвѣщавъ Тремикуръ: «Азь, царю, не вѣмъ, каковый трупь сей бысть, от аггела Господня. Прежде двоюнадесяти лѣтехъ на пути блудница живяше» (л. 142).	Отвѣщавъ же Тремикуръ: «Азь, царю, не вѣмъ, каковый трупь (так!) сей бысть». Разумѣв же царь: се сбывается, еже повѣдано ему бысть от аггела Господня прежде двоюнадесяти лѣтъ на пути о блуднице. (л. 192 об.)

Во-вторых, в списке МГУ, как и в списках II вида основной редакции, отсутствует фрагмент, сохранившийся в списках I вида. Он входит в текст диалога царя Анепсия и «еллина», в котором последний рассказывает о жизни блудницы (мотив 58). Сравним:

МГУ (XVIII в.)	II (XVIII в.) Основная редакция, II вид	Q 1285 (XVIII в.) Основная редакция, I вид
...но и осквѣршила нам на многих мѣстех болѣ тмы мужей невоздержанных невоздержаниемъ своим...» (л. 245 об.).	... и оскверни ея суще, блудно живущи и сквернени на многих местех более тмы мужей невоздержанных и невоздержанием своим...» (л. 142)	... и оскверненной ей суще, и блудно живущи и в любодѣянии ей бывши зачении сию дщерь скверную, и наипаче ей матери своей въ блудѣ живущи , оскверни на мнозѣхъ мѣстѣх болма тмы мужей невоздержанием своим...» (л. 199)

В-третьих, в списке МГУ в мотиве 61 прослеживается неудачное сокращение текста переписчиком, также характерное для списков II вида основной редакции Повести. В этом фрагменте рассказывается о том, что, когда началась страшная гроза над городом, Господь сверг тело блудницы в землю, и впоследствии на том месте вырос табак. Размышляя по этому поводу, царь Анепсий в списках I вида вспоминает ангела, явившегося ему и предсказавшего эти события, в списках же II вида основной редакции упоминание ангела отсутствует, что делает эту часть фразы бессмысленной.

МГУ (XVIII в.)	II (XVIII в.) Основная редакция, II вид	Q 1285 (XVIII в.) Основная редакция, I вид
И помяну <u>явльшюся ему</u> и глаголавшю о семь <u>хранителном былии</u> , сии есть табакъ. (л. 246).	И помяну о сем <u>явльшемся ему</u> <u>хранителном былии</u> , сие есть табаке (л. 142 об.)	И помяну явльшагося ему на пути иногда ангела , глаголавшаго ему о семь хранителном былии табаце (л. 194).

Свидетельством близости списка МГУ ко II виду основной редакции является и наличие в конце Повести по этому списку рассказа о явлении Богородицы недужной девице Фекле на Красной Горе, который читается во всех списках II вида основной редакции Повести.

Сблизить список МГУ с другими списками основной редакции позволяет и искаженное чтение в мотиве 105 «мыслѣнныя» (вместо «маслины»): «... **отсѣкоша своя мыслѣнныя и присадиша к пустыннѣй лозѣ неплоднѣй, иже осквернишася похотию своею и осмрадиша своя тѣльса**» (МГУ, л. 252). Такое же искаженное чтение обнаруживается в этом мотиве и в списках М. 1420, Ниж. 13, Опт. п. 240 I вида основной редакции Повести и во всех списках II вида основной редакции. Другие дифференцирующие списки чтения в списке МГУ просто отсутствуют из-за его дефектности (отсутствие начала).

Однако в одном случае список МГУ содержит такое же правильное чтение, как и списки I вида основной редакции, а в списках II вида в этом месте затемняется смысл фрагмента: курильщики не должны налагать на себя крестного знамения.

МГУ (XVIII в.)	Q 1285 (XVIII в.) Основная редакция, I вид	II (XVIII в.) Основная редакция, II вид
105. <u>Кое общение свѣту</u> <u>// ко тмѣ или кое мѣсто</u> <u>бывает Христу с велиаром?</u> И рукою си недостоить крестнаго знамения на лицѣ ихъ вообразати... (лл. 251 об.–252)	105. Кое мѣсто бывает <i>Христу с велиаром</i> и рукою си крестнаго знамения на лицахъ ихъ недостоить вообразати... (л. 209)	105. И аще кое место бывает <i>приступит ко епископу</i> , и на лице их недостоит крестнаго знамения вообразати... (л. 146 об.)

Чтение в 105-м мотиве – «...Христу с велиаром...», позволяет нам предположить, что у переписчика списка МГУ под рукой было несколько списков Повести варианта «Пандок» и, переписывая текст Повести, он использовал все эти списки.

Таким образом, рассмотрев 6 ранее не исследованных списков «Повести о происхождении табака» варианта «Пандок»: Б. 21, Т. 1452, Кол. 97, Муз. 198, Муз. 2955 и МГУ, мы установили, что они относятся к разным редакциям Повести. Нам удалось выявить X краткую редакцию Повести (Кол. 97 и Муз. 198), добавить к спискам особой редакции новый список (Т. 1452) и дополнить основную редакцию несколькими списками (Б. 21, Муз. 2955 и МГУ), что можно рассматривать как еще один шаг на пути восстановления полной истории текста Повести варианта «Пандок».

Список сокращений шифров рукописей

- Q 720 – РНБ, Q I, № 720, (XVII в., л. 246–260 об.);
 Q 840 – РНБ, Q I, № 840 (XVIII в., л. 1–22 об.);
 Q 1285 – РНБ, Q I, № 1285 (нач. XVIII в., лл. 173–210);
 Арх. Д 589 – БАН, Архангельское собр., Д 589 (сер. XVIII в., л. 119–140);
 Б. 21 – БАН, 21.11.2 (XVIII в., л. 169–180);
 Барс. 1625 – ГИМ, собрание Барсова, № 1625 (XVIII в., л. 224 об.–249);
 Востр. 954 – ГИМ, собрание Вострякова, № 954 (нач. XIX в., л. 179–196 об.);
 Кол. 97 – БАН, собрание Колобова, № 97 (XIX в., л. 168–184 об.);
 Кр. 11 – ИРЛИ, Красноборское собрание, № 11 (XIX в., л. 12 об.–44 об.);
 М. 781 – РГБ, Музейное собрание, № 781 (XIX в., л. 1–23 об.);
 М. 1420 – РГБ, Музейное собрание, № 1420 (XVIII в., л. 86–99);
 МГУ – ОРК НБ МГУ 2 сi 296 (272) (сер. XVIII в., л. 242 об.–254).
 Муз. 198 – ГИМ, Музейное собрание, № 198 (XIX в., л. 1–21 об.);
 Муз. 2955 – ГИМ, Музейное собрание, № 2955 (XIX в., л. 1–15 об.);
 Муз. 3004 – ГИМ, Музейное собрание, 3004 (XIX в., л. 3–13);
 Ниж. 13 – РГБ, Нижегородского собрание, № 13 (XIX в., л. 28–43);
 Ник. 117 – БАН, собрание Никольского, № 117 (XVIII в., л. 63–74 об.);
 Опт.п. 240 – РГБ, собрание Оптиной пустыни, № 240 (XVIII в., л. 93–106 об.);
 П – РНБ, собрание Погодина, № 1364 (XVIII в., л. 137–148 об.);
 Пр 469 – ИРЛИ, собрание Перетца, № 469 (XVIII в., л. 2 об.–36);

С – ИРЛИ, коллекция Смирнова, № 2 (XVIII в., л. 264–284);
Т. 1452 – РНБ, собрание Титова, № 1452 (2538) (XVIII в., л. 1–23);
Т. 1559 – РНБ, собрание Титова, № 1559 (сер. XVIII в., лл. 276–287);
Тих. 87 – РГБ, собрание Тихонравова, № 87 (XVIII в., л. 88–95 об.);
Тих. 190 – РГБ, собрание Тихонравова, № 190 (XVIII в., л. 86–99);
У. 531 – РГБ, собрание Ундольского, № 531 (XVIII в., л. 71–79);
Ув. 623-4 – ГИМ, собрание Уварова, № 623–4 (1953) (XVII в., л. 57–70);
Усп. 129 – БАН, собрание Успенского, 129 (XVIII в., л. 118–139 об.);
УЦ 59 – ИРЛИ, Усть-Цилемское собрание, № 59 (перв. тр. XIX в., л. 142 об.–162 об.);
Ш. 96 – РГБ, собрание Шибанова, № 96 (XVIII в., л. 440–462 об.);
Ш. 198 – РГБ, собрание Шибанова, № 198 (XVIII в., л. 19 об.–38 об.);

***

1. Бровкина Т. В. К вопросу об истории текста основной редакции Повести о происхождении табака // Третьи Мяндинские чтения: сборник научных трудов по материалам Всероссийской научной конференции (8–9 июля 2015 г., г. Сыктывкар) / отв. ред. Т. Ф. Волкова – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. С. 65–70.

2. Бровкина Т. В. Краткие редакции Повести о происхождении табака // Человек и событие в исторической памяти: материалы Всероссийской научной конференции. Сыктывкар, 2017. С. 104–114.

3. Бровкина Т. В. Ранее не учтенный список «Повести о происхождении табака» // Филологические исследования – 2017. Фольклор, литературы и языки народов европейской части России: формы, модели, механизмы взаимодействия. Сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции (9–13 октября 2017 г., Сыктывкар) / отв. ред. Ю. А. Крашенинникова. Сыктывкар, 2017. С. 325–330.

4. Бровкина Т. В. Два списка кратких редакций «Повести о происхождении табака» // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. Выпуск 9. Сыктывкар, 2019. С. 125–142.

5. Волкова Т. Ф. Повесть о происхождении табака (Список усть-цилемского книжника И. С. Мяндина в контексте рукописной традиции повести) // Вестник СыктГУ, выпуск 7, 2008, Серия 6: Филология. Искусство. Сыктывкар, 2008. С. 5–33.

**СМЕРТНЫЕ КАЗНИ НА ВОСТОЧНОЙ ОКРАИНЕ ПОМОРЬЯ
В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВВ.**

**EXECUTIONS ON THE EASTERN EDGE OF POMERANIA
IN THE LAST QUARTER OF XVII – FIRST HALF XVIII CENTURIES**

В статье представлено системное исследование проблемы смертной казни в контексте аналитики повседневности и полидисциплинарности на восточной окраине Поморья, в городах: Кунгур, Соликамск и Чердынь. На основе архивных материалов, летописных сведений и опубликованных источников анализируются разные подходы к наказанию за убийство в последней четверти XVII – начале XVIII в. и в последующий период до фактической отмены смертной казни Елизаветой Петровной.

Ключевые слова: смертная казнь, её типы, восточная окраина Поморья, Соборное уложение 1649 г., гендерная сегрегация, семейное насилие, травматический опыт, доноительство, милосердие.

The article presents a systematic study of the problem of the death penalty in the context of analysis of everyday life and polydisciplinarity on the Eastern outskirts of Pomerania, in the cities of Kungur, Solikamsk and Cherdyn. On the basis of archival materials, chronicle information and published sources, different approaches to punishment for murder in the last quarter of the XVII – early XVIII century and in the subsequent period before the actual abolition of the death penalty by Elizabeth Petrovna are analyzed.

Keywords: the death penalty, its types, the Eastern outskirts of Pomerania, the Cathedral code of 1649, gender segregation, family violence, traumatic experience, whistleblowing, mercy.

Смерть тоже принадлежит жизни.

Л. Улицкая. Интервью М. Баилмаковой // Новая газета. 18. 11. 2019, № 129. С. 16.

Тема данной статьи актуальна. Сегодня остро проблематизируется обсуждение смертной казни. Горячие дискуссии не утихают. История смертной казни в России была предметом, интересовавшим В. Н. Берха, В. Н. Шишонко, С. И. Викторского, Владимирского – Буданова М. Ф., П. Кошеля, Е. В. Анисимова, Б. Н. Миронова и др. Последняя четверть XVII – первая половина XVIII в. – время колебаний законодательства по отношению к смертной казни. От её смягчения в указах Фёдора Алексеевича (1676 – 1682), царевны Софьи, царевичей Иоанна и Петра Алексеевичей в 1682 – 1696 гг. до ужесточения наказаний в первой половине XVIII в. В судах по уголовным делам времени правления Фёдора Алексеевича состязательный процесс господствовал над «инквизиционным». В первой половине XVIII в. всё стало наоборот. Милостивый царь «рассматривал правосудие

и милосердие как необходимые качества и важнейшие обязанности самодержца» [1, с. 527, 533]. В 1679–1681 гг. были отменены официальные сборы на содержание тюрем. Затем снова в городах и уездах собирали деньги на содержание палачей и тюремных сторожей.

Но базовой основой юриспруденции данного периода оставалось Соборное уложение 1649 г. Оно утвердило приоритет государства в следственных действиях, по замечанию Б. Н. Миронова, «приняло на себя функцию общественного мстителя» [2, с. 14]. От полного истребления население России спасало неисполнение законов при всеобщей угрозе смертной казнью во второй половине XVIII в., прописанной во многих документах тогдашнего делопроизводства. Понятия уголовного права изменялись: «Их изучение представляет большой интерес, поскольку в них отразились перемены в социальных отношениях, а также в общественных взглядах на личность и криминальное поведение» [2, с. 13]. Убийства разбирал Разбойный приказ, в петровское время – Юстиц-коллегия. С 1708 г. убийц воеводы казнили по месту жительства или там, где они были пойманы.

В. Н. Шишонко пересказал материалы «Вологодских губернских ведомостей» за 1850 г. В них приводились сведения об окапывании живой в землю женщины, обвинённой в убийстве мужа (22 декабря 1659 г.). За окопанную колодницу вступились вологжане. Две челобитные от горожан и архиепископа Вологодского и Велико-Пермского были отправлены царю Алексею Михайловичу. Они «слезно» просили о помиловании. Женщина была откопана и пострижена в монастырь [3, с. 414–417].

С. И. Викторский проанализировал труды своих предшественников и провёл собственное исследование, выделив в Соборном уложении наказания для 36 преступных деяний [4, с. 65–122], определив жестокость законодательства Петра Великого [4, с. 113–191], особенности указов по уголовным делам его преемников [4, с. 192–231]. В смертной казни он выделил 32 типа. Умерщвление без всякого милосердия полагалась, в том числе, за недонесение и попустительство [4, с. 109–110]. В XVIII в. он насчитал 95 «преступлений, наказуемых отнятием жизни в разных видах» [4, с. 110]. Все они проводились для устрашения законопослушных жителей России. Н. М. Карамзин с ужасом замечал: во времена Анны Иоанновны «на площадях градских лились реки крови» [5, с. 1000]. Е. В. Анисимов подтверждает: «Аннинское царствование знало все виды жестоких средневековых казней: посажение на кол, закапывание, четвертование, а также сожжение живьем, колесование и т. д.» [6, с. 200]. Революцию цен, пожары, климатические невзгоды и падение урожайности объясняли просто: «Хлеб не родился, потому что женский пол царством владеет; какое ныне житье за бабой» [7, с. 200].

В. Н. Шишонко со ссылками на Верхотурский хронограф определил колебания законодательства по отношению к смертной казни. Я выполнила его реконструкцию по «Пермской летописи». Соборное уложение было обнародовано в Сибири в 1650 г. [3, с. 148]. Ещё до уложения, в 1637 г., было запрещено казнить беременных женщин: «Рожденное от преступницы не виновато». Мать убивали, «когда после рождения минет шесть недель» [8, с. 192]. В 1653 г. царская грамота, полученная на Верхотурье, повелевала: вместо смертной казни воров и разбойников

наказывать кнутом «с отсечением у левой руки по персту» и ссылкой в Сибирь. За вторичное нарушение их подвергали смертной казни [3, с. 308]. По указу 11 мая 1663 г. «повелено наказывать воров и разбойников вместо смертной казни отсечением ног и левой руки» [3, с. 765]. 24 января 1666 г. в Верхотурье получили «именной указ о наказании воров, разбойников и смертоубийц» [3, с. 800]. 19 февраля 1679 г. запрещено окапывать в землю жен за убийство мужей [9, с. 354]. 1 и 18 сентября 1681 г. туда же пришло повеление – «вместо отсечения татым и разбойникам рук и ног, отсекай им от левой руки два пальца или ухо, или наказывать кнутом и ссылать с женами и детьми на пашню» в Сибирь [9, с. 561]. Так Верхотурский хронограф фиксировал изменения в уголовном праве.

Колебания уголовного законодательства от милосердия к ужесточению были составной частью правительственной политики. Её «либерализацию» в последней четверти XVII в. на поморских материалах показывает М. А. Мацук [10, с. 23–27].

11 июня 1683 г. царская грамота соликамскому воеводе князю Ф. Барятинскому объявляла прощение четырёх преступников, приговорённых к смертной казни (отсечению головы): чердынских посадских людей, С. Углецкого, М. Латышева, И. Хмельёва и К. Чабакова. Дело, начатое при воеводе С. Т. Кондыреве, тянулось около трёх лет. Их помиловали «для поминовения брата нашего ... Федора Алексеевича ... и по челобитью духовника нашего государьского Благовещенского собору протопопа Никиты Васильевича, тех людей ... смертью казнить не велеть ... а приведчи на плаху и даровать жизнь ... да их же дать на чистья поруки с записми в том, чтоб им впредь ни за каким воровством не ходить» [11, № 87, с. 402]. Преступление было обусловлено русским пороком – пьянством: «жонку Катеринку, пьяную, для блудного воровства, силою в предбанье заволокли, и Стенка де на не Катеринку ложился, а блуда с нею не учинил за безмерным пьянством, а Мишко и Ивашко и Киприяшка блуд с нею Катеринкою чинили, а ничем ее не бивали, а учинили де они то с пьянства, и та жонка в предбанье и умерла, а крест де и серги снял с нее Мишка Латышев» [11, с. 401].

В 1689 г. соликамский воевода И. Головин представил царевичам и Софье отписку о казни разбойников. Следствие продолжалось около полутора лет. В Соли Камской, приведенные с Чусовой, «Васка и Гераска за многие их разбои и за смертные убийства, казнены смертью, повешены, февраля в 4 день, а Родке Колесникову казнь учинена с пощадою, отсечена у него левая рука по запястье да правая нога по лодышку того ж числа, для того: в воровстве своем он Родка вину свою принес сам без пытки, и был он на разбое на одной реке Двине и смертного убийства не учинил; и после той казни, тот Родка от той казни в скорых числах умре». Ещё один разбойник «Федка Неволин повешен у Камы реки, на берегу» в мае. В Новгородский приказ эту отписку подал усолец, посадский человек Митька Емельянов. Так долго составлялись и доставлялись документы [12, № 56, с. 343].

Смертные казни описывались в записках иностранцев, которые составили Геркман, де Бруни, Петри, Корб, Коллинс, Берхгольц. Так де-Бруни в начале XVIII в. описал «страшную казнь в Москве над 50-летней женщиной, убившей своего мужа, которую присудили зарыть живою в землю по самые плечи...

Её стерегли трое или четверо солдат, которым приказано не позволять давать ей ни есть, ни пить, что могло бы продлить жизнь ее. Но дозволено было бросать в яму, в которой она была зарыта, несколько копеек или штиверов, за которые она благодарила наклоном головы.

Деньги эти употребляют обыкновенно на покупку восковых свечей, которые и зажигают перед образами тех святых, к которым взывают осужденные, частью же на покупку гроба. Не знаю, берут ли себе иногда часть из них приставленные сторожа за то, чтоб тайком дать осужденной поесть, ибо многие довольно долго проживают в таком состоянии. Но виденная мною женщина умерла на другой же день, как я ее видел» [13].

Примеры живой речи из дел по расследованию убийств были процитированы в разных словарных статьях «Словаря» Е. Н. Поляковой [14]. Здесь и в других публикациях она использовала материалы Кунгурской земской судной избы в Российском государственном архиве древних актов (далее: РГАДА) – Ф. 687. Оп. 1. Д. 121, 263, 268 и 843.

В убийственном деле 1702–1703 гг. Вахутиных, вдовы и её дочери (в протоколах: «Евдокиицы и Акилиницы»), раскрывается ментальность жителей восточного Поморья. По царскому указу 1702 г. за убийство мужа и отца, Фёдора Вахутина: «Им казнь смертная окопать их в землю живых а быть им Евдокиице и Акилинице в земле покамест умрут чтоб вредь иным смотря такова смертнага убийства чинить было не повадно» [14, т. 2, с. 63, 213, 257]. Мать и дочь пережили тяжёлый травматический опыт. Сегодня «в социальных науках, психологии стало все шире обсуждаться понятие исторической травмы, мультигенерационной травмы, культурной травмы, возникшее на стыке культурных, социальных и групповых исторических реалий с одной стороны, и индивидуальных жизненных историй, с другой» [15, с. 3].

Определился возможный мотив убийства: отец бил дочь «безвинно и приступал ... к ней» [14, т. 2, с. 141]. Но эта мотивация мщения не подтвердилась. Глава семейства, Вахутин, демонстрировал поведение социопата, убеждённого в собственной способности к манипуляции родными людьми. При дальнейшем расследовании дела выяснилось: «Хотел он Федор ехать в Кунгурский уезд в Шаквинскую четверть в татарскую Копчикову деревню» [14, т. 2, с. 398]. Но братья Петровы «на Ледяных горах убили ево ... ссекли голову» [14, т. 2, с. 344]. Ранее Андрей Петров «у Соли Камской в привозе был в разбойном деле и пытан» [14, т. 2, с. 175]. Он и его брат Савка положили убитого «на сани и повезли прятать и спрятали под камень», потом Савка перепрыгал его «под дерн» [14, т. 2, с. 165, 278] и угрожал свидетелям убийством: Вахутиным, Ивану, Сидору и Евфимье. Но жена Фёдора не присутствовала при его убийстве [14, т. 2, с. 232, 344, 350, 360, 368, 374].

В 1702 г. «мертвое тело сыскано и перевезено на Кунгур перед земскую судную избы» [14, т. 2, с. 305]. Сидора, Ивана и Евфимью приговорили к битью «на козле кнутом» за недоносительство; за то, что «на них убойцов известить и бить челом тебе государю не смели» [14, т. 2, с. 344, 417]. Вторым царским указом велено мать и дочь «из земли ради его государского здравия» откопать и «к монастырскому пострижению освободить» [14, т. 2, с. 102]. Братьев Петровых приговорили

к смертной казни – «отсечь им головы» [14, т. 2, с. 124]. Но Андрея «по прошению кунгурской соборной Богоявленской церкви протопопы Иоанна Антониева со священницы» приговорили к отсечению правой ноги «по лодыжку» [14, т. 2, с. 225].

Так проявился раскол социальности кунгурского общества, где слабым было различие между публичным и частным, где «каждый может иметь публичную роль, пускай, это роль жертвы» [16, с. 23]. С 1700 по 1703 г. городом управляла ратуша. Затем уголовным судом ведали воеводы. Здесь так же, как в Западной Европе город был «привычной средой, где все друг друга знают и все друг за другом приглядывают» [16, с. 18]. Богоявленская церковь показана на чертеже г. Кунгура, составленном С. У. Ремезовым [17, с. 20]. Этот культовый памятник был уничтожен в 1937 г. [17, с. 104–106]. Протоиерей М. Антониев, по предположению Е. Д. Золотова, участвовал в строительстве первого каменного Благовещенского собора и служил в нём до 1736 г. [18, с. 171].

С Андреем поступили вопреки узаконению царя Фёдора Алексеевича (10 сентября 1679 г.), по которому членовредительство заменялось ссылкой в Сибирь. Но по Соборному уложению 1649 г. – «сечь руки и ноги» [1, с. 533]. Уголовное законодательство петровского времени снова было ужесточено. Кунгурцы следовали ему. Для них – чужая смерть была «не так уж страшна и зловеща» (В. Шефнер. «Непрерывность»). С. И. Викторский заметил: «Конечно, такому безстрастному отношению населения к жестокостям кар много помогала *грубость* тогдашних нравов и жизни, а также и *необезпеченность* в пользовании жизненными благами» [4, с. 191]. Казни воспринимались как обыденное явление публичного пространства. Происходил накопительный эффект без интегрального осмысления. Они откладывались в имплицитную межпоколенческую травматическую историю общественного сознания, явно психологический ущерб не был заметен, но он запечатлелся в социальных механизмах «трансляции опыта, прежде всего, патогенного, в жизни семей от поколения к поколению» [15, с. 3]. Мать и дочь пострадали за недоносительство.

В той же Кунгурской земской судной избе в 1707 г. исследовалось дело Мавры. Её показания отправляют к древнейшему способу избавления от постылого мужа – отравлению: «Мавра спрашивает травы и зелья», чтобы «испортить» своего мужа, Семёна Гладких. Свидетели подтвердили: жена злоумышляла «мужа своего сетчи косою» и отравить [14, т. 1, с. 172; т. 2, с. 91, 277, 282, 333, 357, 358]. В Западной Европе существовало народное поверье, согласно которому можно умерить нелюбимого мужа [19, с. 161].

Во Владимире в 1677 г. была окопана в землю Фетюшка. Она отсекала косою мужнину голову. На следующий день настоятели двух монастырей и игуменья женского монастыря с сёстрами подали челобитную с прошением о милости к осуждённой. Убивицу их земли откопали и постригли в Успенский девичий монастырь. В 1682 г. ямская жена Маринка и стрелецкая – Дашка Перепёлка трое суток находились в земле. Милостивый государь приказал их откопать и постричь в монастырь [13]. Так проявлялись эмоциональные матрицы – публичные образы чувствования. «Набор таких матриц, – отмечает А. Зорин, – вместе с регламентами их социальной, возрастной и гендерной дистрибуции предлагает культура» [20, с. 30].

Эмоции стимулируют действия, направленные на разрешение ценностно нагруженных проблем в житейских практиках. Ущербный статус женщин, их сегрегацию на материале восточной окраины Поморья рассматривает Е. Н. Полякова [21].

В 1708 г. ещё одна женщина в Кунгуре дала признательные показания: «Мужа своего Нестера Горшкова убила она Меланья и под мост в назем закопала одна» [14, т. 1, с. 165, 193, 250; т. 2, с. 268]. Но Матрёна призналась только тогда, когда мать и брат убитого нашли его тело [14, т. 2, с. 343].

По Соборному уложению 1649 г. за убийство мужей жён «закапывали в землю по титьки, с руками вместе и отоптывали ногами» [22, с. 89]. Е. В. Анисимов приводит типичное доношение о смертной казни в Брянскую воеводскую канцелярию: «Сего 1730 года, августа 21-го дня в Брянске, на площади, вкопана была крестьянская жонка Ефросинья за убийство до смерти мужа ее. И сего сентября 22-го дня она жонка, вкопанная в землю, умре» [22, с. 89; 6, с. 143]. Окапывание женщин в землю проводилось по всей России. Б. Н. Миронов опубликовал рисунок, на котором изображены: ещё живая женщина, окопанная в землю; и мужчина, подвешенный за ребро [2, с. 25, рис. 10.4].

Все соликамские летописи описывали пожар 1711г. Наиболее полно он был представлен в Малом летописце [23. Л. 2 об.] и авторском списке Н. С. Белозёрова: «7229. 1711. Августа на 25-е число в ночь 4 часа зажжены анбары хлебные что были у болшаго мосту, и от тех анбаров погорели все лавки и земская изба, таможня згорела и церковь рождественская и приказ и на соборной церкви згорела кровля в сентябре месяце зажигатель пойман усолец Егорко Лаптев» [24. Л. 14].

Только В. Н. Берх [25, с. 273], вслед за ним – В. Н. Шишонко [3, с. 497] (тексты совпадают) утверждали, что его живого закопали в землю. Пожар называли Егорьевским. Он произошёл при воеводе князе И. И. Щербатове и его товарище С. И. Пупкове. Был ли Егорка пироманом или мстителем выяснить сложно. В челобитной А. В. Ростовщикова 1689 г. упоминалась Лаптевская гарь. В его же владенной памяти 1692 г. была упомянута Лаптевская поскотина [26, № 6, с. 247; № 9. С. 250]. Настораживает, что её подписал и печать приложил воевода И. И. Нарышкин. Он благоволил Г. Д. Строганову, на которого работал А. В. Ростовщиков. Характеризуя население городов [2, с. 232–236], Б. Н. Миронов отмечает: оно преимущественно занималось сельским хозяйством и по быту мало отличалось от крестьянства [2, с. 160].

Фамилия Лаптевых была распространена в Соликамске. В дозорной книге 1707 г. указывается: «Во дворе Степан Афанасьев сын Лаптев а по сказке его уроженец от Соли Камской у него братья Егор четырнадцати Михайло осми лет в государеву казну с тягла своего платит по окладу в год стрелецких денег десять алтын полтрети денги десятой денги восемь алтын за ним же на усть Усолки пожня Анофриевская ...» [27. Л. 115 об.]. Во время пожара ему было около 18 лет. Семья не бедствовала [28]. Е. Н. Полякова цитирует челобитье 1697 г. «Афонки Лаптева о досмотре на падчерице ево Варварице Семенове дочери ... битых мест» [14, с. 3]. А. Лаптев был отцом усольского Герострата. В 1733–1734 гг. Степан Лаптев занимал должность бургомистра [29. Лл. 5 об., 49]. Сведения о его деловых операциях записывались в книги крепостного сбора. В 1724 г. он дал займы 8 руб. Тогда же,

в числе других соликамских посадских людей, Стефан Лаптев занял у М. Турчанинова 400 руб. [30. № 128. Л. 15; № 166. Л. 18; № 182. Л. 19 об. и т. д.].

Б. М. Миронов подсчитал: в Соликамске в 1708 г. 7,3 % самых богатых вносили 73,4 % всех налогов, самые бедные от них были освобождены. Здесь поляризация населения была больше, чем в Москве. [31, с. 118–119].

До пожара 1711 г. в городе было опустошительное погорение в декабре 1695 г. Тогда «сироты усольцы» добились от правительства льготы по уплате стрелецких денег [32, с. 195]. Отстроенное – снова было уничтожено. По дозорной книге [33] 1707 г. Воздвиженская церковь строилась «вновь близ Усолки реки у торговых рядов» (3). Здесь и далее ссылки на эту книгу приводятся в круглых скобках. У Троицкой соборной церкви на посаде в разных местах 11 лавок с полулавкою, поставленных «на прежних лавочных крепостных местах да подле Усолки реки подле большого проезжего моста 6 лавок, 20 амбаров, «да на церковном месте близ соборной Воздвиженской церкви» – 9 лавок и 4 амбара (4 об.). Доход от этой собственности, – в среднем, до 30 руб. в год (5). С мельницы напротив Богоявленской церкви чистого дохода от «помолишку в год собиралось около 7 руб. за вычетом 8 руб. 19 алтын и 4 деньги (5 об.). Доходы «исходят» на воск, ладан, церковное вино, утварь «и на строение церковное» (6).

Богоявленской церкви принадлежали две деревянные вкладные лавки. Они сдавались в наём «по полтине по 20 алтын на год». В них сидели только зимой (7).

На посаде церковь Рождества Христова деревянная. Её лавки и амбары «построены на прикладных старинных лавошных местах и мирским подаванием» (8). С 10 лавок и 2 амбаров доход составлял, примерно, 200 руб. в год.

Каменная церковь Спаса Нерукотворённого – у неё лавка вкладная Василия Холкина, доход составлял «по полтине в год» (10 об.).

На посаде располагалась приказная изба. В ней – «две светлицы», под ними – амбар и подклет (14). В приказной избе было много икон (14 об.) и «две печатные книги Уложения», переписные книги, документы делопроизводства (15–36). В том числе – «Список с новоуказных статей о татинных и разбойных и убивственных делах» (15 об.). 7 тетрадей «дестевых» – новоуказные государевы статьи об убивственных делах «за закрепою Никиты Горского за справою подъячего Никифора Степанова» (15 об.–16). Кроме того, имелись новоуказные статьи «в двудестевых тетрадех за скрепою бургомистра Ивана Микляева о росправных делах» (16). Рядом находился тюремный двор с колодниками. Неизвестно: спасли ли все эти документы от пожара 1711 г.

Земская изба на посаде состояла из двух деревянных строений. При ней стояли 3 лавки и 2 амбара, «да подле тех сеней» – ещё 2 амбара (38). Рядом стояла «окологородная» земская изба (40) и деревянная таможенная изба, на ней «орел обит белым железом крыты таможня и сени и крылцо тесом» (41). Напротив таможни стояла ветхая питейная изба (43).

Через Усолку был построен большой мост длиною 3 сажени с аршином, поперёк – 3 сажени, «да на обрубах по мосту по берегам по обе стороны дватцать сажени для перехода» (50). Рядом с большим мостом располагались торговая баня и 2 избы. Воеводский дом и земская изба были построены «мирскими» деньгами. На

посаде же располагались дворы Г. Д. Строганова, Братьев Филатьевых, Семёновский Швецовых, Ивановские Арефина и Суетина, Фёдоровский Емельянова и др. (51 об.–64). Приведённое описание показывает огромный ущерб от Егорьевского пожара, что позволяет поверить в окапывание живым в землю поджигателя.

22 октября 1723 г. В. И. Геннин [34, 35] докладывал в Кабинет: «... нынешняго лета воевода Соли Камской приказал по розыску славного вора и разбойника за ребро повесить, но оной, прежде нежели на разбои пошел, лекарство себе приготовил – взял белого сукна, зашил в кавтан и оставил дома. И когда оного хотели повесить, кричал «слово и дело государево»: знаю де серебряную руду. И воевода не смел ево вешать, прислал ко мне. Я его послал, дабы он показал то место, а он ездил и ничего не привез, токмо в ездах наделал убытка и труда. И я ево спрашивал: для чего ты доносил напрасно? И он не винился, а дело явно было, то я пытал ево такого славного атамана. И он винился во всем, что он хотел з дороги бежать, и ушел бы, ежели не такими великими цепями руки и ноги и шею укреплял. И потому послал я ево воеводе эсекутовать, и как слышно повешен за ребро» [36, № 31, с. 136]. Если никто из посадских людей не хотел быть палачом, то на эту должность назначали кого-то из самых бедных горожан.

Аналогичный случай произошёл у капитана Татищева в Кунгуре. В том же году, писал В. И. Геннин, «когда от Казачьей орды слышно было, что хотят збираться, и в то время у меня в полку учинилось некоторое возмущение, что много бежало вдруг не хотя быти для обороны и радеть здесь. Из оных беглецов, поймав я трех вдруг. Ис которых старшего по военному суду, которой подговорил, повесил» [36, № 31, с. 136]. И В. Н. Татищев, и В. И. Геннин действовали по законам военного времени.

Потом были пойманы и другие беглецы, среди которых был гренадер, атаман – он двух человек погубил. Поэтому Геннин «понужден был для экземпля и страха другим в таком времени, что о неприятелех слышим, неописываясь в Тоболской или в Военную коллегия, их через военной суд казнить, а имянно: атамана-гранодера колесовать и обоих мужиков повесить, а протчих гнать спицрутен». Гренадёр кричал «слово и дело государево» и дрался. Тогда Геннин «приказал ево привести к пытке и велел стращать подемом. И он, видя, что не по тоболскому здесь, трусял и неподниман винился... И потому он казнен. И ежели бы я так не учинил, то и все стали бы кричать, отбывая от смерти и наказания, и учинили б убыток и другим образ» [36, № 31, с. 136–137]. В. И. Геннин описывал эти казни, чтобы подстраховаться от возможных обвинений.

Было поймано ещё 12 человек. Один из них дважды бежал и говорил «слово и дело». Озабоченный своей репутацией Геннин «велел его пытать, ежели он добром не скажет» [36, № 31, с. 137]. Наверняка судьба хитреца оказалась незавидной. Так В. И. Геннин, получивший европейское воспитание и образование, перенял русские правовые нормы, как и берг-советник Михаэлис. Ему «москвитина дьяка Семена Прасолова» жена Анна продала в Соликамске «дворовую свою крепостную ручную породы девку Наталью денег взяла 8 руб.» [30, № 134, л. 15].

В письме 16 июня 1724 г. к А. В. Макарову В. И. Геннин сообщал: «Сего июля 8 дня писал ко мне с Ягушихинских плавильных заводов капитан Берлин: июня де

13 числа поимали тамо три человека разбоиников, да триж человека их становщиков и потаковщиков. И оные разбоиники тамо роспрашиваны и в распросех показали, что де ходили вниз по Каме-реке и разбивали струга с хлебными припасами, крестьян в домех грабили и жгли на огне, тако ж господ баронов Строгановых Беляевского прикащика убили, и груд, и сало из нутра вынели. И хотели быть разбоем на Ягушихинские заводы, и караульщиков прибить, а казну его императорского величества пограбит, тако ж и Берлина обрав хотели убит же, и жители огнем жечь. Того ради по оных разбоиников и становщиков послал я пять человек гранодер и велел их привести на Пыскорские заводы для следования и розыску их дела» [36, № 50, с. 227]. Затем Геннин доносил царю: разбойники и становщики – задержаны. После расследования 6 человек казнены, повешены живые за рёбра, остальные – колесованы [36, № 53, с. 240]. Это была настоящая война местного значения. Горнозаводская промышленность выстраивалась потом и кровью. В. И. Геннин рационально вписался в смертный тренд.

Авторский список летописца соликамского посадского человека Н. С. Арефина [38; 39, с. 10] сохранил его личные впечатления. «1740 год маяя 2 дня у соликамской казнены две бабы окопаны на публичном месте живыми в землю Мавра за убийство и сожжение мужа ея = Парасковья за удушение на постели мужа ея = которые в земли живы были Мавра до 14 дня, Парасковья до 25 числа = весьма долговременно» [37. Л. 49 об.]. Другие соликамские летописи этот факт не описывали. Он был не важен для их культурного кода, взбаламученного петровскими преобразованиями.

В кратком сообщении с точными датами отражался менталитет горожанина, привычного к подобным казням. Почти месяц горожане ходили мимо окопанных женщин. В приложении публикуется завещание отца Н. С. Арефина, чтобы показать его социальное положение и семейный менталитет. Дом летописца находился на посаде (приложение). Именно там, в публичном месте – около Троицкого собора и рынка были окопаны женщины, удивившие своим долгим пребыванием в яме. Наверняка их кто-то поддерживал «весьма долговременно». После смерти жертв откапывали и хоронили в самом не престижном месте, где находили упокоение убогие и неизвестные люди.

Нейробиолог П. Уайброу помогает понять внутренний мир этих женщин и усольцев: «Можно представить интуитивный процесс в виде повествования, личной истории, хранящейся в бессознательной библиотеке нашего разума. На протяжении жизни мы тщательно составляем главы нашей истории – индивидуальные схемы интуитивного мышления – из тысяч культурных и социальных подсказок, получаемых нами в каждодневном опыте. Создаваемые нами истории передаются от человека к человеку, из поколения в поколение, и основы нашей культуры поддерживаются этими общими мыслительными привычками, подстраивающимися под коллективный опыт» [40, с. 20]. В поведении индивида огромную роль играет система *рефлекторного* восприятия и ответных реакций мозга. Эта рефлекторная система действует преимущественно на *досознательном* и *бессознательном* уровне. И именно она с помощью приобретенных привычек незаметно, но очень мощно воздействует на наши верования, восприятие чужих мотивов, следование мо-

ральным правилам и принимаемые решения» [40, с. 59]. Концентрированная ненависть и безнадёжность могли привести женщин к убийству.

В компилированном Соликамском летописце В. Н. Берха, в который вошли и сведения из авторского списка Н. С. Арефина, описание казни сокращено. Мавра была названа Марфой. Попущено описание их жизни в окопе [25, с. 287]. Позднее, в другой книге Василий Николаевич, впечатлённый такой казнью, писал: «... повелено было жен, убивающих мужей своих, закапывать на основании Уложения по груди в землю. Неизвестно, как долго существовал сей закон, но в 1740 г. закопаны были в Соликамске две женщины, пожившие в сем положении одна 23, а другая 12 дней» [41, с. 238]. В. Н. Шишонко пересказывает текст берхова летописца и также называет Мавру – Марфой [42. Л. 5 об.]. Именно эти тексты в дальнейшем использовались в популярной вторичной литературе.

Окопанных женщин не помиловали, как это было сделано в Кунгуре и других городах России в последней четверти XVII – начале XVIII в. Их казнь пришлась на то время, когда епископом Вятским и велико-Пермским недолго пробыл Вениамин Сахновский [43, стлб. 1181]. Соликамский заказчик, поп Герасим, находился в должности с 1739 г. Но уже 7 июля в своём доношении он указывал, что «ныне за старостию и дряхлостию той закащической должности поносить не может» [44. Лл. 527 – 528]. Следующим заказчиком в 1742 г. стал протопоп Троицкого собора Кирилл [45, с. 172]. Эмоциональное сообщество Соликамска огрубело к 1740 г. Сокровенные недра личностей (Л. Февр) горожан покрылись коростой страха, имевшего кумулятивный эффект.

Имена Мавры и Парасковьи должны были бы быть в именных росписях всех исповедующихся по указу Анны Иоанновны, полученному на Вятке 4 февраля 1737 г. [46. Лл. 473–473 об.]. Но они не обнаружены. Сведения из каждого прихода направлялись в духовные правления, а составленные на их основе сводные ведомости по чинам, полу и возрасту пересылались в Синод. Б. Н. Миронов выявил выписки епархиальных исповедных экстрактов за 1737 г. [47, с. 106]. Но неизвестны фамилии окопанных женщин. Уголовные дела в Соликамске за 1733–1781 гг. разбирал регистратор Дружинин в 1792 г. [48. Л. 16]. Однако обнаружить их не удалось. О. Ранум верно заметил: «История интимного «я» ещё ждёт своего написания» [49, с. 238].

За отчаянными поступками женщин маячит модель трагической действительности, побудившей их к преступлению; раскрывается субъективный аспект прошлого – в человеческом содержании исторического процесса. Невозможно определить все причины аффективного поведения женщин. Возможна лишь приближительная историческая реконструкция на основе системного изучения сохранившихся источников и исторического контекста, представленного в историографии. На помощь приходит сочувствующее воображение, интуитивное понимание «уникальных событий и их роли в конкретных ситуациях, порожденных конкретной борьбой интересов, тенденций и судеб» [50, с. 61]. Необходимо также учитывать изменение человеческого сознания в историческом времени: в строении, структуре и механизмах его функционирования. Надо решиться мыслить о человеческой

жизни посредством категорий «отличных от понятий, позволяющих прояснить материальные феномены» [51, с. 86].

Средневековые домостроевские нормы как кодекс домашнего поведения «были довольно жестоки в отношении женщины: полная власть мужчины в семье, имущественное и юридическое бесправие, многочисленные ограничения, которые делали невозможным самостоятельную жизнь женщины в обществе» [6, с. 142]. За убийство жены мужа наказывали кнутом или посылали на несколько месяцев кататься в монастыре. Так проявлялась гендерная сегрегация женщин. В посадской среде их жизнь ценилась дешевле, чем лошадь, стоившая 3–5 рублей. Несмотря на запрещение принудительных браков по петровскому указу от 22.04.1722 г. любовь и свободный выбор жены / мужа оставались только на бумаге. Нелюбимая жена, изнемогая от побоев могла уйти в монастырь или сбежать. 20 июня 1721 г. кунгурец Никифор Юхнев подал явочное челобитье «о бежавшей» его жене [52. Л. 1].

Действенным было средневековое каноническое право. Кормчие книги разных редакций задавали регламент семейной жизни: «Мирским людям во своих домах по закону живущих православно, егда к своей жене не совокупився...» [53, № 65, с. 364–368]. Регламентировалось запрещение браков, определялись степени родства и свойства [53, № 3, с. 25–29]. В Кирилло-Белозерской редакции Кормчей, в главе 114 указывалось: «не подобает своей жены звати госпожею» [53, № 4, с. 48].

В церковных проповедях на темы морали и в домашнем душеполезном чтении на каждый день использовались сюжеты Пролога, многотиражной книги массовой русской литературы. В поучении И. Златоуста о семейном согласии читалось: «на вспоможение жена дана есть» [54, с. 220]. В популярном духовном стихе «Плач Адама» вина за изгнание из рая возлагалась на Еву. Главной обязанностью женщины и в России, и в Западной Европе «было хозяйство, сферой действия – дом, а назначением – как можно более соответствовать тому образу супруги и матери, который был укоренен в сознании усилиями Церкви и общества. Определяющим его элементом была честь, то есть самообладание, преданность «своим», сохранение репутации, а также самопожертвование во имя тех, кто делит с ней один кров и очаг. Одним словом, постоянное служение, или, точнее, забота о хлебе насущном, о воспитании детей, выхаживание больных, уход за умирающими. Таково ремесло женщины, за которое она не получает материального вознаграждения ...» [55, с. 458–459].

Конечно, здесь показаны не все смертные казни, их было больше. Сведения об уголовных преследованиях сохранились в разных фондах. Например, о розыске Ивана Пономарёва, Фёдора Викулова, Ивана Кузнецова, Петра Исаева по доносу Ивана Половникова [29. Л. 3 об.]. Данная статья показывает «сличные веку нравы» (А. Д. Кантемир. Сатира 7). Розыскные канцелярии работали бесперебойно. Публичность казней была направлена на устрашение живых и стимулировала доноительство.

Однако на протяжении последней четверти XVII – первой половины XVIII в. жители восточной окраины Поморья страдали от разбойников. Смертные казни, описанные В. И. Генниным, не искоренили разбойничества. Р. Г. Пихоя приводит

допрос 40-летнего устюжанина Ф. М. Козлова, обвиняемого в убийстве. В октябре 1745 г. под пыткой он перечислил места своих работ на уральских заводах; сказал, что ходил на коломенках до Соли Камской, Москвы и Калуги. В сылвенском ельнике набрёл на бурлаков (человек 12–14). Они кормились ягодами и собирались уходить в кельи к староверам. Встретив подводы с солдатами, ватага напала на них, убила и ограбила. Козлов же «говорил, что то худо, а они сказывали: чем же станешь жить?» [57, с. 89]. Гулящие люди на солдатских лошадях отправились дальше. Козлов же вернулся в Сылву и там был арестован. Р. Г. Пихоя называет гулящих людей грабителями по неволе, для которых грабёж был «как промысел, как источник пропитания» [57, с. 89]. Восточная окраина Поморья была переполнена такими людьми. На место казненных приходили другие.

При Елизавете Петровне в Москве запретили выпускать колодников «которые ходят скованные в цепях и железах по несколько человек, в числе коих бывают и пытаные в разодранном платье, тако, что и тело видно». Они просили милостыню «необыкновенно нараспев, с криком» [56, с. 299]. Такая же практика пропитания была в Кунгуре. Императрица приостановила смертную казнь – «мера уникальная для того времени» [2, с. 34]. 22 января 1742 г. был объявлен манифест (№ 8506) «об отмене смертной казни приговоренным к оной Генеральным судом государственных преступников». Смертная казнь была заменена «по природному Нашему Монаршему милосердию и по дарованному Нам от Бога великодушию». Виновные были отправлены в ссылку, в том числе, Левенвольд – в Соликамск [4, с. 217].

Закончу возвращением к эпиграфу. В том же интервью Л. Улицкая точно подмечает: «Смерть... – это одна из самых сложных тем – и в жизни, и в литературе».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Завещание С. Арефина

РГАДА. Ф. 615. Крепостные книги. Оп. 1. Д. 10421. № 26.
24 января 1726 г. Л. 5 об.

«Соликамской посадской человек Савватей Арефин написал себе доходную роспись и движимое и недвижимое имение свое приказал детям своим Никите и Алексею именно по уговору детей своих на Никитину повыток святыя иконы и имения и оловянная всякая посуда у соликамской в посаде двор с построем и местом да в Чердынском в Вилвенском стану при Касибском погосте ... (два слова неразборчиво) со всякими построениями и землями и с покосы и купленных и заклеяменными и с хлебом и скотом а на Алексееве повыток святителской образ богоматери Николай да Деисус на красках да медной и оловянной всякой посуды против онаго братня повытка за что у него Алексея есть мелочного товару за корову красную да в Усолке луга пониже сенного покосу три повытки. Так же и им Никите и Алексею друг к другу ни во что не вступатца и делу не спрашивать и ни-

каких убытков не учинить. Писал Егор Сыромятников. Пошлин поголовных 30 от писма 20 от записки 10 за страницу на расходы $\frac{1}{4}$ копейки и того 60 $\frac{1}{4}$ копейки».

***

1. Богданов А. П. Царь-реформатор Федор Алексеевич: старший брат Петра I. М.: Академический проект, 2018. 760 с.
2. Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 3. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 992 с.
3. Шишонко В. Н. Пермская летопись. III период. Пермь: типография губернской земской управы, 1883. 1154 с.
4. Викторский С. И. История смертной казни в России и её современное состояние. М.: типография императорского Московского ун-та, 1912. 387 [1] с.
5. Карамзин Н. М. О древней и новой России / История государства Российского. М.: Эксмо, 2015. 1024 с.: ил.
6. Анисимов Е. В. Императорская Россия. СПб.: Питер, 2014. 640 с.
7. Ключевский В. О. Соч.: в 9 т. Т. 4. М.: Мысль, 1989. 398, [1] с.
8. Шишонко В. Н. Пермская летопись. II период. Пермь: типография Губернской земской управы, 1882. 502 с.
9. Шишонко В. Н. Пермская летопись. IV период. Пермь: типография Губернской земской управы, 1884. 653 с.
10. Мацук М. А. Некоторые аспекты политики правительства по повышению тягло-способности черносошных крестьян Поморья и Приуралья в XVII в. // Государственные крестьяне Урала в эпоху феодализма. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. С. 19–30.
11. Дополнение к актам историческим. Т. 10. СПб.: типография Эдуарда Праца, 1867. 504 с.
12. Дополнение к актам историческим. Т. 12. СПб.: типография Эдуарда Праца, 1872. 423, 24 с.
13. Кошель П. Смертная казнь в России: преступники, палачи, зрители ... // chas-kor.ru/article/smertnaya_kazn_v_rossii_prestupniki_palachi_zriteli_35535 (дата обращения: 25.11.2019 г.).
14. Полякова Е. Н. Словарь лексики пермских памятников 16 – начала 18 в.: в 2 т. Т. 1. А – О. Т. 2. П – Я. 424 с. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2010. 428 с.; 424 с. Этот словарь был издан в 6 выпусках. Пермь, 1993 – 2001. Цитаты по теме данной статьи совпадают в обоих изданиях. В словарной статье «земля» изъята выписка, приведённая в издании 1994 г., с. 108.
- Бурлакова Н. С. Психодинамика передачи травматического опыта от поколения к поколению в контексте культурно-исторической клинической психологии // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 45. С. 11. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 01.10.2019 г.).
15. Айрес Ф. (Agies P.) К истории частной жизни // История частной жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 6–25.
16. Лепихина З. Я. Кунгур православный. Пермь: Издательство «Литер-А», 2007. 216 с.
17. Золотов Е. Д. Боль души. Избранное: Сборник статей / под ред. О. А. Реневой. Кунгур, 2002. 224 с.: ил.
18. Арнаутова Ю. Е. Колдовство и колдовские болезни в средние века // Вопросы истории. 1994, № 11. С. 158–162.
19. Зорин А. Появление героя. Их истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 568 с.: ил.

20. Полякова Е. Н. Слова с семантикой «жена», «женщина» в пермских памятниках XVI – начала XVIII в. // Актуальные вопросы истории лексикологии и лексикографии. Смоленск, 2000. С. 75–85.
21. Анисимов Е. В. Толпа героев XVIII в. М.: Астрель, 2013. 668, [4] с.: ил.
22. РО БАН. 1.4.20
23. РО БАН. 32.4.7.
24. Берх В. Н. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. Пермь: издательство «Литер-А», 2009. 304 с.: ил.
25. Полякова Е. Н. Соликамские рукописи XVII–XVIII вв. как источник изучения топонимики // Археографический ежегодник за 1970 г. Пермь, 1971. С. 239–253.
26. РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Оп. 1, ч. 5. Д. 1511(2).
27. РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Оп. 1, ч. 5. Д. 1554. Сметная книга 1711 г. окладным и неокладным денежным доходам г. Соликамска.
28. РГАДА. Ф. 444. Соликамская провинциальная канцелярия. Оп. 576/1. Д. 61.
29. РГАДА. Ф. 615. Крепостные книги. Оп. 1. Д. 10419.
30. Миронов Б. М. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 тт. Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 912 с.
31. Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М.: изд-во АН СССР, 1957. 336 с.
32. РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Оп. 1, ч. 5. Д. 1511(1).
33. Шандра А. В. Штрихи к историческому портрету Г. В. де-Геннина // Известия Уральского гос. ун-та, 1998, № 9. 1723. ru/read/books/gennin-2.htm (дата доступа: 18.11 2019 г.).
34. Шандра А. В. В. И. Геннин на Урале: Деятельность и мировоззрение // disser cat. com/content/v-i-gennin-na-urale-deyatelnost-i-mirovozzrenie (дата доступа: 18.11 2019 г.).
35. Геннин В. Уральская переписка с Петром I, Екатериной I / Составитель и комментатор М. О. Акишин. Екатеринбург, 1995. 467 с.: ил.
36. РО БАН 32.4.8.
37. Бруцкая Л. А. Соликамск первой половины XVIII в. по «Книге записной» Н. С. Арефина // Историко-культурное наследие городов и заводских поселений Урала: Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 1995. С. 46–55.
38. Бруцкая Л. А. Соликамские летописи XVIII в. // Вестник Сыктывкарского ун-та. Серия гуманитарных наук. Вып. 5. 2016. С. 9–26.
39. Уайброу П. (Whybrow P.) Мозг: тонкая настройка. Наша жизнь с точки зрения нейронауки / пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2016. 352 с.
40. Берх В. Н. Царствование царя Алексея Михайловича. М.: Кучково поле, 2013. 352 с.
41. Государственный архив Пермского края (далее: ГАПК). Ф. 321. В. Н. Шишонко. Оп. 1. Д. 18. Летопись города Соликамска и уезда. 1721–1786 гг.
42. Православная богословская энциклопедия или богословский энциклопедический словарь. Т. 3. Петроград: издание А. П. Лопухина. Стлб. 1181.
43. Государственный архив Кировской области (далее: ГАКО). Ф. 327. Вятская духовная консистория. Оп. 2. Д. 11.
44. Вологдин А. С. Из дел семинарской конторы // Труды Вятской учёной архивной комиссии. Вып. 4. Отдел 2. Вятка, 1905. С. 168–177.
45. ГАКО. Ф. 237. Вятская духовная консистория. Оп. 1. Д. 1.
46. Миронов Б. Н. Исповедные ведомости – источник о численности и социальной структуре православного населения России XVIII – первой половине XIX в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 20. Л.: Наука, 1989. С. 102–117.
47. ГАПК. Ф. 13. Соликамский уездный суд. Оп. 2. Д. 2.

48. Ранум О. (Ranum O.) Прибежища интимности // История частной жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 238–294.
49. Поппер К. Нищета историзма // Вопросы философии. 1992, № 8. С. 49–79.
50. Ортега-и-Гассет К. История как система // Вопросы философии. 1996, № 6. С. 78–103.
51. Кунгурский городской архив. Ф. 580. Оп. 1. Д. 5. Опись разных дел с 1711 по 1780 г.
52. Кириллические рукописи XV–XVII вв. в зрании Пермского края: каталог / под ред. И. В. Поздеевой, Ю. С. Белянкина. Пермь: Издательство «Пушка», 2014. 576 с.: ил.
53. Державина О. А., Капица Ф. С., Дёмин А. С. Циклы сюжетов в Прологе // Литературный сборник XVII в. Пролог. М.: Наука, 1978. 287 с.: ил.
54. Кастан Н. (Castan N.) Публичное и частное // История частной жизни / пер. с французского М. Неклюдова, О. Панайотти. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 452–496.
55. Анисимов Е. В. Елизавета Петровна (1709–1761). Российская императрица с 1741 г. // Исторический лексикон. XVIII в. М.: ВЛАДОС, 1996. С. 294–300.
56. Пихоя Р. Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII – XVIII вв.). Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1987. 272 с.

ФОЛЬКЛОРНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В ЛОЕМСКИХ СВАДЕБНЫХ ПРИЧИТАНИЯХ

FOLKLORIC PHRASEOLOGY IN LOYMA BRIDAL LAMENTATIONS

В статье представлены результаты исследования языковых особенностей фольклорных текстов свадебных причитаний, бытовавших в народной культуре с. Лойма Республики Коми. Дано описание устойчивых языковых конструкций, которые организуют текст и выражают важные для народной культуры смыслы. Наиболее представленными в лоемских текстах являются сочетания с постоянными эпитетами и репрезентативными парами.

Ключевые слова: диалект, фольклор, фразеология, текст, народная культура.

The article covers the results of studying the linguistic peculiarities of folklore texts of bridal lamentations existing in the folk culture of the Loyma village of the Komi Republic. The author describes fixed language structures organizing the text and expressing the meanings which are important for the folk culture. The most common phrases in Loyma texts are the ones with permanent epithets and representative pairs.

Keywords: dialect, folklore, phraseology, text, folk culture.

1. В современном языкознании отмечается интерес к изучению языка фольклора, его семиотических и этнолингвистических свойств. Тем не менее лингвостилистические (поэтические) его особенности также имеют важное значение для познания народной духовной культуры, в частности средств ее вербального выражения.

В статье рассмотрены лингвостилистические особенности текстов свадебных причитаний, записанных в селе Лойма Прилузского района Республики Коми. Сегодня село Лойма знакомо многим как уголок русской старины со своими традициями, уходящими в глубь веков. Лоемская народная культура сформировалась в особых условиях иноязычного (коми) окружения, с одной стороны, а с другой – непрекращающихся связей с другими русскими: по реке Лузе, на которой стоит Лойма, проходил торговый путь из Вятки в Устюг [4, с. 137]. Так, в одной из своих статей Е.А. Шевченко выявила генетическую близость лоемских и вятских свадебных причитаний [9]; в лексиконе лоемского говора обнаруживаются лексемы, общие для вилегодских (Архангельская обл.) и лузских (Кировская обл.) говоров.

Выбор причитаний в качестве объекта исследования обусловлен тем, что причитания являются одним из наиболее древних жанров фольклора, поэтому рассмотреть языковые особенности таких текстов в условиях поздней локальной культу-

ры позволит выявить ключевые смыслы и слова, сохранившиеся в культурной памяти народа.

Предметом данного исследования стала поэтическая фразеология – минимальные текстовые фрагменты, имеющие характер не спонтанно включенных, созданных элементов, а воспроизводимых стереотипных конструкций, важных для выражения традиционных смыслов.

2. До некоторых пор изучением народнопоэтической речи занимались такие научные направления, как лингвистика и фольклористика, каждая из которых использовала свой подход к фактам языка фольклора. С течением времени стало ясно, что исследование языка фольклора нуждается в специальной филологической дисциплине, так как чисто лингвистические и чисто фольклористические методы оказались неэффективными. Как заметил А. Т. Хроленко, лингвисты рассматривали языковые явления «вне связи с поэтикой, художественной структурой устно-поэтического текста и произведения в целом», а фольклористы – «только те явления, которые лежат на поверхности, причем вне всякой связи друг с другом» [8, с. 6].

В связи с этим в последней трети XX века сложилась новая научная дисциплина – лингвофольклористика. Сам термин был разработан и предложен А. Т. Хроленко. Это понятие покрывает область исследований, непосредственным объектом которых является фольклорный текст (общий объект с фольклористикой), а важнейшей лингвистической задачей – описание языка фольклора, структуры фольклорного текста и фольклорной картины мира. Предтечей этого направления стали работы И. А. Оссовецкого и А. П. Евгеньевой [3, 5, 6]. Они в своих научных разработках выявили проблемы соотношения устно-поэтического языка с другими разновидностями общенародного языка; взаимосвязь языка и фольклорной поэтики.

Немалый интерес у лингвофольклористов продолжает вызывать такое явление, как поэтическая фразеология языка фольклора. С термином «поэтическая фразеология» тесно связаны такие понятия, как язык фольклора и формульность фольклорного текста.

Язык фольклора представляет собой особую систему, которая вне пределов произведений устной народной поэзии не употребляется. Однако язык фольклора, по выражению И. А. Оссовецкого, это «сложное образование системного характера, определённый континуум, где диалектически сплавлены его образующие, то есть и конкретные народные говоры, и диалектный язык как система всех соответственных диалектных явлений, и общенародный язык в целом как метасистема русского языка» [6, с. 68].

Применительно к языку фольклора справедливо следующее замечание В.В. Виноградова: «В системе русского языка слова, по большей части, функционируют не как произвольно и неожиданно сталкиваемые и сцепляемые компоненты речи, а занимая устойчивые места в традиционных формулах» [2, с. 121]. Символические образы и ключевые фольклорные слова и относят к таким формулам

(«типическим местам», «общим местам», *loci communes*), к повторяющимся художественным стереотипам, выражающимся в единицах различного объема (формульным может быть и одно слово, и целая группа стихов) [1, с. 275].

Формульность – «важнейшая черта языковой специфики фольклора», в ней отражается традиционность «как основное, определяющее свойство фольклора, выделяющее его язык из всех других подсистем языковой структуры». Формульность – необходимое условие существования народного творчества и признается, как отмечает М. А. Венгранович, «универсальной типобразующей закономерностью словесного фольклора» [1, с. 276]. Она обеспечивает относительную сохранность фольклорных текстов во времени, является средством, маркирующим коммуникативные особенности фольклорного текстообразования.

Надо отметить, что к устойчивым стереотипным элементам устного словесного творчества относятся разные по своей структуре и характеру обобщения единицы: постоянные, или «окаменелые» эпитеты, традиционные мифологические схемы, традиционные, или устойчивые мотивы, поэтические фразеологизмы, матрицы, типические места, общие места (*loci communes*), фольклорные стереотипы, поэтические константы, устойчивые поэтические элементы.

В данной работе будет использоваться термин «фольклорная фразеология», под которым будут пониматься устойчивые соединения слов, функцией которых является стилистическая организация текста и выражение традиционных (транслируемых культурной памятью посредством языка) смыслов в корпусе текстов одной жанровой природы.

Во второй половине XX века о возникновении и особенностях фольклорной поэтической фразеологии писал И. А. Оссоветский [6]. Большим вкладом в изучение поэтической фразеологии в народно-песенном фольклоре стала работа А. Т. Хроленко «Поэтическая фразеология русской народной лирической песни» [7], в которой определены черты фольклорной фразеологии: стереотипность элементов, устойчивость, традиционность, формульность. Это одно из первых монографических исследований типов фразеологии русского поэтического фольклора в лингвистическом аспекте. Ученый разработал подробную классификацию фразеологических единиц, именуемых им в силу их специфичности устойчивыми словесными комплексами, употребляемых в фольклорных текстах.

3. Для исследования особенностей поэтической фразеологии в лоемской фольклорной традиции нами были рассмотрены 46 текстов свадебных причитаний села Лойма Прилузского района, хранящиеся в Фольклорном архиве СГУ им. Питирима Сорокина (далее в тексте – ФА СГУ и шифр хранения). Методом сплошной выборки были отобраны устойчивые конструкции, имеющие особую семантико-стилистическую функцию в фольклорном тексте. Вслед за А. Т. Хроленко были выявлены группы таких конструкций – линейные, вертикальные конструкции и линейно-вертикальные конструкции [7].

3.1. Линейные конструкции. Под линейными конструкциями понимаются бинарные структуры (биномы), в которых слова объединены подчинительной или параллельной синтаксической связью. Среди линейных конструкций в текстах лоемских свадебных причитаний выявлены атрибутивные и сопряженные пары.

3.1.1. **Атрибутивные пары** в лоемских причитаниях разнообразны по своей структуре и семантике. Можно назвать следующие структурные виды атрибутивных пар: конструкции с постоянными эпитетами в препозиции, конструкции с постоянными эпитетами в постпозиции, конструкции с двойными эпитетами, конструкции с эпитетами-приложениями, конструкции с межстиховой атрибуцией.

А. Наибольшей представленностью в лоемских текстах характеризуются конструкции с постоянными эпитетами в препозиции (*мако зёрнышко, белая банюшка, сырая земелюшка, красная девица, вышний голос, шёлкова трава, зелено вино, сплюбовные подруженьки, прекрасное крылечико* и т.п.).

Б. Не менее актуальны в текстах лоемских причитаний конструкции с постоянными эпитетами в постпозиции (*лендочки шёлковы, водица ключевая, древо кудрявое, причёт желанный, скамейка дубовая, посылочка скорая, комони высокие* и т.п.). Такие конструкции также представлены словосочетаниями с «контактным» согласованием (напр. *руки белые, сабелька вострая*) и «дистантным (союзным)» согласованием (напр. *пята да железная, пола да каменовы*).

В. Отмечается использование конструкций с двойными и тройными эпитетами: в препозиции (*чужа дальня сторона; честная да девья красота*); в постпозиции (*под окошечко под судно, под кутной; ластки косатые да полосатые; невеста наша белая, православная моя милая*); в окаймляющей позиции (*крепкими да словами да верныма; чисто поле да широкое*).

Г. Конструкции с эпитетами-приложениями в лоемских причитаниях представлены весьма скудно. Так можно охарактеризовать сочетания *князь-сватюшка, сношка да разудалая головушка, сестрицы-голубушки* и *на церкву на матушку*. Первое сочетание отнесено к этой группе вследствие того, что приложение *князь* в данном случае выполняет функцию величания с комплиментарным значением, одновременно указывая на статус свадебного персонажа и выполняя оценочную атрибутивную функцию.

Д. В рассмотренных текстах лоемских причитаний отмечается синтаксическая особенность, характерная для народно-песенного фольклора – конструкция с межстиховой атрибуцией, где постоянный эпитет, выступая как постоянный атрибут существительного, появляется в следующей строке, синтаксически повторяющей предыдущую, например:

Лучился ли в тереме родимый мой батюшка,

Лучилась ли во высоком моя родимая матушка (ФА СГУ: 1315 – 37).

Говорила я батюшке: «Засеки-ка ты засеку»,

Говорила я брателку: «Засеки-ка ты крепкую» (ФА СГУ: 1318 – 2).

А. Т. Хроленко именует такую конструкцию «расщепленной» и рассматривает как проявление тотального народно-песенного симметризма [7, с. 57].

Активнее всего атрибутивными парами представлено семантическое поле «человек». Чётко выявляются 3 микрополя:

1) «персонажи»: *родимый батюшка* – 36, *родимый брателко* – 22, *родимая матушка* – 20, *родимая сестрица* – 5, *милое дитяtko* – 4, *чужой чуженин* – 4, *вдовья вдовушка* – 3, *красная девица* – 1, *белая невеста* – 1;

2) «части человеческого тела» представлены атрибутивными парами: *белые рученьки /руки* – 6, *резвы ножки /ноженьки* – 6;

3) «проявление качеств человека, его эмоций»: *девичья (девья) красота* – 4, *буйная головушка* – 2, *горючие слезы* – 2, *ретивое сердце* – 1, *разудалая головушка* – 1.

Семантическое поле «предметный мир» представлено следующими атрибутивными парами: *высок терем* (9), *кленово корамыслище* (8), *дубовые ведёрышка* (7), *белая банюшка* (3), *брусовая лавочка* (2), *восковые свечи* (2), *каменный пол* (2), *дубовый стол* (1), *пьяное пиво* (3), *зелено вино* (1).

Семантическое поле «животный мир» представлено атрибутивными парами: *добрый комонь (конь)* – 4, *серы зайчики* – 1.

В семантическое поле «растительный мир» в текстах лоемских свадебных причитаний вошли атрибутивные пары *алые цветочки* (2), *жгучая крапива* (1), *шёлковая трава* (1), *колючая шипица* (1).

Большую группу в лоемских причитаниях составляют атрибутивные пары, представляющие собой именованья пространственных реалий как неких координат описываемых в текстах событий. Сюда вошли наименования места обитания, рельефа, водных объектов: *родимая сторона* (1), *чужая сторона* (20), *чужа дальняя сторона* (5), *сыра земля* (2), *зелёный сад* (6), *темен лес* (1), *чисто поле* (4), *сине море* (2).

Семантическое поле «время» представлено тремя атрибутивными парами: *сегоднешний денёк* (6), *тёмная ночка* (1) и *белый денёк* (1).

В лоемских причитаниях можно заметить тенденцию к определенной так называемой унификации определения. Так, для нескольких «персонажей», входящих в семантическое поле «человек», используется эпитет *родимый*: *родимый (-ая)* – *батюшка*, *брателко*, *матушка*, *сестрица*.

Одним из самых частотных и, можно сказать, универсальных эпитетов в лоемской традиции является эпитет *белый*. Он имеет широкую сочетаемость и употребляется с такими определяемыми словами, как *руки /рученьки* (6), *банюшка* (3), *невеста* (1), *деньки* (1). Символика белого цвета в свадебном обрядовом дискурсе имеет сложное наполнение: вместе с выражением чистоты и непорочности (*невеста*, *руки*), обозначением света и ясности (*день*), эпитет *белый* является маркером иномирности, обозначением свойства потустороннего мира, которому характерно отсутствие цвета и света (*баня* как локус потустороннего мира).

Еще одним эпитетом с высокой степенью сочетаемости является эпитет *дубовый (-ая, -ое)* – *ведро* (7), *стол* (1), *столб* (1), *скамейка* (1), *телега* (1). Его такая активность является средством своеобразной актуализации дуба, символическая семантика которого известна народной культуре. Дуб в славянской культуре являет-

ся экспликацией мирового древа, соединяющего миры. В контексте свадебного обряда, знаково закрепляющего переход невесты из мира *родимой стороны* в мир *чужой дальней стороны*, образ дуба является выразителем этой идеи.

3.1.2. **Сопряженные пары** представлены в лоемских причитаниях репрезентативными парами и тавтологическими сочетаниями.

А. В текстах причитаний, записанных в с. Лойме была выявлена такая разновидность фольклорной фразеологии, как *репрезентативные пары*. Под ними понимаются сочетания, в которых оба слова сохраняют свою синтаксическую самостоятельность, при этом выражая одно сложное представление. Причем, компонентами таких репрезентативных пар могут быть как синонимичные, так несинонимичные слова.

В лоемских текстах репрезентативные пары представляют собой конструкции с соположением, конструкции с повторяющимся служебным элементом, конструкции с сочинительным союзом и конструкции с межстиховым сопряжением.

Конструкции с соположением представлены следующими примерами: *род-племя, купец-боярин, князь-бояре, пора-времечко, гуси-лебеди, раздетая-необолочённая, углядела-усмотрела, прошли-проехали, помылась-попарилась* и др.

Среди конструкций с повторяющимся служебным элементом в лоемских причитаниях можно назвать следующие:

Не ко роду, ко племени

А другая путь-дороженька

Не ко роду, не ко племени (ФА СГУ 1316 – 15);

Да не купцом, да не боярином

Да зайди, родимый брателко,

К нему во высок терем

Да не купцом, да не боярином (ФА СГУ 1316 – 15);

На ту пору, на то времечко

На ту пору, на то времечко

Прилетели *гуси-лебеди* (ФА СГУ 13123 – 6).

Не менее частотны в лоемских причитаниях конструкции с межстиховым сопряжением. Они представляют собой репрезентативные пары, компоненты которой располагаются в смежных стихах. Их сопряженность создается лексическим и синтаксическим параллелизмом. Преимущественно такие пары образуют существительные, однако обнаружилась и конструкция с прилагательными:

Умываньице-отдуваньице

После мово *умываньича*,

После мово *отдуваньича* (ФА СГУ: 1315 –6);

Банюшка-парушка

После белые *банюшки*,

После тёплые *парушки* (ФА СГУ: 1315 – 21);

Гостинечки-подарочки

Да за твои да за *гостинечки*

Да за твои да за подарочки (ФА СГУ: 1318– 2);

Дикая-глупая

Дикая да я хватилася,

Глупая да догадалася (ФА СГУ: 1316 – 20).

Сопряженные пары в виде конструкций с сочинительным союзом *да* в значении ‘и’ в лоемских причитаниях немногочисленны. Они представлены парами наречий и глаголов:

Нужно да надобно

Мне твоё-то благословеньicho

Шибко *нужно да шибко надобно* (ФА СГУ 1316– 20);

Сделаться-миноваться

Без меня дело *не сделается*,

Без меня *да не минуется*. (ФА СГУ: 1316 – 21);

Съисть да погубить

Не родная ты, свекровка-матушка,

Да рада *съисть да погубить* (ФА СГУ 13123 – 6);

В последнем примере глагол *съесть* имеет значение ‘известить, погубить’ (ср. выражение *поедом есть* в значении ‘мучить, изводить’).

Репрезентативные пары чаще всего образуют имена существительные. Примеров глагольных пар в текстах лоемских причитаний сравнительно немного: *помылась-попарилась*, *прошли-проехали*, *умылася-утёрлася*, *углядела-усмотрела*, *глядела-засмотрела*, *нажилась-наведалась* и некот. др. Можно указать обобщенную семантику конструкций, образуемых объединением глаголов: 1) глаголы, обозначающие действия, объединенные одной ситуацией (*помылась-попарилась*, *умылася-утёрлася*); 2) глаголы, обозначающие разного характера действия, объединенные семой ‘движение’ (*прошли-проехали*); 3) синонимичные глаголы (*углядела-усмотрела*).

Самой частотной по употреблению репрезентативной парой в рассмотренных нами текстах лоемских причитаний является репрезентативная пара *путь-дороженька* (9). Такая актуализация и устойчивость данной конструкции в тексте свадебных причитаний является неслучайной: свадебный обряд строится как переход из одного состояния в другое (невеста – жена), из своего в чужой мир (родимая сторона – чужая сторона). Поздняя фиксация текстов и «полуразрушенное» состояние традиции лишь подчеркивают значимость этого образа в виде репрезентативной пары: в памяти традиции остаются самые важные для выражения идеи элементы «культурного текста».

Б. Разновидностью сопряженных пар являются тавтологические сочетания слов. Такого рода сочетания однокоренных слов являются характерной особенностью фольклорной фразеологии.

В текстах лоемских причитаний обнаруживаются такие пары, как *плети-ко улётывай*; *думу сдумали*; *запоручена запорукима крепкима*; *чужой чуженин*; *ду-*

щицей да душистее; да как жила ты обживалася; роци нарощены, солода насолодены; млада-молода;

Гляди, да не разглядывай,

Да ты смотри, да не рассматривай (ФА СГУ: 1316 – 19) и др.

Повторы создают особую знаковую обрядового текста. С одной стороны, они придают стилистическую «необычность» (непрофанность) фольклорной речи, а с другой, выражают идею дискретности «своего» человеческого пространства (создается впечатление «расщепленного», разделенного на две лексемы корня) в отличие от неструктурированной природы «чужого» мира. Как известно, обрядовые фольклорные тексты были направлены не сколько на описание ситуации, сколько на создание знакового времени и пространства для успешного преобразования действительности. Вследствие этого в текстах использовались элементы, способствующие выразить эту знаковую.

3.2. Разновидностью фольклорной фразеологии можно считать *вертикальные конструкции*. Под «вертикальными конструкциями» понимаются устойчивые сочетания слов, расположенные в смежных стихах и связанные ассоциативными отношениями. Они представляют собой ряды двух и более слов одной части речи и одного семантического поля. А. Т. Хроленко называет такого рода конструкции «ассоциативными рядами» [7].

Наиболее представленным в лоемских свадебных причитаниях является ассоциативный ряд *батюшка – матушка* (13):

Да сверни-ко полотёнышко

*Со родимого-то *батюшки*,*

*Со родимой-то *матушки*.* (ФА СГУ 1316 – 19).

Данная вертикальная конструкция отличается функциональной широтой, позиционной свободой и неограниченной сочетаемостью. Можно обнаружить этот ассоциативный ряд практически в любой ситуации, описывающей взаимоотношения невесты с родителями: например, в ситуации обращения и просьбы:

*Вынеси-ко мне, *батюшко*,*

Вынеси-ко мне стакан зелена вина.

*Вынеси-ко мне-ко, *матушка*,*

Мне-ка пива-то пьяного. (ФА СГУ 1315 – 6);

в ситуации описания собственных действий:

Не водила худу славушку

*Ко родимому ко *батюшке*,*

*Ко родимой ко *матушке*,*

Ко прекрасному крылечуку. (ФА СГУ 1315 – 4) и т.п.

Данный ассоциативный ряд не ограничен местоположением в тексте. Он может находиться в зачине причитания:

*Лучился ли в тереме родимый мой *батюшка*,*

*Лучилась ли во высоком моя родимая *матушка*.* (ФА СГУ 1315 – 37),

находиться в центре текста:

Мой родимый ты *батюшко*,
Моя родимая ты *матушка*,
любы вам гостеньки
Откажи, родимый *батюшка*,
Ты чужому, ты чуженину. (ФА СыктГУ 1316 – 14),

и завершать его:

Ведь от мёртвого *батюшки*,
От мёртвой от *матушки*
Уж не будет благословеньича. (ФА СГУ 1316 – 19).

Довольно широко представлено ассоциативными рядами семантическое поле «части человеческого тела» в свадебных причитаниях Лоймы. Здесь можно назвать самыми частотными, а значит, устойчивыми ассоциативные ряды *ноги – руки, руки – голова, голова – сердце*.

Устойчивость ассоциативного ряда существительных *ноги – руки* поддерживается постоянной ассоциативной связью определяющих их эпитетов *резвый и белый*, вследствие этого можно сказать, что компонентами ряда являются не отдельные лексемы, а неделимые словосочетания с постоянным составом элементов:

Да *резвы ноженьки* подломчивы,
Да *белы рученьки* поносливы. (ФА СГУ 13111 – 22);
Дак на *резвы ножки* *обуточки*,
Дак на *белы ручки* *рукавочки*. (ФА СыктГУ 13123 – 6).

Довольно частотно сопряжение ассоциативных рядов *ноги – руки* с ассоциативным рядом *обуточки – рукавички – оболочка*. Тем самым образуется ряд с двумя рядами ассоциаций – части тела и облачение. Например:

Нашо милое ты дитятко,
Да ты не то бы лучше просила,
Дак на *резвы ножки* *обуточки*,
Дак на *белы ручки* *рукавочки*. (ФА СыктГУ 13123 – 6) или
Дак на *резвы ножки* *обуточки*,
Дак на *белы ручки* *рукавочки*,
Да на себя бы *оболочичку*. (ФА СыктГУ 13123 – 6).

Ассоциативный ряд *руки – голова* чаще всего встречается в текстах лоемских причитаний в описании ситуации, когда невеста уже просватана:

Задавала *руки* белые
Моя родимая *матушка*,
Запоручила *головушку*. (ФА СГУ 13111 – 20).

Ассоциативный ряд *голова – сердце* встречается в текстах причитаний села Лойма для изображения состояния невесты уже в качестве жены в будущем. Сближающую голову и сердце ассоциация поддерживается синонимичными эпитетами *поклонная* и *покорное*, которые актуализируют связь этих «частей тела»:

Да голова держать поклонная,
Ретивое *сердце* покорное. (ФА СГУ 13111 – 22).

Кроме того, ассоциативный ряд *голова – сердце* используется для характеристики состояния невесты в белой бане, места, где невеста символически «стирает» человеческие признаки, переходя на время в статус покойницы. Голова и сердце в данном случае становятся выразителем двух важных локусов тела, ответственных за интеллектуальные (разум – голова) и эмоциональные (чувства – сердце) функции:

Угорела *головушка*

Да призажало *сердечико*. (ФА СГУ 1315 – 6).

Важными для знаково-содержательной стороны лоемских свадебных причитаний являются ассоциативные ряды семантического поля «жилище»: элементы этого поля выражают идею локуса, отправной или финальной точки перемещения участников обрядовых действий. В качестве единиц этого поля выступают как наименования жилища (*дом, терем*), так и метонимические заместители жилища (*столб, крыльцо, кольцо*) Конструкция *дом – терем – крыльцо* передает обобщенное значение ‘место жительства родителей’:

Случилось младе-молоде

Да возле брателков *дом* идти,

Да возле батюшков высок *терем*,

Да возле маменькина *крылечико*. (ФА СГУ 1316 – 1).

В текстах лоемских причитаний мы находим два бинарных ряда: *дом – терем* и *терем – крыльцо*. Можно предположить, что они появились в результате упрощения трехкомпонентной структуры *дом – терем – крыльцо*, так как все эти конструкции встречаются в вариантах одного и того же текста:

Дак довелось младе-молоде

Дак мимо батюшков *дом* идти,

Дак мимо матушкин высок *терем*. (ФА СГУ 1312 – 6).

Возле тятинькин высок *терем-да*,

Возле маменькиного *крылечинька*. (ФА СГУ 13111 – 2).

Ассоциативный ряд *столб – кольцо* функционально однозначен и используется в ситуации «привязывают коня». Столб и кольцо в контексте причитания выражают идею конца пути, финальной точки перемещения участника обряда. Ассоциативная связь постоянных эпитетов *дубовый* и *злачёный* поддерживает устойчивость этой конструкции:

Привяжи коня ко *столбу* ко *дубовому*,

Ко *кольцу* ко *злачёному*. (ФА СГУ 1321 – 12).

Путь, который символически преодолевают участники обряда, это пути по пространству необжитого, иного мира. В народных представлениях он символически выражался в образах леса и моря. Поэтому не случайно эти слова оказываются сопряженными в пределах смежных стихов причитания. В лоемских причи-

таниях лексемы используются в связке с постоянными эпитетами, вследствие чего можно также говорить о сопряженности двух неделимых словосочетаний – *темный лес* и *сине море*:

Да мне твоё-то благословеньицо

Шибко нужно, шибко надобно.

Да из *темна* да *леса* выведет,

Да из *синя моря* да вынесет. (ФА СГУ 1316 – 20).

Ассоциативный ряд *сторона – семья* эксплицирует важную идею свадебного обряда: перемещение невесты не только в иной локус, но и в другую социальную среду – семью с иным укладом и чужими людьми. Ассоциативная связь лексем *сторона* и *семья* выражается единством эпитета *чужой*:

Дак на чужую-ту *сторонюшку*

Да во чужую его *семяюшку* (ФА СГУ: 1316 – 21).

В этой семье новые правила жизни, к которым надо приравниваться, соизмерять свои желания и чужие требования, что и выражается ассоциативным рядом *обжиться-примеряться*:

Да как жила ты *обживалася*,

К чужим людям *примерялася*. (ФА СГУ: 13111 – 22).

Чужой локус и чужая семья, по «логике» обряда наделяются признаками опасного и враждебного. Вследствие этого в ассоциативные ряды вступают лексемы с такой коннотацией *крапива – шипица*:

А вместо саду-то зелёного

Да посадил ты меня, батюшко,

Во *крапиву жгучую*

Да во *шипицу колючую*. (ФА СГУ 13111 – 37).

Помимо названных, в текстах лоемских причитаний обнаруживаются ассоциативные ряды с «предметным» значением: *ведёрышко – коромыслице*; *сдарыще – рукодельице*:

Да со своим да малым *сдарычком*,

Да со своим да *рукодельичом* (ФА СГУ: 1315 – 41);

Отправляют да младу-молоду

На Дунай на реку по воду

Без *дубовых* без *ведёрышок*,

Да без *кленово коромыслица*. (ФА СГУ 1318 – 24).

В последнем примере ассоциативная пара поддерживается «деревянными» эпитетами, подчеркивая единство образа.

3.3. Еще одной разновидностью фольклорной фразеологии являются линейно-вертикальные конструкции (блоки) — конструкции, которые состоят из определённого числа строк от одного до нескольких и включают в свой состав и линейные, и вертикальные конструкции.

Ассоциативные ряды существительных являются стержнем линейно-вертикальной конструкции – блока. Блоки могут использоваться как единичный ассоциативный ряд, так и два параллельных.

В текстах причитаний села Лойма блоком с единичным ассоциативным рядом является, например, фрагмент текста:

Дак довелоя младе-молоде

Дак мимо батюшков *дом* идти,

Дак мимо матушкин высок *терем*. (ФА СГУ 1312 – 6).

Вариативность данного блока достигается увеличением самого ряда:

Случилось младе-молоде

Да возле брателков *дом* идти,

Да возле батюшков высок *терем*,

Да возле маменькина *крылечико*. (ФА СГУ 1316 – 1).

Блок может строиться на основе двух параллельных ассоциативных рядов. Например, *голова – сердце* и *ноги – руки*; *батюшка – матушка* и *ведёрышко – коромыслице*; *ноги – руки* и *обуточки – рукавички*:

Да *голова* держать поклонная,

Ретивое *сердце* покорное,

Да резвы *ноженьки* подломчивы,

Да белы *рученьки* поносливы. (ФА СГУ 13111 – 22);

Мой родимой ты *батюшко*,

Дай кленово *коромыслице*.

Ты родимая *матушка*,

Дак дай дубовые *ведёрышка*. (ФА СГУ 13123 – 6).

Итак, рассмотрев фольклорную фразеологию в текстах причитаний, бытующих в фольклорной традиции села Лойма, можно сделать такие выводы. Поэтическая фольклорная фразеология, представленная в текстах лоемских причитаний, системна, что проявляется, прежде всего, в наличии трех основных типов фразеологизмов – биномов, ассоциативных рядов и блоков, – взаимосвязанных и взаимообусловленных отношением иерархичности: стержнем большинства блоков являются ассоциативные ряды, каждый из которых, как правило, представляет собой единство биномов.

Народнопоэтическая фразеология в рассмотренных текстах представлена несколькими группами: линейными конструкциями (репрезентативными и атрибутивными парами), вертикальными конструкциями (ассоциативными рядами) и линейно-вертикальными конструкциями (блоками на основе ассоциативных рядов существительных). Всего в 46 текстах лоемских причитаний нами выделено общее число фольклорных формул в количестве 68, в том числе 56 биномов (44 атрибутивных и 12 репрезентативных пар), 8 ассоциативных рядов и 4 блока.

В текстах лоемских причитаний можно заметить тенденцию к унификации определения. Так, часто встречаются сочетания с эпитетами *белый* (*руки, банюшка, невеста, деньки*); *родимый* (*батюшка, брателко, матушка, сестрица*) и *дубовый* (*ведро, стол, столб, скамейка, телега*).

В текстах лоемских причитаний можно отметить сравнительно небольшое количество примеров глагольных репрезентативных пар (напр., *прошли-проехали*). Имена существительные вступают в репрезентативные пары чаще, причем границы бинома могут расширяться посредством повторения предлогов (*на*), частиц (*не, да*), союзов (*да* в значении *и*) и других одинаковых элементов при каждом члене пары.

Ассоциативные ряды существительных, выявленные в текстах причитаний в лоемской фольклорной традиции, представляют собой устойчивые словесные комплексы. Устойчивость рядов существительных поддерживается постоянной ассоциативной связью определяющих их эпитетов, к примеру, *резвы ноженьки – белы рученьки; дубовый столб – злачёное кольцо; дубовые ведёрышки – кленово коромыслицо; темный лес – синее море*.

Линейно-вертикальные конструкции в фольклорных текстах строятся на основе ассоциативных рядов. В текстах лоемских причитаний блоки основаны как на единичных ассоциативных рядах, так и на двух параллельных, например, *голова – сердце и ноги – руки* и др.

**Указатель исполнителей и места хранения
в Фольклорном архиве СГУ им. Питирима Сорокина**

Шифр	Номер записи	Ф.И.О. исполнителя	Год записи
1315	6, 10	Смолева Евдокия Поликарповна	1990
1315	20, 21, 22, 24	Шехонина Екатерина Степановна	1990
1315	35, 37, 39, 41, 41а, 42	Иевлева Лидия Николаевна	1990
1316	1, 3, 5, 13, 14, 15, 19	Иевлева Лидия Николаевна	1990
1316	20, 21	Вылежанинова Лидия Васильевна	1990
1317	24, 26, 27	Макаровская МарияАлексеевна	1990
1318	2	Лобанова Александра Ильинична	1990
1318	24	Сюткина Анна Захаровна	1990
1321	10, 11, 12	Помысова Зинаида Павловна и Мокиева Ольга Александровна	1990
1321	31	Шумилова Татьяна Константиновна	1990
1322	1, 2, 3	Маркова Людмила Дмитриевна	1990
13111	2, 10, 11, 16, 18, 19, 20, 22, 36, 37	Помысова Зинаида Павловна	2002
13123	6, 13	Иевлева Лидия Николаевна	2002
13162	5	Куликова Лидия Егоровна	2002
13351	6, 13	Шехонина Анна Петровна	2009

***

1. Венгранович М. А. Экстралингвистическая обусловленность лингвостилевой специфики фольклорного текста. М., 2001.
2. Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1974.
3. Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
4. Жеребцов И. Л. Где ты живешь. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1994.
5. Оссовецкий И. А. Некоторые наблюдения над языком стихотворного фольклора // Очерки по стилистике художественной речи. М., 1979. С. 199–252.
6. Оссовецкий И. А. О языке русского традиционного фольклора // Вопросы языкознания. М., 1975. № 5. С. 66–77.
7. Хроленко А. Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. Воронеж: ВГУ, 1981.
8. Хроленко А. Т. Введение в лингвофольклористику: учебное пособие. М.: Флинта, Наука, 2010.
9. Шевченко Е. А. Отражение взаимодействия культур в структуре и семантике свадебного обряда (на материале лужской и прилужской традиций) // Слово и текст: история, культура, этнос: Сб. науч. тр. памяти Л. Я. Петровой. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2009. С. 229–237.

ЛИРИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ
В КНИГЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ «РЕМЕСЛО»

LYRICAL PLOT IN THE BOOK BY MARINA TSVETAEVA «CRAFT»

В статье прослеживается лирический сюжет, завязавшийся в поэзии Цветаевой летом 1921 года и продолжавшийся вплоть до ее отъезда из России весной 1922-го. В основе его лежит смысловое триединство: канун встречи с мужем С. Я. Эфроном, оказавшимся в эмиграции и тем самым предрешившим судьбу всей семьи, канун разлуки с Россией, канунное же прощание с молодостью. Сквозная линия этого сюжета пронизывает книгу «Ремесло». Показаны художественные средства осуществления почти эпического нарратива в лирическом дневнике, каковым Цветаева считала свою поэзию.

Ключевые слова: лирический сюжет, постепенность развития темы, книга стихов «Ремесло», «После России», канун 30-летия Цветаевой, канун эмиграции и встречи с мужем.

The article studies a lyrical theme, which originated in Tsvetaeva's poetry in the summer of 1921 and carried on up until her departure from Russia in the spring of 1922. At its core, there is a semantic trinity: the eve of reuniting with her husband S. Y. Efron, whose earlier immigration pre-determined the fate of his entire family; the eve of parting with Russia; and the eve of her saying farewell to her youth. This theme pierces through the book "Craft". The article shows the artistic methods of bringing to life an almost epic narrative in the lyrical diary, which is what Tsvetaeva considered her poetry to be.

Keywords: Lyrical theme, gradual development of a theme, book of poetry "Craft" ("Remeslo"), "After Russia" ("Posle Rossii"), the eve of Tsvetaeva's 30th birthday, the eve of immigration and reunion with the husband.

В апреле 1923 года Марина Цветаева написала Александру Бахраху благодарное письмо в ответ на его отзыв о книге «Ремесло», недавно изданной в Берлине. За что в первую очередь благодарила она критика? За то, что его «умному» перу открылось нечто главное: «У Вас редчайший подход между фотографией (всегда лживой!) и отвлеченностью. Вы берете то среднее, что и составляет сущность поэта: некую преображенную правду дней» [5, с. 558]. Поощряя адресата в его наблюдениях, Цветаева попутно дает здесь новую формулировку давней практике своего поэтического творчества. Ведь когда она говорит о «некой *преображенной правде дней*», то это всего лишь иначе названный лирический дневник, с декларации которого она начинала когда-то свой путь в поэзии. Его ли имел в виду Бахрах – другой вопрос. Он написал следующее: «В "Ремесле" пафос неосознанного сочетается с известной шероховатостью и недоделанностью всякого не-механического творения, творения подлинно и глубоко органического – пролившегося на страницы

с е б я; “я” доходящего до исступленных вещаний Сивиллы, до выкриков, до боли, до истерики» [1, с. 138].

Очевидно, что Цветаева дооформила его мысль – и весьма существенно. И совсем неслучайно придала ей (дооформленной!) такое большое значение, с отклика на нее и начав свой «сгоряча написанный» ответ критику: ведь именно в «Ремесле» лирический дневник начал обретать доселе не свойственные ему черты сквозной сюжетности, последовательного «повествования»; он стал «рассказывать» *биографию* души, равно не совпадающую ни с «фотографией» (лицом, которого, как считала, у поэта и вовсе нет – есть голос), ни с «отвлеченностью» – неким безразличным вместилищем образов времени и места. (Кстати, в тот же конверт было вложено еще одно письмо, где книга прозы «Земные Приметы», состоящая из записей пореволюционных 1917–1919 годов, была обозначена как «некий дневник души и глаз», то есть как противоположный «отвлеченности» полюс.)

Тяготение к почти эпическому нарративу, осуществляемому в лирике, стало еще ощутимее в книге «После России», которая писалась в ту пору, когда Цветаева вступила в переписку с А. Бахрахом. И несомненно, исходя из опыта одной завершенной, другой только еще рождающейся книги, Цветаева в ту же пору, в феврале 1923 года, писала Борису Пастернаку: «Лирические стихи (то, что называют) – отдельные мгновения *одного* движения: движения в прерывности. Помните, в детстве вертящиеся калейдоскопы? Или у Вас такого не было? Тот же жест, но чуть продвинутый: скажем – рука. Вправо, чуть правей, еще чуть и т.д. Когда вертись – движется. Лирика – это линия пунктиром, издалека – целая, черная, а взглядишь: сплошь прерывности между ..... точками – безвоздушное пространство: смерть <...> В книге (роман ли, поэма, *даже* статья!) этого нет, там свои законы. Книга пишущего не бросает, люди – судьбы – души, о которых пишешь, хотят *жить*, хотят дальше жить, с каждым днем пуше, кончать не хотят» [9, с. 40].

Она уговаривает Пастернака взяться за прозу, за ежедневное, подхваченное сюжетом, продолжающейся жизнью персонажей писание. О себе самой пишет Бахраху, что путь ее «из Лирики (почти музыки) – в Эпос». «Флейта, дав максимум, должна замолчать <...> Чем на тысячу голосов выразить одну душу, я буду одним голосом выразить тысячу чужих, из которых каждая – тоже одна!» [5, с. 628]. Со временем все это сбудется: и у Цветаевой, и у Пастернака случится свой роман с повествовательными жанрами, будь то поэмы, пьесы, художественная, мемуарная или автобиографическая проза.

Но в процитированном фрагменте письма Пастернаку есть и другой смысловой пласт, очень для нашей темы важный. По сути, Цветаева говорит о том, как трудно¹, вопреки дискретности лирического потока, прочертить линию *одного движения*, передать, сделать внятной непрерывность самой линии, продвижения по ней мысли, образа, сюжета, темы. Трудно, потому что форма (книга стихов) – «в отличие от романа, поэмы, *даже* статьи» – сопротивляется, и чтобы единство это не рассыпалось на драгоценные осколки, нужно поверх (и помимо) самостояния, завершенности отдельных стихотворений создавать опознаваемый контур соединяющего их лирического повествования. Другими, цветаевскими, словами, пун-

¹ Стоит вспомнить цветаевское: «У меня *трудно* рифмуется только с *чудно*» [7, с. 220].

ктир лирики должен в перспективе видеться как «целая, черная» линия. Достижению этого может способствовать циклизация стихов, особенности поэтического языка и композиции книги, непосредственное соударение и дальняя перекличка образов, строк, строф и стихотворений, а еще многое другое, что составляет тайнопись лирического дневника. О тайнописи («Умысел можно передать только тайнописью» [7, с. 298]) Цветаева говорила в связи с книгой «После России», а саму ее хотела назвать – «Умыслы». Или – «Игры слов и смыслов». Книга эта, в каноническом своем названии актуализировавшая *время* (не что и как, а *когда*), подхватила и пронесла через первые годы эмиграции (1922–1925) основной лирический сюжет, завязавшийся летом 1921 года на страницах «Ремесла», написанного еще в России, накануне отъезда – в «последней Москве».

Сюжет был напрямую связан с важнейшим событием в жизни Цветаевой: 1 июля она получила долгожданную весточку от мужа: Сергей Эфрон был жив и находился в Константинополе. Ему, белому офицеру, возвращение в Россию было заказано, следовательно, единственный путь к воссоединению семьи уводил Цветаеву в эмиграцию. Понадобился еще почти год, чтобы сделать отъезд возможным и реальным, и все это время разлука с Россией будет витать над стихами. Разлука с Россией и встреча с мужем – воином, героем, «кротчайшим», «тишайшим», «горчайшим» Георгием ее июньских стихов, обращенных к нему.

И вот в этом контексте в октябре, вскоре после дня рождения (Цветаевой исполнилось 29 лет), пишется трехчастный цикл «Хвала Афродите». Много позже, в 1940 году, готовя не изданный при ее жизни сборник, Цветаева не только включила в него этот цикл, но и дополнила его стихотворением «Блаженны дочерей твоих, Земля...», которое хронологически и тематически примыкало к циклу. Таким, из четырех частей состоящим, он воспроизводится в современном собрании сочинений [4, с. 62–63], и для понимания его связи с контекстом книги целесообразно именно таким его и воспринимать. Потому хотя бы, что по понятным причинам не сопровождаемый никаким посвящением, он – вместе с включенным в него четвертым стихотворением – высвечивает, тем не менее, подспудную адресацию мужу, которому в «Ремесле» к моменту написания «Хвалы Афродите» уже было посвящено три цикла.

Первый, «Разлука», был написан в мае – июне 1921 года, когда Цветаева, попросившая Илью Эренбурга во время поездки в Европу разыскать Сергея Эфрона, со всею – не будет преувеличением сказать – последней сосредоточенностью ждала от него вестей. Еще не дождавшись их, она с 26 июня начинает писать второй цикл – «Георгий». Между двумя этими циклами всего 9 дней перерыва и два стихотворения, причем одно из них («Вестник») обращено к Эренбургу. Седьмое стихотворение второго цикла оборвано на полуслове. После строки «Так слушай же!...» идет примечание автора: «Не dokonчено за письмом».

«Я живу верой в нашу встречу, – голосом С. Эфрона говорило это письмо. – Без Вас мне не будет жизни, живите! Я ничего от Вас не буду требовать – мне ничего и не нужно, кроме того, чтобы Вы были живы. Остальное – я это твердо знаю – будет <...> Наша встреча с Вами была величайшим чудом, и еще большим чудом будет наша встреча грядущая <...> Все годы нашей разлуки – каждый день, каж-

дый час – Вы были со мной, во мне. Но и это Вы, конечно, должны знать. Радость моя, за все это время ничего более страшного (а мне много страшного пришлось видеть), чем постоянная тревога за Вас, я не испытал. Теперь будет гораздо легче – в марте Вы были живы <...> Знайте <...> что я все свои силы приложу, чтобы остаться живым и знаю, что буду жив. Только сберегите Вы себя и Алю» [8, с. 287].

На следующий после получения письма день, 2 июля, Цветаева начинает писать третий цикл – «Благая весть»; вслед за ним в «Ремесле» идет стихотворение «Возвращение вождя», логически завершающее череду обращенных к мужу поэтических циклов.

О том, что «благая весть» последствием своим имела решение Цветаевой покинуть Россию ради чуда грядущей встречи с мужем, говорит зачин первого стихотворения цикла «Ханский полон» (18 сентября):

Ханский полон
Во сласть изведав,
Бью крылом
Богу побегов.

Тему подхватывает второе стихотворение (19 сентября), в частности, заключительная его строфа:

Камнем мне – Хан,
Ямой – Москва.
К ангелам в стан,
Матерь-верста!

А третьего октября написано отдельно стоящее, хронологически примыкающее к циклу стихотворение, не оставляющее сомнений насчет окончательности, безвозвратности «побега»: отъезд дается как некий рубеж, прошлое – как скинутая старая кожа Змея.

Чтоб уж и не было
Нам: вернись!
Чтобы ни следу
От старых риз!

Снашивай, сбрасывай
Старый день!
В ризнице нашей –
Семижды семь!

И вот сразу же за этими строками, в энергично-маршевой своей ритмике устремленными в новый – после России – день, идет, без какого-либо перерыва во времени, стихотворение, ретроспективно включенное Цветаевой в цикл «Хвала Афродите»:

Блаженны дочерей твоих, Земля,
Бросавшие для боя и для бега.
Блаженны в Елисейские поля
Вступившие, не обольстившись негой.
Там лавр растет, – жестоколист и трезв,

Лавр-летописец, горячитель боя.
– Содружества заоблачный отвес
Не променяю на юдоль любви.

Финальное двустишие, собственно, и вводит тему отречения от любви, тему разрыва со всемогущей богиней – основную тему цикла. А все предыдущие строки, прозрачно шифрующие «вождя», война Сергея Эфрона, так или иначе, а главное – не без парадоксальности, «датируют», чуть ли не мотивируют разрыв с Афродитой *кануном* встречи с мужем: в четырехчастном варианте цикл по-иному просто не прочитывается. В связи с чем Дж. Таубман справедливо, хоть и несколько смягченно, заметила: «Эти стихи – своеобразная психологическая подготовка к встрече с Сергеем Эфроном, отношение к которому определялось не столько страстью, сколько преданностью» [2, с. 187]. И далее в подтверждение сказанному привела фрагмент из письма Цветаевой (ноябрь 1921 года) к М. Волошину: «Собираюсь. Обещают. Это моя последняя ставка. Если мне еще хочется жить здесь (то есть на земле. – Т. Г.) то из-за Сережи и Али (домашнее имя старшей дочери Ариадны. – Т. Г.), я так знаю, что буду жить еще и еще. Но Сережу мне необходимо увидеть, просто войти, чтоб видел, чтоб видела. “Вместо сына”, – так я бы это назвала, иначе ничего не понятно» [5, с. 66].

Вместо сына... Помимо многопоследственности самого признания, здесь примечателен и его адресат: волошинский Коктебель был колыбелью любовного, а затем и брачного союза Цветаевой и Эфрона, к тому же Волошин и в предыдущие, и в последующие годы был конфиденнтом супругов, достаточно вспомнить исповедальное письмо к нему С. Эфрона, написанное в катастрофически кризисные для семьи дни конца 1923 – начала 1924 года. Заметим и запомним это признание Цветаевой, в такой адресации приобретающее особое значение и вес. Несмотря даже на то, что в других попутных лирике источниках оно не повторяется¹, чему, кроме исключительности адресата, могут быть и другие причины: от осени 1921-го сохранилось очень мало цветаевских писем (возможно, их и вообще мало было в те месяцы), а Записные книжки, за исключением одной берлинской записи 1922 года, молчат с марта 1921 года до весны 1923-го.

Делается ли что-нибудь от этого признания таким уж *понятным*? Если не искать в нем однозначности и простоты, то пожалуй что да. Особенно если сопоставить его с записью в Сводных тетрадах (они, по счастью, сохранили следы интере-

---

¹ В незавершенном, в цикл «Разлука» не включенном стихотворении «Твои .... черты» возникает, правда, образ сына, но написано оно *до* письма и «благой вести», и в нем моделируется ситуация не-встречи: его смерть – ее продолжающаяся жизнь; его теперь уже вечная молодость – ее постепенное старение:

Волос полуденная тень,
Склоненная к моим седидам...
Ровесник мой год в год, день в день,
Мне постепенно станешь сыном...

И хотя очевидно, что смысл образа здесь совершенно иной, нежели в ноябрьском письме, имея в виду магию поэтического слова, отнюдь не исключающую переосмысление и варьирование образа с последующим его перенесением в сферу не-поэтического словоупотребления, считаю все-таки упоминание этой строфы здесь нелишним.

сующего нас периода), относящейся, по-видимому, к началу августа того же 1921 года: «С ужасом думаю о притуплении чувства за последние годы, – не любовного (брезгую!) – *жалости*. Между мной 18 л. и мной 28 л. – бездна <...> Точно творческая сила (умение все проявить: уверенность со всем справиться) съела и это. Только сон (сновидение) возвращает. И С.» [7, с. 49]. В каком бы расширительном значении ни была здесь взята «жалость», воскрешаемая в душе сновидением и С. Эфроном, собственно любовного чувства она, по свидетельству самой Цветаевой, не охватывает.

Констатация чего возвращает нас к циклу «Хвала Афродите», где с мужем связан «*содружества* заоблачный отвес», противопоставленный к тому же «юдоли любви», а сама любовь (та, которую Цветаева называла «любовной любовью»), поставленная теперь в неразрешимый конфликт с верностью и преданностью, оказывается отвергнутой, отторгнутой: «Сластолюбивый роняю пояс, / Многолюбивый роняю мирт».

Разрыву с Афродитой находится, впрочем, во втором стихотворении новая мотивация:

Уже богов – не те уже щедроты
На берегах – не той уже реки.
В широкие закатные ворота
Венерины, летите, голубки!
Я ж на песках похолодевших лежа,
В день отойду, в котором нет числа...
Как змей на старую взирает кожу –
Я молодость свою переросла.

Последняя строка и открывающаяся через нее новая, имеющая быть продолженной тема привлекали, и не раз, внимание исследователей.

В. Швейцер, например, процитировав последнее двустишие, пишет: «Слишком много пережито, перечувствовано, выстрадано, чтобы жить по-прежнему». Другими словами, связывает поэтическую строку с биографическим наполнением (тяжелейшим!) предыдущих, пореволюционных лет. И – с перескоком к гораздо более позднему (февраль 1922-го!) стихотворению – продолжает: «Цветаева ощущает себя библейской дочерью Иаира – против собственной воли и естества воскрешенной Христом. Она как бы обречена на насильственную посмертную жизнь. Реальный возраст не имеет значения: юная дочь Иаира и древняя Сивилла протягивают друг другу руки в стихах Цветаевой» [11, с. 251 – 252].

И. Шевеленко, напротив, недоверчива к автобиографичности стихотворения. Она считает, что «любовная лирика на страницах «Ремесла» растворяется в метафизическом дискурсе», но что при этом «тексты философские <...> охотно “маскируются” ею (Цветаевой. – Т.Г.) под лирические медитации с биографическим подтекстом». И далее, приведя, как и мы, вторую часть цикла целиком, пишет: «Вольная вариация на тему Гераклита, открывающая стихотворение, имеет как будто только личный смысл и отсылает к некой возрастной реалии. Однако “молодость” – это еще и та “родовая” черта людей XVIII века, судьбы которых Цветаева лишь два года назад примеряла к себе. Отречение от этой “молодости” (себя

осуществлявшей через земную любовь) означает трансформацию более глубокую, чем возрастная, и с возрастом по существу вообще не связанную. Речь идет об изменении личности, об отказе от прежних моделей самоидентификации, тех, что связывались в 1919 году с именами Лозэна, Казановы или Стаховича» [12, с. 185].

Как видим, оба исследователя ищут поддержку сказанному в далеких по времени произведениях, пренебрегая при этом непосредственным окружением каждого стихотворения в книге, отчего совершенно выпадает из поля зрения как готовящийся отъезд из России, так и обусловившее необходимость отъезда стремление к встрече с мужем, то есть, так или иначе, игнорируют в *чередѣ стихотворений / разворачиваемый сквозной лирический сюжет*.

Вспомним, однако, письмо к Пастернаку: «Лирические стихи <...> – отдельные мгновения *одного* движения <...> Помните, в детстве вертящиеся калейдоскопы? <...> Тот же жест, но чуть продвинутый <...> Вправо, чуть правей, еще чуть и т.д. Когда вертишь – движется...» [9, с. 40]. И еще одно письмо тому же адресату, написанное Цветаевой много позже, в 1927 году – незадолго до выхода в свет «После России»: «Моя книга тебе многое объяснит – в постепенности» [9, с. 336].

Так вот, очевидная *постепенность* (и последовательность!) есть и в «Ремесле», а «Хвала Афродите» обозначает исток многопоследственной, не иссякающей на страницах «Ремесла», перешедшей в «После России» темы прощания с молодостью и любовностью. Полагаю поэтому, что хотя бы на лирическом пространстве этой темы стоит идти неспешно, пошагово («вправо, чуть правей, еще чуть и т. д.»), уважая хронологическую последовательность, по возможности вскрывая причинно-следственные связи (если можно так назвать движущую, продвигающую силу *постепенности* лирического дневника), и доверяться знакам межстихового притяжения больше, чем дальним ассоциациям.

Возвращаясь теперь к циклу «Хвала Афродите», заметим, что первый шаг к разлуке с молодостью, опосредованно – через отказ от любовности – связанный с грядущей встречей с мужем, связан также и с отъездом, «побегом» из России. *Поэтически* связан. Ибо расставание и с Россией, и с молодостью передано через один и тот же образ – сброшенной кожи змея.

В стихотворении, идущем непосредственно перед циклом в четырехчастном его варианте и в «сборнике 40-го года» получившем название «Змей» (3 октября), это звучит так:

Семеро, семеро
Слаблю дней!
Семь твоих шкур твоих
Слаблю, Змей!

Пустопорожня
Дань земле
Старая кожа
Лежит на пне.

И только потом, в финале: «Чтоб уж и не было / Нам: вернись! / Чтобы ни следу / От старых риз!».

А в «Хвале Афродите» (5 октября) – так:
Я ж на песках похолодевших лежа,
В день отойду, в котором нет числа...
Как змей на старую взирает кожу –
Я молодость свою переросла.

Меняется интонационный и ритмический рисунок, но образ остается прежний. С разницей в один день – тот самый день, когда было написано стихотворение «Блаженны дочерей твоих, Земля...», то есть когда произошла смена регистра внутри темы (да, отъезд и долгожданная встреча, но содружественная, а не любовная) – столь значимый образ возникает вторично.

Случайно ли? Или это означает, что молодость отождествляется с Россией и в России остается? Возможно, и так. Но с определенностью можно пока сказать лишь то, что Россия кровно как-то вовлечена в прощание с молодостью и что не один, а *два* кануна, на паритетных практически началах предшествуют строке «Я молодость свою переросла». И если связь с одним из них дополнительно высвечивается включением стихотворения «Блаженны дочерей твоих, Земля...» в цикл «Хвала Афродите», то связь с другим удостоверяется через повтор поэтического (на удивление пластического, зримого, запоминающегося) образа.

Здесь же, в этой узловых точке стыка двух циклов, надо увидеть и понять, что у всех трех действенных, векторных линий лирического сюжета – отъезд *из* России, устремление *к* мужу-воину, уход *от* молодости – на этом, начальном, его этапе один общий адрес, и адрес этот над-мирный, потусторонний. «Камнем – мне Хан, / Ямой – Москва. / К ангелам в стан, / Скатерть-верста!», – сказано в «Ханском полоне». А во втором цикле будут помянуты сначала Елисейские поля (кстати, если строка «к ангелам в стан» подразумевает стан защитников прежней, дореволюционной России, то и он теперь вынесен за пределы земного пространства), где как будто и произойдет встреча, а потом, уже совсем персонифицировано, Цветаева напишет: «Я ж на песках похолодевших лежа, / В день отойду, в котором нет числа».

Смерть – как постоянный фон и возможный итог ожидания вестей – многолико присутствовала в цикле «Разлука» и была там вполне мотивированна. Но почему после «благой вести» она, вместо того чтобы отступить, заняла новые, всю перспективу захватившие рубежи?

Три цветаевских письма помогают в этом разобраться.

Первое – Александру Бахраху (1923 г.): «У меня сейчас определенное чувство кануна – или конца. (Что, может быть – то же!)» [5, с. 606].

Второе – Юрию Иваску (1934 г.): «Родилась я *ровно в полночь с субботы на воскресенье* (26-го на 27-е) <...> Но я приобщила себя *субботе, кануну, концу*, – невольно, конечно, только сейчас, когда пишу, осознала» [6, с. 387]. Если в первом письме смысловое сближение кануна с концом делается в порядке настойчивого, но все же допущения, то здесь мы имеем простую, давно уже, похоже, внутренне мотивированную констатацию. Ведь «невольно», подсознательно Цветаева не только приобщила себя *субботе*, но и приравняла «канун» к «концу», увидела в кануне не *преддверие* (воскресенья), а *конец* (субботы). Другими словами, в каждом

жизненном пограничье (в данном случае – полночь), которое само по себе неотделимо от кануна, превалирует у Цветаевой чувство конца чего-то предыдущего, а не начала – последующего. При ее мироощущении тут и шага не остается до чувства смерти. Может, это связано с тем, что «канун», помимо общеупотребительного «перед чем-то», имеет согласно словарю Даля, еще и значение «вообще молебна и панихиды». Значение, которого Цветаева не могла не знать. Кстати, в одном из двух не завершенных и в цикл «Разлука» не включенных стихотворений есть такие строки: «Твои ..... черты, / Запечатленные Кануном. / Я буду стариться, а ты / Останешься таким же юным», где Канун – уже напрямую, без посредничества Конца – синонимичен Смерти.

Третье письмо – Пастернаку (1925 г.): «Сейчас словила себя на том, что вслух, одна в комнате, сказала – “Все мои – там”, как когда-то в Советской России о загранице. О, Борис, я всегда за границей, и там и здесь, мое здесь всегда изничтожается там (*тем* – Там!), но возвращаясь к возгласу, тому и этому: да, *мои* – подвига <вариант: солдата> во мне – мои! – были здесь, где я сейчас, а мои – поэта-меня – мои (а поэт – тоже солдат!) действительно там, где Вы сейчас» [9, с. 112–113]. Здесь очень важно заметить, что Цветаева возвращается мыслью именно к тем дням, когда устремлена была за границу – к мужу, то есть психологически воссоздает момент написания стихов «последней Москвы». И сразу же в письме, еще до возвращения «к возгласу тому и этому» возникает видение смерти, точнее, посмертья: «*того* – Там!». И хотя никак нельзя игнорировать существенный, в сторону уводящий нюанс («Я всегда за границей» и далее), но, по всей видимости, он есть все же нечто производное от смоделированной ретроспективно ситуации, в которой впервые было произнесено: «Все мои – там». По крайней мере, в рамках процитированного письма. Может быть и то, что само слово «граница», и особенно в сближении со словом «канун», вызывает у Цветаевой мгновенную ассоциацию с последней гранью.

С двух разных сторон, но в некотором единении, письма эти, как видим, так или иначе, высвечивают и до определенной степени объясняют, почему смерть не отступила после «благой вести», но напротив, так всевластна в стихах сентября – октября 1921 года, почему и в последующие месяцы, вплоть до отъезда из России в мае 1922-го, она не уйдет со страниц «Ремесла»: магия кануна – этого двуликого Януса – будет снова и снова выкликать ее и ею поверять неизбежное в тот цветаевский период чувство порубежья.

«Хвала Афродите» завершается, однако, не на миноре ухода: в ней прозвучат еще горькая ирония, и негодование, и вызов, и бунт, а заключительные строки последнего в цикле стихотворения (10 октября) в их перекличке со стихотворением, написанным на следующий день, лишний раз удостоверят в том, что не жизненная усталость приводит к отречению от «пеннорожденной» богини, а решительная смена ценностных ориентиров:

Бренная пена, морская соль...
В пене и в муке –
Повиноваться тебе доколь,
Камень безрукий?

Это финал «Афродиты». Далее Цветаева сразу же обращается к другой богине:

От гнева в печени, мечты во лбу
Богиня Верности, храни рабу.

Чугунным ободом скрепи ей грудь,
Богиня Верности, покровом будь.

<...>

Дабы могильного поверх горба:
«Единой Верности была раба!»

На раздорожии, ребром к столу,
Богиня Верности – распни рабу!

«Юдоль любви», «променянная» на верность рабыни, это, может быть, и логичное продолжение темы «заоблачного содружества», но, тем не менее, ошеломительно неожиданное в почти нарочитой сниженности и самоуничижительности. Откуда берется такая энергия, почти экстаз подчинения? Почему на откуп новой владычице отдается даже творчество? Своеобразным комментарием к стихотворению может послужить процитированное выше письмо Цветаевой из Чехии. Вот этот его фрагмент: «Да, *мои* – подвига <вариант солдата> во мне – мои! – были здесь, где я сейчас». Причем, преимущественно в варианте солдата. Вспоминаются и ее слова о присущем ей протестантском чувстве долга, и ее готовность к любой расплате за «благую весть» («Оглушена / Устрашена. / Что же взамен – / Вырвут?»), и слова Пастернака о том, что не надо так «заноситься в униженьи». Но с другой стороны – ведь та же Цветаева говорила: «Верность как самоборение мне не нужна (я как повод к прекрасному поступку). Верность как постоянство страсти мне непонятна, чужда. Верность и первая и вторая меня с человеком разводит» [9, с. 250]. Правда, говорила о верности – ей, и к тому же целую жизнь спустя – летом 1926 года...

В целом же, несколько перефразируя Цветаеву, стоит заметить, что даром таких стихов не пишут и таких чувств не чувствуют. И тех чувств, которые преобразуют Афродиту в Дьяволицу («В каждом цветке неповинном – твой / Лик, Дьяволица»), и тех, которые до деспотической доводят желанную власть второй Богини. А главное – взаимоисключительно противопоставляют «любовную любовь» и верность. Разговор об этих чувствах в той их форме, в какой они проявились в 1921 году, уводит в сферу семейно-супружеских отношений Цветаевой, чего нам хотелось бы избежать.

Вместо этого обратим внимание на то, что безоглядность, безвозвратность такой же силы, какой наделено обращение к богине Верности, всего неделю назад звучала уже – при прощании с Россией. Ведь по сути все призывы к богине сводятся к сказанному там: «Чтоб уж и не было / Нам: вернись! / Чтобы ни следу / От старых риз!». Та же окончательность разрыва, та же страсть, в него вложенная. Через это совпадение в *страсти* разрыва, в обоих случаях вопреки декларируемой решимости говорящей о том, как труден он для Цветаевой, Россия в третий уже раз

поэтически и в каком-то смысле отождествительно вовлекается в тему разрыва с молодостью и любовью. Впрочем, «труден» – это очень слабо сказано, о чем свидетельствует последнее в ареале цикла «Хвала Афродите» стихотворение, датированное тем же 11 октября:

С такую силой в подбородок руку
Вцепив, что судорогой вьется рот,
С такую силою поняв разлуку,
Что, кажется, и смерть не разведет –

Так знаменосец покидает знамя,
Так на помосте матерям: Пора!
Так в ночь глядит – последними глазами –
Наложница последнего царя.

Три метафоры смерти, помимо прямого ее упоминания в конце первой строфы, окружили принятое уже и теперь осознаваемое решение: две из них несут в себе смысл сверхчеловеческого самопреодоления, а третья прорисовывает абсолютно беззвездную перспективу. И хотя очевидно, что непосредственно речь здесь идет о разлуке с молодостью, но в свете замеченных выше знаков вовлеченности России в прощание с нею, небеспричинно может показаться, что ночь, в которую устремлены «последние глаза», это еще и будущее вне Родины. Такому прочтению не противоречит ни одним своим словом восьмистишие о разлуке, как будто специально написанное амбивалентно, то есть потенциально наделенное двойственной адресацией.

Здесь начинается собственно *разлука*, и она в отличие от кануна-конца, от разрыва-конца длительна. Об этом напоминает неслучайная, полагаю, смена совершенного вида глагольности на несовершенный: вторая строфа за счет глаголов («покидает», пропущенное, но очевидное – «говорят», «глядит») создает впечатление протяженности и как будто готовит почву для продолжения темы – в новом ее повороте.

Продолжение последует, однако, совсем не сразу, а после долгой и очень заметной паузы в двадцать пять дней. Особенно заметной и значительной на фоне интенсивности предыдущей недели (с 3 по 11 октября написано 7 стихотворений, причем дважды – 4 и 11 числа – в день писалось по два стихотворения) и первых после паузы трех дней, когда было написано пять стихотворений. Тема, таким образом, продвигается толчками, по слову Пастернака – «лирическими сгустками», и силы сцепления внутри этих периодов оказываются порой не меньшими, чем внутри поэтических циклов, то есть возникает дополнительная, двойная циклизация темы, создающая реальное подобие последовательного лирического повествования.

И 5 ноября начинается вторая его «глава». Начинается с прощального обращения к молодости:

Молодость моя! Моя чужая
Молодость! Мой сапожок непарный!

Воспаленные глаза сужая,
Так листок срывают календарный.

<...>

Скипетр тебе вернув до сроку –
Что уже душе до яств и брашна!
Молодость моя! Моя морока-
Молодость! Мой лоскуток кумашный!

Через день, 7 ноября, Цветаева снова обращается к ней:

Скоро уж из ласточек – в колдуньи!
Молодость! Простимся накануне...
Постоим с тобою на ветру!
Смуглая моя! Утешь сестру!

<...>

Неспроста руки твоей касаюсь,
Как с любовником с тобой прощаюсь.
Вырванная из грудных глубин –
Молодость моя! – Иди к другим!

Парность этих стихотворений вне сомнений, благодаря чему Цветаева при подготовке «сборника 1940-го года» имела легкую возможность объединить их в двухчастный цикл под названием «Молодость». И вслед за ним, нарушая хронологическую последовательность ради цельности цикла, поставила стихотворение «Муза», написанное 6 ноября, то есть между двумя частями «Молодости». Одновременно исключила из сборника стихотворение «Без самовластия...», написанное 7 ноября, в тот же день, что и вторая часть сформированного ретроспективно цикла. Посредством этих перестановок и усекований, продиктованных, видимо, и другим объемом сборника (из «Ремесла», в котором было 104 стихотворения, в него вошли только 37), и цензурными условиями Советской России, где предполагалось его издание и где не приветствовались «упаднические настроения», каковые могли быть усмотрены в стихотворении «Без самовластия...», Цветаева по-новому прочертила смысловую линию этого лирического периода. Теперь она должна была выглядеть так: два прощания с молодостью, а вслед за ними – уход Музы:

Ни грамот, ни праотцев,
Ни ясного сокола.
Идет-отрывается, –
Такая далекая!

<...>

Подол неподбранный,
Ошмёток оскаленный.
Не злая, не добрая,
А так себе: дальняя.

Не плачет, не сетует:
Рванул – так и милый!
Рукою обветренной
Дала – и забыла.

Забыла – и россыпью
Гортанною, клекотом...
– Храни ее, Господи,
Такую далекую!

По сравнению с «Ремеслом» линия стала, пожалуй, четче и для восприятия проще, но драматургия всего стихового периода в целом заметно обеднела, ибо затушевался немаловажный смысловой нюанс. Чтобы восстановить его, надо проследить, каким путем шла мысль Цветаевой в те ноябрьские дни 1921 года.

После стихотворения «Молодость моя! Моя чужая», где есть строка «Молодость моя – назад не кличу», констатирующая уже случившийся ее уход, и острой свежей раны (только сейчас разлучились) порожденный оксюморон («моя – чужая»), пишется «Муза», которая запечатляет уходящий шаг музы-молодости – «идет-отрывается, – такая далекая». Оксюморон – пусть не такой явный, пусть только в пространственном значении слова «далекая» проявленный, – оксюморон, я бы сказала, дочерний, производный от предыдущего, во всяком случае, к нему отсылающий и его дублирующий, есть и тут, ибо настоящее время глагола «отрывается» противоречит определению «далекая», «дальняя». При непосредственном соседстве подряд написанных стихотворений два оксюморона заметно резонируют, отчего становится очевидным, что Муза – это персонифицированная молодость, что Цветаева говорит не о двух прощаниях, а об одном – двойко показанном.

В «Ремесле» соседство это соблюдено. Чего там нет, так это второго стихотворения, датированного тем же 6 ноября, что и «Муза», но оставшегося незавершенным. Между тем оно уточняет картину, саму сцену расставания: оказывается, в этот момент из одной прощальной точки уходят – каждая в свои пределы – две женщины: муза-молодость, напутствуемая благословением («Храни ее, Господи, / Такую далекую!»), уходит от Цветаевой, а она, в свою очередь, пускается в путь, по-новому, по-особому одинокий, никогда еще неизведанный. Ей тоже нужно напутствие и нужна удача. По старинному поверью, молодой месяц, увиденный по правую руку, сулит идущему удачу. С него и начинается стихотворение:

Справа, справа – баран круторогий!
И сильны мои ноги.
Пожелайте мне доброй дороги,
Богини и боги!¹

Слажу, слажу с курчавой сестрою,
С корабельной сосною!

---

¹ Две последние строки этого четверостишия записаны в Сводных тетрадах [7, с. 61] сразу после перечня октябрьских стихов, составивших ареал «Хвалы Афродите», так что не исключено, что замысел именно тогда и возник, а к его реализации Цветаеву подтолкнуло написанная в ноябре «Муза».

Вся поклажа – брусок со струною,
Ничего – за спиною!

Ни закона, ни , ни дома,
Ни отцовского грома,
Ни товарища нежной истомы, –
Все сгорело соломой!

Пожелайте мне смуглого цвета
И попутного ветра!

– в Лету,

Без особой приметы!

Драматизма, остроты переживания момента стихотворение это в сюжет прощания не вносит. Лета в его конце – простая дань реализму: перешагнувший черту молодости острее чувствует приближение к ней. Даже если впереди еще немалый путь и сил у идущего (плывущего?) еще много. На что, кроме самой дороги, будут они истрачены, сказано лаконично («брусок за спиною» – лира) и почти дежурно¹; тому, без чего остался идущий и его лира, посвящена целая строфа – подробно перечислительная и нежелательно тавтологичная: в ареале цикла «Хвала Афродите» все это, так или иначе, было уже сказано, и сказано несравненно сильнее. В целом стихотворение не удалось – и само по себе, и тем более как парное с «Музой».

Отказавшись от него, от самой идеи парности Цветаева, однако, не отказалась. Даже напротив. На следующий день, вернувшись сперва еще раз к собственно прощанию («Скоро уж из ласточек – в колдуньи!») и создав пару стихотворению «Молодость моя...», она написала следом стихотворение «Без самовластия...», где вне всякой конкретики (дорога, ее творческое наполнение, навсегда покинутое – сгоревшее), на одном только лирическом дыхании дала себя *после* музыки-молодости. И при этом в новом варианте сохранила от первой попытки лишь самое, надо полагать, для ее замысла главное – стражем стоящую в финале стихотворения, да и всего стихового периода, смерть.

Без самовластия,
С полною кротостью.
Легкий и ласковый
Воздух над пропастью.

Выросший сразу,
– Молнией – в срок –
Как по приказу
Будет цветок.

---

¹ Во исправление чего, быть может, и было написано в первых числах декабря стихотворение «Не для льстивых этих риз, лживых ряс» с лейтмотивной строкой «Лира, лира, лебединый загиб» и со смысловым центром в двестишии «С лавром, с зорями, с ветрами союз, / Не монашествую я – веселюсь!». Стихотворение, которое напрямую корреспондирует с «Хвалой Афродите». Симптоматично, однако, что Цветаева не включила его в «Ремесло»: внутри книги прочерчивалась совсем иная перспектива темы.

Змееволосый,
Звездочитый...
Не смертоносный, –
Сам без защиты!

Он ли мне? Я – ему?
Знаю: польщусь...
Знаю: нечаянно
В смерть оступлюсь...

Результативно в «Ремесле» выстроилась такая, хронологию сохраняющая, последовательность:

1. первое прощание с Молодостью – «Молодость моя! Моя чужая»
2. уход – «Муза»
3. второе прощание с молодостью – «Скоро уж из ласточек – в колдуньи»
4. уход – «Без самовластия...»

То есть две пары образовали некое подобие четверостишия с перекрестной рифмовкой. И с возвратностью первой прощальной волны в исходную точку, ибо две женщины, две «сестры», как и должно быть при прощании, в стихотворении «Скоро уж из ласточек – в колдуньи» все еще вместе («Постоим с тобою на ветру! /Смуглая моя! Утешь сестру!»). А поскольку оно заканчивается строкой «Молодость моя! – Иди к другим!», тем самым как бы запрашивая после себя сказанное в «Музе» («Идет-отрывается, – / Такая далекая!»), между тем как после него идет стихотворение «Без самовластия», то создается полная иллюзия одновременности двух уходов: простились и в разные стороны *разошлись*.

О том, что стихи эти, написанные 5 – 7 ноября, Цветаева задумывала и давала как четырехчастное единство, дополнительно свидетельствует запись в Сводных тетрадах, где после проставленной даты идет их перечисление единым списком, в котором (что очень примечательно!) пропущено, кстати, незавершенное стихотворение «Справа, справа...» (6 ноября). Впрочем, точнее все же будет сказать – не сплошным списком, а в *парной сгруппированности*.

Вот как это выглядит в цветаевской записи:

«(Стихи: Молодость – Муза (Ни грамот ни праотцев)
Вариант: Чем ближе – тем призрачней,
А рядом – как за морем!

Скоро уж из ласточек в колдуньи – Без самовластия, с полной кротостью.)» [7, с. 62].

Заметим: «Муза» на тот момент тоже не завершена – иначе не приводился бы неиспользованный в каноническом тексте вариант. И однако она занимает свое, по-видимому, неоспоримое место в первой паре. Далее: в обеих парах на первом месте стоит стихотворение из сформированного позже цикла «Молодость», то есть парным каждому прощанию с ней, как некий постскрипtum, становится взгляд в будущее – свое и ушедшей юной Музы. А в целом получается драматургически, пошагово решенная сцена расставания.

Именно такая картина расставания отвечала теперь замыслу Цветаевой. От первоначального варианта ее отличает, однако, то, что второго ухода – как противонаправленной первому дороге – в окончательной редакции «лирического ступенька», строго говоря, нет. Его заменило обозначение точки нахождения в момент расставания («над пропастью») и один оступительный, в смерть ведущий шаг.

И еще добавилась некая временная мета, этому шагу приданная, – «в срок». Судя по тому, что из четырех стихотворений три (кроме «Музы», что само по себе и понятно, и симптоматично), так или иначе, помечены ею, она была чрезвычайно для Цветаевой важна и появилась в финале как еще один связующий, смыслообразующий знак.

Сначала было сказано: «Скипетр тебе вернув *до сроку*»; следом – «Молодость! Простимся *накануне*...»; и наконец: «Выросший сразу, / Молнией – *в срок* – / Как по приказу / Будет цветок». Добавим: тот самый цветок, который заставит оступиться в смерть. В этой чередности есть постепенное, при сопоставлении очевидное приращивание смысла. Отдельно взятое «*до сроку*» может означать (обычно это и означает) – преждевременно, в свете последующего «*накануне*» и вместе с ним оно уже определенно предполагает некий момент в будущем (*накануне чего-то*), наконец финальное «*в срок*» конкретизирует этот момент, приравнивая его к последнему сроку.

На первый взгляд может показаться, что здесь повторяется схема, уже знакомая по стихам, составившим ареал «Хвалы Афродите»: канун – конец – смерть. Однако это не совсем так; верным при ближайшем рассмотрении оказывается лишь то, что ноябрьские стихи к двум уже известным канунам прощания с молодостью и любовью (встреча с мужем и отъезд из России) добавили третий.

Но какой? И по каким внутренним законам добавленный?

Ответить помогает запись, сделанная в то же примерно время (Сводные тетради, к сожалению, не всегда позволяют определить точную дату), где-то между октябрьской и ноябрьской цепочками стихов. Запись, которая предлагает еще одну схожую временную мету, а главное – состоит в прямой связи со стихами и напрямую вводит в контекст темы возраст Цветаевой:

«Всё раньше всех: Революцией увлекалась 13ти л., Бальмонту подражала 14ти лет, книгу издала 17ти л.

– и теперь – 29 л. – (только что исполнилось!) окончательно распростилась с молодостью» [7, с. 61].

Полагаю, самое время вспомнить, что «Хвала Афродите» начата буквально через неделю после дня рождения. И все сказанное в ней и в «Молодости», говорится женщиной, достигшей *кануна своего тридцатилетия*.

То, что оно Цветаевой безразлично, явствует из тетрадной записи – иначе не было бы резона обозначать (к тому же с восклицательным уточнением) нынешний возраст и заводить речь о «раньше всех». Ибо это «раньше всех», в отличие от «до сроку» и «накануне», во-первых, в будущее не устремлено, а во-вторых, не имеет по сути отношения к внутреннему самоощущению Цветаевой; оно лишь недвусмысленно отсылает к общепризнанному пределу женской молодости.

О том, что приближение к этому пределу всерьез переживается Цветаевой, говорят – вопреки антуражной их беззаботности – ноябрьские стихи, где происходит *канунное* прощание и где обозначается *близкий* «срок» («*Скоро уж из ласточек – в колдуньи*»), некий рубежный час, а поскольку это «час» тридцатилетия, то и вполне конкретная дата. Вещь, для *лирического* дневника совсем нехарактерная. И, как окажется, ко многому обязывающая. Ибо дневник жизненный со всею доступной ему правдивостью может осенью 1921 года утверждать: «окончательно простилась с молодостью» – и тему эту закрыть, лирический же дневник, ведомый совсем иными законами и наполняемый иным все же содержанием, будет длиться, в том числе и средствами поэтической речи, тему прощания без малого еще целый год – вплоть до 8 октября 1922-го.

Тем и отличается третий канун от двух других, что он несет в себе не только приуроченность и устремленность к определенному событию, но и изначальное знание – с точностью до дня – положенного ему срока. Он с момента осознания (пришедшего, по стихам судя, в октябре-ноябре) наделен «*магией* срока» – неотменимого и никак от волевых решений не зависящего. И уже по одному этому в союзе трех канунов ему должно было бы принадлежать лирическое первенство. А тут еще в реальности дней получилось так, что отъезд из России (май 1922-го) и встреча с мужем (июнь 1922-го) опередили юбилейную дату, а следовательно и стихи, посвященные им, иссякли раньше, оставив длящейся теме прощания с молодостью и любовью более четырех месяцев автономного, только в себя самой вслушивающегося звучания.

Борис Пастернак однажды написал Цветаевой: «Как удивительно, что ты – женщина. При твоём таланте это ведь такая случайность!» [9, 152]. В области случайного лежит и то, что канун тридцатилетия Цветаевой совпал с двумя жизненно важными для нее событиями и, усиленный, обостренный ими до предела, оставил в русской поэзии неподражаемый след в развернутости показанного отрешения от женской молодости. Точнее – отречения...

Ибо нельзя не заметить, как мгновенно соотносится у Цветаевой только что осознанная («С такою силою поняв разлуку...») потеря с судьбой поэта-женщины, («На раздорожии, ребром к столу, / Богиня Верности – распни рабу!»), *не-молодость* которой так рано приводит не к творческому только (как в цикле «Ученик»), но и к аскетическому (разрыв с Афродитой) одиночеству.

Двумя годами позже о жизни без любви Цветаева скажет: «Итак, другая жизнь: в творчестве. Холодная, бесплодная, безличная, отрешенная, – жизнь 80летнего Гёте» [7, с. 271]. А пока, в ноябре 1921-го, она, благословив легкий «уходящий шаг» молодой своей Музы (читай: молодой – себя), оплатит несовпадение человеческих и творческих императивов («Так плыли: голова и лира») и в стихотворении, позднее получившем название «Амазонки», памятно кивнет чуть ли не самому сильному увлечению своей юности – «Я думаю о тех... / Об одногрудых тех, – подругах тех!..».

А в декабре наметится новый, вполне, впрочем, при цветаевской склонности к про- и до-говариванию мысли прогнозируемый поворот темы: что же придет на смену плотской, теперь уже «неможной» любви?

Над синеморскою лоханью –
Воинствующий взлет.
Божественное задыханье
Дружб отроческих – вот!

Гадательные диалоги
Воскрылья с плечом.
Объятие, когда руки и ноги
И тело – ни при чем.

<...>

И пропастью в груди (что нужды
В сем: косное грудь в грудь?)
Архангельской двуострой дружбы
Обморочная круть.

Это пока только декларация – со свойственной ей романтической приподнятостью. Куда реалистичнее тот же мотив прозвучит в январском стихотворении – не завершеном, правда, и в «Ремесло» не включенном:

По-небывалому:
В первый раз!
Не целовала
И не клялась.

По-небывалому:
Дар и милость.
Не отстраняла
И не клонилась.

А у протаянного окна –
Это другая была –
Она.
<...>

Если и строила –
Дом тот сломлен.
С этой другою
Родства не помню.

.....
.....

Не окликай меня, –
Безоглядна.

Замечательно, что лирика сама помнит и нам напоминает об осенних решениях и об их необратимости. Теперешняя образность воскрешает прежние стихи (взять хотя бы надвое разделившееся авторское «я», восходящее к ноябрьско-

му «лирическому сгустку») и одновременно готовит почву для следующих в тематической цепочке: так, первая оценка собственного преображения, данная в строке «дар и милость», довольно скоро даст о себе знать – в дословном практически повторении.

Похоже, что теперь, когда лирический дневник не так сосредоточен на разлуке с молодостью и любовью, как это было осенью (с его станиц звучат обращения к недавно ушедшему А. Блоку, к А. Ахматовой, к Москве, снова и снова к Сергею Эфрону, к самой идее Добровольчества), Цветаева как будто специально оставляет сигнальные флажки, по которым возможно будет собрать в прерывистости разворачиваемую тему. И силу поэтическую как будто бы копит, чтобы одарить ею одно из общепризнанных своих шедевров – стихотворение, посвященное Алексею Чаброву, – с которым в последние московские месяцы Цветаева дружила и который был единственным человеком, провожавшим ее на вокзале в мае 1922 года, когда она с дочерью отправлялась в эмиграцию:

Не ревновать и не клясть,
В грудь призывая – все стрелы!
Дружба! – Последняя страсть
Недосожженного тела.
В сердце, где белая даль,
Гладь – равноденствие – ближний,
Смертолюбивую сталь
Переворачивать трижды.

Знать: не бывать и не быть!
В зоркости самоуправной
Как черепицами крыть
Молниеоую правду.

Рук непреложную рознь
Блюсть, костenea от гнева.
– Дружба! – Последняя кознь
Недоказненного чрева.

Написано оно 8 января 1922 года. И в нем, равно как в предыдущих двух стихотворениях, мысль «додумывается» до конца: на смену любви, «безоглядно» отринутой во имя «заоблачного содружества» (на него, кстати, недвусмысленно намекает первое двустипхиe второй строфы), приходит помеченная всей нерастраченной страстью дружба – *ее* «божественное задыханье», *ее* «обморочная круть». Дружба, понимаемая в нынешнем контексте, как «последняя страсть недосожженного тела», «последняя кознь недоказненного чрева». Теперь, казалось бы, все сказано.

Но Цветаевой так не показалось. И она сделала в феврале-марте две последовательные попытки «неможной любви»: сначала в цикле «Дочь Иаира» попыталась представить, чем обернулась бы она здесь – в земных пределах, потом, в поэме «Молодец», решительно вынесла любовь, воссоединение любовников, за пре-

дела земного существования. И получилось, что соотносятся эти две любви с точностью так же, как «лед и пламень».

Удивительно, но, судя по исследовательским реакциям, далеко не всем очевидна генетическая связь двух этих «попыток» с делящейся темой прощания с любовью. Между тем первое стихотворение двухчастного цикла «Дочь Иаира», исполняющее роль установочного пролога к собственно библейскому сюжету и его авторской трансформации, напрямую, по нашему убеждению, которое нетрудно будет обосновать после всего прослеженного выше, отсылает к стиховой цепочке, начавшейся в первых числах октября.

Вот оно:

Мимо иди!
Это великая милость.
Дочь Иаира простилась
С куклой (с любовником!) и с красотой.
Этот просторный покров
Юным к лицу.

Первые четыре строки, состоящие из трех предложений, представляют собой лапидарно исполненный «рассказ» о том, что же случилось с цветаевской героиней, то есть, что именно, пережитое ею, будет уподоблено потом, во втором стихотворении цикла, смерти библейской дочери Иаира.

Три предложения – три автореминисценции.

Этими отсылками к предыдущему лапидарность по сути и объясняется, и в достаточной мере преодолевается. Ибо строка «Мимо иди!», будучи смысловой вариацией ранее сказанного «Не окликай (меня)», актуализирует январское стихотворение и вовлекает его в новый контекст. Тем более что и вторая строка («Это великая милость») с ним перекликается – «По-небывалому: / Дар и милость». Причем тогда, в январе, «дар и милость», были дважды разъяснены: «Не целовала / И не клялась», «Не отстраняла / И не клонилась». То есть «в первый раз» в любовную любовь не вовлекалась. И теперь это уже навсегда, в чем, помимо прочего (см. выше), не оставляет сомнений последняя строка, из одного слова состоящая, – «Безоглядна». Как, впрочем, и строка из второго январского стихотворения: «Знать: не бывать и не быть!».

Даже первого двестишестидесяти «Дочери Иаира» – при параллельном чтении – могло бы хватить, чтобы стал ясен смысл преамбулы: *цветаевская* героиня умерла *для любви*. Но ни один поэт не рассчитывает, разумеется, на столь изощренную читательскую пытливость, тем более что вытягивая и для лирического сюжета, он не лишает каждое отдельное стихотворение завершенности и внятности. «Дочь Иаира» не составляет исключения. Поэтому в следующем предложении-двестишестидесяти практически открытым текстом говорится, с чем же она навеки уже разлучена: «Дочь Иаира простилась / С куклой (с любовником!) и с красотой».

«Кукла» – это очевидная дань полудетскому возрасту библейской героини – воскрешенной Христом девочке было лет двенадцать. Этот именно знак возраста выбран, вероятно, постольку, поскольку он порождает некую ассоциативную це-

почку (кукла – игрушка – забава – игра – услада), последние звенья которой относимы и к «любовнику», – знаку совсем другого возраста. Заключенный в скобки, «любовник» становится «взрослым» эквивалентом «куклы». Дополнительно выделенный восклицательным знаком, он говорит о том, что именно здесь, в этой скобке, надо искать смысловой код всего цикла. И чтоб не оставалось никаких вообще сомнений в связи «Дочери Иаира» с темой отвергнутой Афродиты, Цветаева еще раз прибегает к автореминисценции: третье предложение преамбулы отсылает нас к ноябрьскому стихотворению «Скоро уж из ласточек – в колдуньи!», и в частности к сказанному там в прямом обращении к молодости – «Неспроста руки твоей касаюсь, / Как с любовником с тобой прощаюсь». Как видим, в полном согласии с календарным временем изменилось и грамматическое: «прощаюсь» превратилось в «простилась». А смысл остался прежний.

Итак, *цветаевская* дочь Иаира простилась с любовностью, умерла для любви. Предваренное такой преамбулой воскрешение, совершенное Христом и отнюдь не желанное для «девицы» («Душе вопреки»), прочитывается не иначе как возврат (ее волю никак не учитывающий) в сферу любовности, представленную во второй части цикла много- и разнообразно: тут и юные «плавные сестры», и белый наряд, и «приветственный хор», и «свадебная лавина», и «роза», и «гроздь», и, разумеется, «любовник»... Но –

Но между любовником
И ею – как занавес
Посмертная сквозь.

Это заключительная строфа всего цикла. И в комментариях она не нуждается. Ибо и без них очевидно, что опыт с воскрешением не удался: живая искра любви, несмотря на соблюдение и даже форсированность внешнего антуража молодости, так и не высклалась.

Но вот о чем сказать стоит: «любовник», снова появившийся в конце цикла – во втором стихотворении, где развернут сюжет собственно библейской притчи с доподлинным воскрешением, – возвращает нас к прологу, побуждает перечитать его и понять, что в финале Цветаева повторно подтверждает посыл пролога и до полной ясности доводит сквозную иносказательность своего обращения к притче об умершей и возвращенной к жизни девочке.

Сквозную, но, возможно, не однонаправленную. Ибо в иносказательном плане цикла не исключена, пожалуй, еще и тема близящейся встречи с мужем. На эту безрадостную мысль наводит цветаевская запись тех дней: «Как бы с превращением разделяющих наши тела верст – в вершки, вершки, разделяющие наши души, не превратились бы в версты!» [7, с. 73]. Ни имени, ни инициала нет. Так что речь может идти только о предположении. Но о ком другом могло быть это написано в начале 1922 года? И почему через десять лет было это переписано, как нечто существенное и памяти достойное, в Сводные тетради? И в них – заметим это – она непосредственно предшествует записи о «Дочери Иаира»:

«(Пиша Дочь Иаира:)

Бледность можно толковать как отсутствие краски, можно – как присутствие белизны, серизны.

Итак: отсутствие, доведенное до крайности, есть присутствие.

Итак: смертная бледность, очевидно, румянец иной жизни» [7, с. 73–74].

И тут возникает еще один вопрос: не ставит ли эта запись под сомнение саму иносказательность цикла? Ведь Цветаева думает и говорит в ней как будто о смерти настоящей, а не фигуральной. Как это надо понимать? И нет ли здесь противоречия?

Но, во-первых, не бывает удачного *иносказания* без правдивости самого «сказания» – сказа, рассказа, составляющего основу последующей трансформации. В этом отношении Цветаева, «пища Дочь Иаира», не могла не думать о смерти и не видеть воочию «смертную бледность».

Во-вторых, не стоит забывать о том, что при самом зарождении темы прощания с любовью смерть выкликалась Цветаевой, и не единожды. Метафора смерти будет, кстати, сопровождать разлуку с молодостью до самого конца, до дня тридцатилетия, то есть до 8 октября 1922 года. И приведенная запись станет, пожалуй, исходной точкой в резкой смене цветовой гаммы, которая произойдет в более поздних стихах и будет только нарастать по мере приближения к рубежному сроку.

Наконец, последнее: «Дочь Иаира» датирована 3 – 4 февраля, запись сделана тогда же, а еще в эти два дня было написано стихотворение, подхватившее не столько даже тему (хотя и ее тоже) цикла, сколько его эмоцию, и в нем вне логики и сюжетности, но с очень красноречивым возвратом к открытому авторскому «я» – в едином аккорде слились мотивы молодости, любви, смерти, «серебряного загара» и... покидаемой России:

На пушок девичий, нежный –
Смерть серебряным загаром.
Тайная любовь промежду
Рукописью – и пожаром.

Рукопись – пожару хочет,
Девственность – базару хочет,
Мраморность – загару хочет,
Молодость – удару хочет!

Смерть, хватай меня за косы!
Подкоси румянец русый!
Татарве моей раскосой
В ножки да не поклонюся!

– Русь!!!

Таким вот неожиданным возвратом к мотивам «Ханского полона», который предшествовал «Хвале Афродите» и до определенной степени срастался с нею, Цветаева, напомнив тем самым исток темы прощания и отречения во имя встречи, завершит ее в «Ремесле»: в оставшиеся дни февраля и в марте в стихах она о себе больше не напомнит. Однако первое же берлинское стихотворение, которое откоро-

ет следующую книгу («После России») в июне 1922-го, продолжит тему и сделает это так, как будто и не заметит четырехмесячного перерыва.

Стоит, однако, хотя бы вкратце сказать о разных толкованиях «Дочери Иаира», общей чертой которых является рассмотрение цикла вне контекста лирического дневника.

Комментарий Т. Горьковой отсылает сначала к стихотворению 1917 года «И сказал господь...», в котором Цветаева впервые обратилась к этому библейскому сюжету, а затем, уже в связи с первым стихотворением цикла, и в частности со строчками «Дочь Иаира простилась / С куклой (с любовником!) и с красотой», пояснительно пишет: «Мотив отречения, характерный для поэзии Цветаевой 20-х годов (ср. поэму “На красном коне”» [10, 805]. В комментарии первая отсылка вполне уместна, и не так важно, что она совершает большой перескок во времени: читателю стоит, разумеется, оглянуться на то давнее стихотворение и увидеть всю разницу с теперешним. Ко второй претензий тоже в общем-то нет, хотя «поэзия Цветаевой 20-х» – это такой большой массив, что в нем отсылка теряется, становится практически безадресной. Правда, из этого массива выбрана комментатором поэма «На красном коне» (самое начало 1921 года) и предложена для сравнения. То есть, надо полагать, поэма должна приблизить к пониманию «Дочери Иаира». В поэме, действительно, есть трехступенчатое отречение:

1. «Девочка – без – куклы»,
2. «Девушка – без – друга»,
3. «Женщина – без – чрева».

А еще там есть всадник («Мой Гений!» – будет сказано о нем в финале), всякий раз требовательно побуждающий отречься (от куклы, от друга, от сына) – чтобы освободить Любовь от всего земного и всю ее, познавшую горечь страшных утрат, отдать творчеству. А еще там есть бой героини с всадником и их «страшный», теперь уже нерасторжимый «союз». А чего там нет, так это ухода героини в потусторонний мир – он только чается ей где-то впереди.

Что может дать нам сравнение? Во-первых, оно покажет, что никакой ступенчатости отречения в «Дочери Иаира» нет, ибо «кукла» и «любовник» идут не через запятую, то есть не перечислительно, а отождествительно. Другими словами, только о «любовнике», *о любви* там речь. Нет там и побудителя к отречению. И никаким, даже самым трудноуследимым намеком не сказано там о творчестве, которым обусловлен весь пафос и весь образный строй поэмы. Так что, пожалуй, придется признать, что комментатор, принимая внешние признаки (в цикле «кукла» и в поэме «кукла», в цикле «любовник», в поэме хоть и «друг», но тоже как будто «любовник») за существо дела, наводит на ложный след.

И. Шевеленко он ложным, однако, не кажется. Потому что она вопреки очевидности «вчитывает» тему творчества в «Дочь Иаира». И делает это легко, ибо загодя, в контексте разговора о цикле «Разлука» и поэме «На красном коне», была ею подготовлена некая универсальная формулировка, согласно которой «новая “визитная карточка” Цветаевой в поэзии гласила»: «“отказ” от земли не выбор человека, но выражение сущности поэта» [12, с. 188]. Имея такой универсальный мандат, можно уже не затрудняться анализом произведения, а тем более – подступов к нему. Если

есть в нем «отказ от земли», можно сразу приступить к выводам. Таким, например: «Разорванность между внеземным (внеисторическим) миром духовного бытия и земным пространством физического существования – это ключевой конфликт судьбы поэта как она понята Цветаевой в начале 1920-х годов. В то же время творчество, т.е. акт подчинения поэта ведущей его силе, уже само по себе является актом освобождения от земли, и потому каждый возврат из “творчества” в “жизнь” – это возврат из одного мира в другой. В этом смысле “Дочь Иаира” – это рассказ о драме такого возврата, о повторяющемся событии в земной биографии поэта» [12, с. 235].

Читая исследовательские тексты, порой трудно бывает поверить, что это сказано о стихах. А если все же о них, то может быть, пародийно? Потому что иначе, как пародию, ежедневное прокручивание сюжета «Дочери Иаира» «в земной биографии поэта» воспринять просто не удастся. А ведь то же самое Шевеленко говорит и о поэме «Мблodeц», в которой тоже есть «уход» («В огонь синь»), и следовательно нельзя исключить возможность, что она тоже «о многократно повторяющемся в его (поэта. – Т.Г.) жизни цикле творчества» [12, с. 235].

Как же, однако, однообразно мыслила Цветаева. Как она раз за разом писала все об одном и том же, как снова и снова повторяла рассказ «о повторяющемся событии» то ли «земной биографии», то ли просто своей жизни.

Если же серьезно отнестись к трактовке, предложенной Шевеленко, то возникнут неизбежные вопросы:

1) а как быть с прямым цветаевским признанием: «О, все время: умереть, от всего!» [5, 607]? (Ведь отсюда следует: *все* что угодно может стать (и становилось!) побудителем к «уходу», а не только преданность своему Гению);

2) так где все же поэт *живет*? (По «Дочери Иаира» выходит, что в творчестве он умирает и из этого (*творческого?*) умирания приносит на землю «*посмертную сквозь*», то есть на земле тоже не очень-то живет);

3) неужели поэты – все и всегда – так «мертвы» в земной любви? (Значит – и Петрарка, и Данте, и Шекспир, и Пушкин, и Лермонтов, и Тютчев, и Блок, и Ахматова: ведь всех их творчество уносило «в мир духовного бытия»);

4) надо ли *до* расширительных толкований «прочитать» прямой текст произведения?

На четвертый вопрос ответ у исследователя как будто находится. Прочитав последние строфы цикла, она пишет: «Сюжет остается незавершенным (? – Т.Г.), открытым; дан лишь очерк того состояния, в котором пребывает героиня, вернувшаяся из Вечности в мир земной. “Посмертная сквозь”, вставшая между нею и возлюбленным и – шире – всей земной жизнью, ощущается и переживается героиней в одиночку...» [12, с. 234]. До какой же степени надо игнорировать «возлюбленного» (то есть непосредственный, Цветаевой сознательно акцентированный текст стихотворения), с какой размахистостью и изначальностью надо брать тему «шире» – в масштабах «всей земной жизни», – чтобы договориться до того, что холод между любовниками может «ощущаться <...> героиней в одиночку»?

После такого анализа можно с уверенностью сказать: ни «кукла», соответствующая возрасту библейской девочки, ни «любовник», резко переводящий возрастную стрелку, ни то, как они у Цветаевой соотносятся («кукла», *то есть* «любовник»), исследователя не интересует.

Американская славистка О. Хейсти, на которую И. Шевеленко часто (но не в этом случае) и охотно ссылается, напротив, уделяет всему этому много внимания. Она начинает свой разбор «Дочери Иаира» с выяснения того, что же символизирует собой «кукла». В ее трактовке оказывается, что «в образе куклы – метонимически выражающей сферу земной жизни – Цветаева объединяет сексуальность и материнство, выделяя физическую и детородную доминанту в том мире, который девушка покинула» [3, 40–41].

При таком прочтении «любовник», надо понимать, появляется в цикле – не в последнюю очередь – как обеспечивающий саму возможность материнства.

Далее: не замечая личного подтекста, привнесенного первым, установочным, стихотворением цикла, находя вместо этого в преамбуле слабо, мягко говоря, мотивированный мотив материнства (в него трудно поверить хотя бы уже потому, что «проститься» – «Дочь Иаира *простилась* / С куклой...» – можно только с тем, что уже было твоим), О. Хейсти весь свой анализ строит на прочтении одного только внешнесюжетного пласта, то есть, идя от строфы к строфе, прослеживает путь восхождения девочки (ребенка!) «в мир хлеба и лжи», путь, который должен увенчаться окончательным восстановлением физической формы, полноценным возвратом к нормальной жизни (в том числе и в особенности – к деторождению) в момент бракосочетания. Она считает, что «Цветаева усиливает сексуальность в свадьбе девочки, называя ее партнера по браку любовником, а не супругом» [3, с. 42].

То есть не желает видеть сознательный повтор слова, возвращающий к прологу и обеспечивающий внятность второго (для Цветаевой, несомненно, первого, первопричинного) смыслового плана всего цикла. Ведь, скажи Цветаева в финале «супруг», и сквозная иносказательность ее обращения к библейской притче была бы утрачена.

О. Хейсти рассматривает «Дочь Иаира» сквозь призму мифа об Орфее и Эвридике (так – согласно названию – построена вся ее книга), Шевеленко – сквозь призму цикла «Разлука», поэмы «На красном коне» и выведенной из них ее собственной формулировки «“отказ” от земли не выбор человека, но выражение сущности поэта». Другими словами, оба исследователя абстрагируются от контекста, бережно, в постепенности создаваемого на протяжении четырех месяцев лирическим дневником. Не удивительно поэтому, что в своем анализе они так сильно расходятся и друг с другом, и со смыслом самого произведения. Которое (как и поэма «Молодец») позволяет, разумеется, расширительные прочтения, но не в отрыве же от авторского замысла.

Возвращаясь к нему, заметим: тема творчества, безусловно «вчитываемая» в цикл «Дочь Иаира», легким напоминанием дает о себе знать в стихотворении «На пушок девичий, нежный...», одновременно с ним написанном. Цветаева еще раз, и как ей представлялось окончательно, утвердившись в «безоглядности» разрыва с Афродитой, сразу же задумывается о питающем «песенное ремесло» ключе:

Тайная любовь промежду
Рукописью – и пожаром.
Рукопись – пожару хочет...

Очевидно – пожару чувств, пожару страстей. Обязательно ли любовных? Ответа стихотворение не дает: каким на этом этапе – прощания с Россией и ожидания встречи с мужем (героем, «сыном») – виделось Цветаевой ее творчество вне любовности, нам неизвестно. Много позже, уже после Чехии, обозначившей вершину ее поэзии, Цветаева, подводя промежуточный итог и делясь творческой тупиковостью момента, скажет: «Я всегда жила любовью. Только это и двигало мною <...> Сейчас – до-олгое сейчас – полных четыре года я никого не любила, ни одного поцелуя никому – 4 года <...> С 1925 г. ни одной строки стихов <...> Я иссякаю: не как поэт, а как человек, любви – источник. Поэт мне будет служить до последнего вздоха, живой на службе мертвого, о, поэт не выдаст, а накричит и наплачет, *но я-то буду знать* <...> Я всю Чехию насквозь пролюбила, отсюда – все. А сейчас тоска без тоски <...> Мне нужен физический стук чужого сердца в ухо, иногда завидую врачам. Мне нужна моя собственная душа из чужого дыхания, пить себя. Та сушь, которой я сначала так радовалась, губит меня <...> С чего мне сейчас писать? Я никого не люблю, мне ни от кого не больно, я никого не жду, я влезаю в новое пальто и стою перед зеркалом с серьезной мыслью о том, что опять широко...» [9, с. 475].

Почему такой настрой абсолютно непредставим в последний московский период? Почему Цветаева в 1928 году имела полное право сказать: «Я *всегда* жила любовью»? Потому, должно быть, что и с осени 1921-го по осень 1922-го – весь канунный, отказной год – тоже жила любовью, как бы парадоксально это ни звучало в свете всего, о чем здесь говорилось.

То иронично, то нежно, то прощально, то страстно отрицаемой – но все же любовью.

И о «рукописи» с ее тягой к пожару писала в февральском стихотворении тоже охваченная огнем этого отрицания. Не говоря уже о поэме «Молодец», в основу которой положен сказочный сюжет изначально «невозможной любви» девушки к упырю, сюжет, до неузнаваемости преображенный, однако, в гимн всепобеждающей, губительной, нравственные законы попирающей, за пределы земного существования уносящей любви.

Начало работы над поэмой относится к марту 1922 года. К апрелю был готов подробный план и чистовик первой главы. Остальное дописывалось уже в Чехии – с августа по декабрь. Но финал («апофеоз – оба в вихре Херувимской») был ясен Цветаевой еще в Москве. То есть уже тогда она знала, что для Маруси (героини поэмы, с которой Цветаева неоднократно, в разные периоды жизни отождествляла себя) любовь к Молодцу превыше всего, но что любовь ее осуществима только по ту сторону бытия.

Итак, в земных пределах – дочь Иаира, в надземных просторах – Маруся. Если бы, однако, все сводилось только к этому противопоставлению, то получилась бы несколько рациональная схема. Но помимо явной оппозиции двух женских образов (равно воплощающих авторское «я») и стоящих за ними сюжетно и жанрово разных произведений, нельзя не заметить не менее явную общность, восходящую к стихам осени предыдущего года: по-разному мотивированную, но в обоих случаях неотменимую табуированность эротического начала. Она, кстати, определенно сказывается и в поэме «Переулочки», которую Цветаева, прервав работу над «Молодцем», написала в апреле, а позже включила в «Ремесло» и сопровождала та-

ким посвящением: «Алексею Александровичу Подгаецкому-Чаброву на память о нашей последней Москве». Чаброву, в обращении к которому ранее говорилось о дружбе как о «последней страсти недосоженного тела».

«Переулочками» и завершается книга, писавшаяся в канунный год. Так что тема разлуки с молодостью и любовью последовательно, хоть и вариативно длилась вплоть до самого отъезда из России. И с отъездом она не завершилась, перетекла в книгу «После России»: впереди у нее были еще Берлин и Чехия – три года непредсказуемого, живой жизнью направляемого и корректируемого развития.

К пониманию творчества поэта мы зачастую идем от его биографии, гораздо реже выбираем обратный путь. В случае Цветаевой и обратный этот путь может оказаться весьма плодотворным. По крайней мере, именно так обстоит дело в период с лета 1921-го по весну 1922 года. Факт биографии – письмо, полученное от мужа, которого Цветаева почти уже оплакивала – дал мощный импульс творчеству, во многом и главным определил смысловое и эмоциональное наполнение лирики этого периода. Со своей стороны, стихи «последней Москвы», «преображенная правда» предотъездных месяцев помогают понять, что долгожданная, неистово желанная встреча с мужем была обречена стать не-встречей, лишним свидетельством тому – отсутствие Сергея Эфрона в книге «После России» (ни одного посвящения ему за три года совместности!). Стихи «Ремесла», развернувшие *канунное* прощание с молодостью, *своевольный* разрыв с богиней любви, объясняют, предвосхищают, а то и предопределяют и берлинский роман с А. Вишняком, и два заочных эпистолярных романа, случившихся в Чехии (Пастернак, Бахрах), и тяжелейший кризис, настигший семью Цветаевой осенью 1923 года.

Преображая правду дней, лирический дневник высвечивает в ней доминирующие точки и линии, прочерчивает ближнюю, а порой и дальнюю перспективу. Можно только сожалеть о том, что поэту дано его только писать, но не дано руководствоваться им в жизненно важных своих решениях.

***

1. Бахрах А. Поэзия ритмов // Марина Цветаева в критике современников. Родство и чуждость. М.: Аграф. 2003. С. 137–141.
2. Таубман Дж. «Живя стихами...» Лирический дневник Марины Цветаевой. М.: Дом-музей Марины Цветаевой. 2000.
3. Nasty O.P. Tsvetaeva's Orphic Journeys in the Worlds of the Word. Northwestern University Press / Evanston, Illinois.
4. Цветаева М. Собрание сочинений в 7-ми томах. Т. II. М.: Эллис Лак. 1994.
5. Цветаева М. Собрание сочинений в 7-ми томах. Т. VI. М.: Эллис Лак. 1995.
6. Цветаева М. Собрание сочинений в 7-ми томах. Т. V II. М.: Эллис Лак. 1995.
7. Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради. М.: Эллис Лак. 1997.
8. Цветаева М. Неизданное. Семья: история в письмах. М.: Эллис Лак. 1999.
9. Цветаева М. Пастернак Б. Души начинают видеть. Письма 1922–1936 годов. М.: Вагриус. 2004.
10. Цветаева М. Книги Стихов. Составление, комментарий, статья Горьковой Т.А. М.: Эллис Лак 2000. 2006.
11. Швейцер В. Быт и бытие Марины Цветаевой. М.: Молодая гвардия. 2002.
12. Шевеленко И. Литературный путь Цветаевой. Идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи. М.: Новое литературное обозрение. 2002.

УДК 82–94

М. В. Мелихов
M. V. Melikhov

**ЗАПИСКИ О СЛУЖБЕ ВО ФЛОТЕ МАТРОСА
С ПИНЕГИ К. Я. ВЕРЕЩАГИНА**

**NOTES ON THE SERVICE IN THE NAVY SAILOR
WITH PINEGA K. Y. VERESHCHAGIN**

Публикуется текст воспоминаний о службе на флоте архангелогородца К. Я. Верещагина. На службу он был призван в конце 90-х гг. XVIII, в 1798 г., участвовал в перевозке армейского десанта в 1799 г. в Голландию, был свидетелем боевых действий. Свои воспоминания о службе К. Я. Верещагин начал составлять (и, по-видимому, не закончил) уже после того, как вернулся домой после 25 лет службы. Основное внимание в них уделено трем темам: тоски по дому, жестоким наказаниям матросов офицерами, повседневному флотскому быту.

Ключевые слова: Мемуары матросов, служба на флоте в конце XVIII – начале XIX вв., тяготы армейской службы, наказания матросов, будни флотской службы.

Publishes the text of the memoirs of the service in the fleet of the Archangel K. ya Vereshchagin. He was called to service in the late 90-ies. XVIII, in 1798, participated in the transportation of army troops in 1799 to Holland, witnessed the fighting. His memories of the service K. Y. Vereshchagin began to make (and, apparently, did not finish) after he returned home after 25 years of service. The main attention is paid to three themes: homesickness, cruel punishments of sailors by officers, everyday naval life.

Keyword Soldiers: memoirs, service in the Navy in the late 18-th – early 19-th centuries, the hardships of army service, punishment of sailors, weekdays of naval service.

Константин Яковлевич Верещагин отслужил 25 лет на флоте, о чем он сам неоднократно упоминает в записках. Точных сведений о том, в каком именно году К. Я. Верещагин был призван на службу нет. Записи он вел только о первых годах своей службы, сами записки были сделаны уже после его отставки и тоже не известно, когда именно. Неизвестно, где он научился писать и читать не полууставным письмом (это было бы естественно для коренных жителей старообрядческих регионов), а скорописью.

Единственный источник сведений о его биографии – его же записки, не известны даже даты его рождения и смерти. Рукопись с автографом – небольшая тетрадка с текстом на десяти страницах, находится в собрании рукописей А. Д. Григорьева в Национальной библиотеке Чехии в Праге № 21, называется в описании Н.В. Савельевой «Описание военной службы шкипера Константина Верещагина, автограф, XIX в. (1-я пол.), 4°, 10 л., скоропись» [1, с. 686]. Автор (и герой) записок – матрос из северных крестьян, был призван с Пинеги, служил на разных кораблях. В первых записях рассказывается о том, как героя с командой рекрутов доставили в Архангельск зимой 1797 года, в последних – о возвращении русской эскадры из экспедиции в Голландию в 1800 г. Упоминается также (но без подробностей) о визите на корабль императора Павла Петровича [2, с. 70–83].

1. Савельева Н. В. Очерк истории формирования Пинежской книжно-рукописной традиции. Описание рукописных источников XV – нач. XX вв. Опыт исследования. Источники. Т. 1–2. СПб., 2005.

2. Мелихов М.В. Записки и дневники матросов К. Верещагина и А. Бобрецова как феномен народной письменной культуры // Человек. Культура. Образование. Сыктывкар. № 3 (33) 2019. С. 70–83.

(л. 1) // **Описание следующих обстоятельств продолжения службы шкиперского помощника Константина Верещагина**

Уединение заставило сочинить душевное повеление.

Господинъ читатель! Большая печаль наставити по причине тѣхъ обстоятельствъ, кои состоятъ въ последующемъ, пабудили меня после свобождения моей службы описать те приключения, которые со мной случались. На своихъ бокахъ видно было и со товарищами нашими и что тверже узнать свое странство, на немъ въкрепить уязненнымъ моимъ сердце *того*, кого свѣту явную страсть, каково въ нынешнѣмъ воиству служить. Свой термень служить я саглашусь¹: въ миру жить – слезы свои векъ свой² лить, а не если двадцать пять летъ служить. Не одна, кажись, сия: солдатъ, а не если с рукъ – толко одно сердце ведаеть, принуждены показатъ и другимъ. Я в путь – страсть падатъ, как видятъ дѣтей своихъ в службу. Пусть оныя родители по нихъ повлекутца, чтобы ихъ наставлятъ – и Богъ ихъ не оставитъ. //

(л. 1 об.) Отцы и братия! Ведаитѣ, что кагда в 1797 году привезли меня для одачи въ рекруты въ город Пинегъ и поставили меня под меру, съказали мнѣ: «*Лобъ!*», такъ ударили меня въ бокъ, едва я светъ увидетъ могъ. Въ такие на меня пришло приключение: два месеца жилъ, свету бѣлово не виделъ, день и ночь вси были равны. После тово насъ погнали съ мезенскими рекрутами въ партии 1798-м³ году генваря месеца. Морозы жестокие были, такъ трудно было ити, на великую силу двадцетъ верстъ проидешь. Такъ былъ сердцемъ тронутъ, что ни адново дни не было такыхъ, чтобы слезъ тучу не пролить. Толко разве глухая придеть ночь толки мои слезы уничтожающа. Поутру выйдешь голодом, день провожаешь холодомъ. К ночи

¹ Слова *служить я саглашусь* написаны над строкой.

² Слова *векъ свой* написаны над строкой.

³ В РКП: 1898

едва квартиру найдешь. Пришли в Холмогоры, поселили меня на квартиру. Что купишь въ рынке, то и ешь. Пойдѣшь въ рынокъ, купишь трески сулань или молока, денгамъ убыль была велика, а прибыли не было неоткуда. Тутъ какъ хошь, такъ и живи: будешь радъ хлебу одному. Говорится пословица: хлебъ, водка – то салдацка еда. Жиль дома у родителя моего, рыбы и молока, иная и дичины никогда не надо проедать. Далие живутъ такъ: едятъ, сея хлеба, масла. Вижу, найдеть такая тоска, что и свету мало ведаешь, думаешь всякую ночь с подушкой: какъ буду жить? Мало начнетъше наша братия, аки еще трескають, // (л. 2) а ты не видишь слова ласкова, всегда в кручине, да в бране, да великихъ побояхъ, бо навсегда мы готовы, какъ струны натянуты, къ побоямъ. Я не знал, гдѣ есть такая служба, чтобы солдатъ не били, ... не колотили, хотя¹ ... Я не могъ такой службы найти, чтобы 25 летъ прослужить, былъ бы не одново разу не колочен. Сему я не верю, но тотъ есть человекъ не служивый, но оманщикъ, если со спины не одна кожа сошла².

Еще сему кто не верил, по годамъ далее скажу. При страже вышедши мы ис Колмогоръ великий постъ. Товарыщи мои нанели коней, принуждено и намъ нанять лошатку. Прибыли в Архангелскъ, какъ бута въ дикий лесъ: ничево не знаем и ничево не видимъ. Смотрю во все стороны, какъ дикий зверь. Повели насъ въ Соломбалу, попался въстречу, спрашиваетъ земляковъ своихъ, гляжу въ глаза. Я сказала свое ему имя и онъ мнѣ тожъ началъ сказывать, что «Я Илья Васильевичъ Абросовъ». Я ему очень в ноги, началъ ево просить, чтобы онъ меня помиловалъ бы. Я гляжу, зовотъ къ себѣ на квартиру. Я пришолъ на квартиру, будто какъ к оцу³ своему родному. // (л. 2 об.) Я с радости не знаю: я радъ былъ или испугался, началъ плакать у ево на квартѣры. Онъ благосклоненъ и милосердъ, началъ меня сначала уговаривать всякими ласковымъ словами: «Что жъ ты плачешь, объ чимъ? Или матѣри или отце жалко? Полно плакать, ветъ ты не одинъ служишь, видишь, насъ здѣсь много?» Разговоры ево не могли меня *успокоить*⁴. После тово не счель онъ меня бросить. Я бута какъ содрогнулъ, испугался, пересталъ слезъ своихъ на землю ронить.

После тово послали нас на работу во адъмиралство. Мы работали до потомокъ. Пришолъ домой – одинъ хлебъ сухой тутъ. Более тово, възяла тоска. Я тосковалъ да плакалъ много время, более приноравливал, чтъбы некто меня не видал: ни хозяинъ дому и ни хозяйка, такожде и товарыщи мои. Такъ я былъ сердцемъ тронуть, что не видалъ светлыхъ *дней*. После тово я издѣлался боленъ, ушолъ в ошпиталь, лежалъ я две недели. Великая тоска и скука. Началъ проситца на выписку, меня лекаръ не отпускаетъ, мнѣ говорить: «Ты очень слабо отъ меня уидошь и опять ко мнѣ приидошь». Я началъ более тово рыдать, меня начали // (л. 3) уговаривать всячески, не на чуть, а мню: пришло въ память, будто меня хотятъ *уморить*. После сего стали меня изъ вошпитали выписывать. Когда меня выпустили и пошелъ въ Солонбалу, едва могъ доти до квартиры три версты: четыре раза одыхалъ. На другой день надобно ити за мукой – ити не могу. Едва могъ сходить муки притащить и некаго, нежелъ матроса. Далъ ему 10-*копеек*. Въ команду явился – по-

¹ Слово написано неразборчиво

² На поле: Глава 2.

³ Так в РКП.

⁴ В РКП.: *унить*

сылать меня стали на работу в адмиралтейство, ити на работу не могу, приду ко фрунту, видять меня, что я слабъ, одорнуть прочь. После мнѣ говорил ундѣръ, что «Ест ли у тебя денги?» Я ему говорю, что есть. «Ну дакъ что ли дай мнѣ пять копеекъ, ступай домой тихо».

Я почти 6 дней не могъ быть здоровъ. Видять меня, что я едва могъ дойти до фрунту, а не на работу ити. Меня опять прогнали в ошпиталь. Лекаръ говоритъ: «Я тебе сказаль, что ко мнѣ опять придешь». Сижу во в ошпитале, гляжу: пришлоь ко мнѣ землякъ, не упомню хто, или по припасъ мнѣ от оца. Я тако радъ и не знаю, что дѣлать. Онъ мнѣ подаль слоево¹, принѣль, началъ распечать, *вижу*, гляжу, что въниси дѣнегъ 10 *рублей*. Я бль² эвтому весма рать, что родители еще меня не забыли, и распростились. Лежалъ в ошпитале, пока совершенно не выздоровель. Такъ меня не выпустили, лежалъ 3 недели и здѣлался совсемъ здоровъ, то врач меня выпустили.

Пришлоь, въ команду явился, началъ ходить на³ ... работу. При фронтѣ начали одново матроса // (л. 3 об.) ленками, сечь (ленокъ – по-нашему веровки, толциною въ мезенець, длины з четвертакъ)⁴, так начали, что онъ о-земли отдѣляйся, на четверть проскакиваетъ или более. Тутъ закричалъ шкиперъ: «Стал опять сюда!». Четыре человека ево растянули на землю, двое за руки да двое за ноги, такъ начали ево драть, что онъ перестал крычать, спинку ему всю содрали лѣнками на велику силу. Онъ и сталъ говорить, ему что ставили проворнѣ, подѣвится. Естли лениво одѣвались, еще прибавять, скажутъ, что онъ еще хочеть, пять ему еще прибавять. У меня все сердце кровию залилось: естли меня стануть эдакъ сечь, то скоро помрешъ. После побоевъ повлекли ево на работу в адмиралтейство. За што ево секли, я не знаю, какая была у ево вина. Я думаю, ему непременно лазановъ 500 разъ. Спомнишь всехъ васъ.

После всего времени меня послали въ лапаманку⁵ на карабль, как ево зовут – не знаю. После около Петрова дня затвердил на великую силу, что корабль – «Всеволод». Заставили меня конопатить бока – в руках не бывало. У себя все руки обил до кости: люди по конопатки бият – я все по руки. Хочешъ такъ же, какъ люди, хочю попасть въ конопатку – попадаю все в руки. Мои ручки все распухли, въ крове, какъ у барана, пособить нехто мнѣ не можетъ, научитце работаетъ я не могу. Такъ я маялся 3 недѣлки⁶.

// (л. 4) Потомъ вышли мы на борть⁷, мая 25-го. Тутъ у нас пошла работа такая, что дѣнь и ночь спокую нетъ, толки дають соснуть въ сутки два часа, и то на великую силу. Я жил без артели, причислили в другую артель. Хлебъ свой, толко ходишь щти хлебать к нимъ. Мы сели обѣдать все вместе. 1-ю чашку выхлебали

---

¹ Так в РКП.

² Так в РКП.

³ Слово неразборчиво

⁴ Скобки есть в тексте

⁵ Так в РКП.

⁶ Далее строка неразборчиво

⁷ В РКП.: *боръ*

с крошениной, 2-ю принесли, говорят старики: «Выпрушить¹ мясо, скушее щти будутъ». Я первую лошку хлебнул, на людѣй не гляжу, по-своему, по-домашному, живо, съ мясомъ. Подле меня сидѣль старикъ, ничего мнѣ не говорить: даль онъ мнѣ такой разъ, что у меня из глазъ искры посыпались: «Что же ты, серышь, насъ не дожидался: таскаешь ис чашки мясо?». Прочие все на него закрычали: «Онъ, ей, не знаетъ, надомно ему сказать!». Такъ слезы на глазахъ наvertsълись, что и промолвить не могу. После тово начали гавядину хлебать. Я не смель хлебнуть. Говорять: «Хлебай мясо». Я не смею. Говорят: «Туть же и твоя доля».

Жиль 8 дней без артели, гляжу: пришла наша артель. Меня старики къ себѣ увели абѣдать. Такъ люди были все добрые, не такъ, какъ тотъ дуракъ. После сего я к ним на суднѣ ходилъ, было жить хорошо. Ходили мы, воду возили на корабль три недѣли, порция шла какъ морская. Воды на карабль навозили, бочки налили воды, // (л. 4 об.) после сего.

Корабль «Всеволод» – 76 пушокъ, пушки 180 пудовъ весу, пулалы едро 30 фунтовъ, пороху 1 въ рас 15 фунтов. Походить приготовился, былъ² ... жесткой смотреть. Изъ Архангелскаго пошли въ Англию. Во время походу на море издѣлалась погода свѣжая, пошли наверхъ рифы брать. Мнѣ кажется, что рифы тихо брали, значить «рифы брали» по-нашему – паруса убавляли. После сего вахтѣнный лейтенантъ Егоръ Федорович Развозовъ скрычалъ: «Смирно!» Въдал он, с по-вашему, кругъ! Какъ скоро сошли в тужестѣ внизъ корабли лесниц: «Я вамъ дам дуроху!» Какъ скоро пришли, раздѣвались гротъ-марсовых 16 человекъ, такую имъ даль дратину, что всякому не менее какъ 300 лозановъ ленками или 400 въ спину ленокъ. Я туть блиско былъ, смотрель спины: прощай – такъ оныя высечены были, едва оттуда и на низъ сошли. После тово скрычалъ, какъ левъ зверь: «Поть сюды, форъ-марсовые 14 человекъ!» Потомъ крюсельныхъ 10 человекъ такожде и баковыхъ 16 человекъ, ютовых 8 человекъ, шканешныхъ 30 человекъ, с палубы 20 человек. Такъ были отполосованы, что едва могли внизъ сойти: у всехъ рубашки были въ кровѣ, как у барановъ. // (л. 5)

Посмотри и погляди, кто сего не виделъ. Всякъ скажетъ: лучше бы на светъ мать не рожала, лехче было бы во младенчестве уходили. Редкий былъ день, до Англии шли, чтобы не выколотили бы 200 человекъ и другой день до 500 человекъ въ семь стыдѣ. Одново матроса при моихъ глазах: дали ему в спину 200 лозановъ ленкомъ, онъ сталъ одѣваца, говорит: «Пейтѣ христианскую кровь, ненасытные ваши глаза». Какъ скоро услыхалъ летинантъ³ Развозовъ, воротить его назадъ: «Что жъ ты говоришь, дуракъ, или тебѣ мало еще досталось? Ты разве не знаешь меня? Я твой богъ: хочу – высеку, хочу – и прощу». Очастивиль ево опять подъ ленки: даль ему лозановъ еще на прибавокъ да 600 ленокъ въ спину. Паль, весь былъ въ кровѣ, под руки и внизъ свели. А капитанъ былъ Карло Ильич Гревенець говорить: «Что ты ихъ худо секошь?». Адмиралъ былъ Егоръ Егоровичъ, тотъ тожъ: «Ты ихъ лениво биошь!⁴»

---

¹ Слово неразборчиво

² Одно слово неразборчиво

³ Слово написано над строкой

⁴ Так в ркп.

Пришли в Англию августа месяца въ гороть Чернецъ, стояли на море , то есть на зморие, а города 10 версть. На берегу не были, кроме судавые матрось. Послали насъ въ кресерство подьдѣжке силъ для осторожности. Французжеское было житие, хотя живой воду бросайся. Ундеръ-офицеровъ всегда была голова // (л. 5 об.) раломинья¹, ходили всегда голова завязана были, што попадать в руки, тѣмъ и били, хотя апштукъ или ис-под пушки ломъ – тѣмъ и бияють. Ногамъ попало, хотя по головы или по ногамъ и по рукам. Говорит: «Что вы, такие черти, лениво работаете? Я васъ выучу по-своему». Пришло мнѣ тѣперь на память, что:

Ты солдатъ-гаремыка,
Хуже лапотного лыка,
Твоей жизни хуже нѣтъ,
Изойди весь белой свѣтъ.

Тебя дують, тебя бияють,
Такъ, какъ полосу кують.
Собаку чтуть дороже –
Тебя палкой бияють по роже и по главѣ.

Вы родились къ нѣщастию
И заболать кости ко ненастию
Голова тутъ закружитцѣ
Луче бы въ свѣтъ не родитцѣ

Етой жизни хуже нѣтъ
Изойди весь бѣлой светъ.
Ужъ нѣсносно к тому нѣ верить
Въ томъ ему онъ божитца.

Уверяеть командѣловъ
Не даверяеть, говорятъ
Что ты ленишься, не поверять,
Хоть божися, о солдатъ,

Ты бедной солдат
Слабое твое оправдание.
Заболить когда солдатъ,
То смело бѣйсѣ о заклатъ:

Не поверятъ въ томъ ему
Хоть кленись и божись.
Призови хотя с неба Бога,
Гаворить, что лени многа

---

¹ Так в РКП, возможно, проломленная.

Выбить надоть изъ него,
А чего быть балному?
Он не болен, с похмелия,
Знаю все его бѣзделия.

Коль наружной раны нетъ,
Говорять, что все омань, веть // (л. 6)
Разве духъ изъ нево вонь—
Скажутъ правду, что был болен онъ.

После смерти и жалеютъ
Пособить еже не умеютъ
Тогда ту жь ему обещають
Его службу почитают (?)

Говорить, что вотъ солдат
Тотъ настоящий был герой.
На семъ сие вам, благо разумным,
Поведаю, хто есть такъ.

Чтобы служиваго,
Онъ нашему отечеству защита.
Жалко, спина у ево всегда избита
Теперь сказалъ воинъ

Теперь уже еще возвратимся на предълежащее. Ходили мы 2 месяца въ походѣ По-гѣ-Калеомъ у насъ воды стало мало хлебать. Ту капитан 1-го ранга и кавалеръ Карло Ильич Гревенецъ правизию всю продал *на* 2 месяца, а мы хотя голодомъ живи. Ветры противные, и дашь против ветру, и то когда попутни бывает вода¹, и такъ стоишь трои сутки почти голодомъ. Были все команды, кроме командировъ.

На четвертой день подошли и увидели англицкий городъ Пордцмутъ, за 60 версть стали палить из пушокъ, подняли сигналъ голодной. Намъ привезли все чины. После сего не одинъ разъ были *крейсертвѣ* По-Те-Каломъ, командиры станоятся еще хуже, матросов бьютъ еще лучше, болных умножилось много, а болнымъ сказываца не велятъ. Ходишь на вешку, силу и силы выйдѣтъ, скажица болнымъ – заставятъ его болись, толкать 4-ю и 3-ю² ... штуки. Естли не хочешь толкать или силы нѣтъ – *сзади* бьютъ ленкомъ: «Бей его харашенко, онъ, видишь, очин жалъ³» Да тѣхъ поръ бьютъ, покуда // (л. 6 об.)⁴ не растяпица: возмутъ, сне-

¹ Слово написано над строкой.

² Далее слово неразборчиво

³ Так в РКП.

⁴ Фрагмент в начале листа зачеркнут: «Вашему высокоблагородию. Уведомляю я Вас, что отецъ казначей говорил мнѣ о суднѣ, чтобы весной судна мнѣ доставлетъ въ монастырь по водѣ весной. Прошу вашего высокопреподобия, какъ мнѣ прикажитъ, естли моему билету строкъ кончице: приездать мнѣ (слово зачеркнуто) въ манастырь или жить у судна и у поклажи до весны»

суть вписъ въ лазареть¹ (по-вашему – госпиталь)². Поутру глядят – уже помре. И тутъ говорятъ, что онъ ленился. Не таскаль балаевъ, онъ бы живъ былъ, естли таскаль, все сие время продолжали.

Опять нас послали по городъ³ По-дѣ-Каль зъ дѣстантомъ, кораблей множество. Мы шли, паруса дѣржали менѣе, пришли, после, увидели, что корабли стоятъ съ нашу сторону. Расискихъ кораблей зъ дѣстантомъ до 40 судовъ, швечкихъ 30 судовъ, дацких 20 судовъ, аглицкихъ военныхъ 170 кораблей ленейныхъ, купеческихъ 250 судовъ. Все сии суда были зъ дѣстантомъ, или солдатами. На каждомъ суднѣ было солдатъ 200 человек или 400. На малыхъ судахъ по 100 человекъ. Кромѣ настоящихъ командъ настоящей команды болшихъ кораблей въсехъ вкупе: 120 пушешныхъ⁴, 1200 человекъ матросовъ всехъ чиновъ, дѣстанту 500 человекъ, было на одномъ корабле 1700 человекъ: 100 пушешныхъ кораблей // (л. 7) 80, на каждомъ корабли настоящихъ всехъ чиновъ 1000 человекъ, дѣстанту солдатъ 400 человекъ. Во 80-пушечныхъ⁵ кораблехъ 100 на каждомъ корабли, на етомъ⁶ было команды всехъ чиновъ 800 человекъ, да дестанту 390 человекъ. 70 пушешныхъ было кораблей 120, команды было настоящей 700 человекъ да дѣстанту 300 человекъ, 60 пушечныхъ кораблей 70, команды 600 человекъ, дѣстанту 250 человекъ, фрегатовъ было 80 судовъ, команды настоящей было на фрегатѣ на одномъ 500, на другихъ по 400, а за менее етово не было, дѣстанту по 200 и 150 и 100 человекъ. Купеческихъ судовъ 68, а судовъ настоящей команды 30 человекъ дѣстанту по 100 человекъ. Всехъ было судовъ военныхъ и купеческихъ 1240 судовъ. Всего было команды зъ дѣстантомъ и купеческими судами 461.400 человекъ⁷.

Начали вывазить дѣстантъ на мелкихъ судахъ, на бѣрѣкъ высаживать, 1799-го году августа 15 день на праздникъ Успения пресвятыя Богородицы. Поутру до солнечного сходу за часъ приняли г бѣрегу галанцкому подъ городъ Тѣксель⁸. Баркасовъ и катеровъ было 15000 с народомъ или солдатами, 400 судовъ высадили на берегъ салдатъ, немного осталось живыхъ. Ядра и пули мимо насъ начали⁹ ...мы коихъ могли взять собой, а прочихъ такъ оставили, отошли о берегу // (л. 7 об.) Потомъ подошли аглицкие плоскодонные батареи¹⁰, начали палить ис пушокъ во французскую армию, а гонять от бѣрегу прочь, чтобы можно было нашей армии выти на бѣрегъ. Францустая армия отошла отъ¹¹ бѣрегу, поднялись въ гору, заш-

¹ Над строкой: *по ложному*

² Скобки в тексте

³ Слово над строкой

⁴ Над строкой: *40 кораблей нихиятомъ кораблей*

⁵ Слово написано над строкой

⁶ Далее слово неразборчиво

⁷ Русский экспедиционный корпус состоял всего из 9 линейных кораблей, двух фрегатов и 7 транспортных кораблей http://wars175x.narod.ru/hll_mil03.html

⁸ Тексел – название острова, имеющего права города.

⁹ Далее слова не читаются: *св... .. полки. ... стоить*

¹⁰ Фокт участия канонерских лодок (60 единиц) подтверждается историками (http://wars175x.narod.ru/hll_mil03.html)

¹¹ В РКП: *к*

ли за гору. Наши суда поехали г бѣрегу ближе, ис пушокъ ядра через насъ палятъ, армии изъ горы не выпускають. Начали выходить солдаты и командиры на берегъ, стали становица во фронтъ. Скопилось 10.000 человекъ¹, отошли в гору, закрычали «ура», пошло жестокое кровопролитие² ... с обеихъ сторонъ: со бѣрегу блиско подъехать нельзя было, что лежать мертвые телеса и числа нетъ, въ первый рядъ какъ высаживали, как наши и французские. А что оружия францовъ и мундировъ³ нетъ, некому ничего не надобно: все лежитъ. Такъ мы трои сутки все дѣстантъ высаживали. Видимъ, что наши начали брать крепости и потомъ взяли городъ Тѣкмъ. Продолжалось сие стражение 10 дней. Не было не дня, не ночи: все былъ блескачелный огонь, покуда въ граду еще крепко не утвердились кораблями – стражения не было. Я про себя не думалъ, что буду живъ: вотъ тутъ моя и смерть. Но Богъ свободилъ.

После сего стояли мы тутъ три недѣли. Видимъ, что после сего стояли мы тутъ три недели видимъ, что все уже стожглось. Потомъ пошли мы въ *крейсерство*⁴ // (л. 8) Когда сумели войну, тогда же наши камандеры были поласковее. А колотить⁵, какъ време-то прошло, такъ еще издалась злее, стали со всякого кожу драть:

...сабакъ чтуть дороже,
А тебя палкой биють по роже,
Выбивають⁶ и зубы,
Разбиваютъ носъ и губы⁷.

Взратимся опять на предълежащее. Ходили въ море 2 ½ месяца, пришли въ Чернецъ декабря месяца, пагоды великие, командѣры жестокие. Корабль нашъ издѣлался от солоной воды и от морскго червя поврежденъ, мачты тожъ треснули. Зашли въ Чернѣской заливъ, стали под Чернецъ-горой. Каманды мало осталось здоровыхъ: более половины ушли в ошпиталь. У ихъ в ошпитали не по-нашему: на кораблях на водѣ стоял. После сего на карабли на нашомъ не более было народу здорового, какъ человекъ 60, прочие все болные, 640 человекъ в ошпитале лежало. Освидѣтелствовали: нашъ карабль въ море идти не способнъ. Павели нашъ карабль въ городъ в Чадамъ, разружили и в содалак⁸ згрузили. Потомъ завели

¹ Слово написано над строкой. Общая численность русских войск действительно была 10000, см. http://wars175x.narod.ru/hll_mil03.html

² Далее слово не читается

³ Слово не читается: *ненету*

⁴ В тексте: *крейство*

⁵ В тексте: *колотись*

⁶ Далее слово *губы* в рамке, видимо, автор хотел его убрать из текста

⁷ Ср. с вариантом «Поэмы...», опубликованным *Г. Гуковским*:

И собаку чтут дороже!
Палкой бьют тебя по роже,
Разбивают глаза, губы,
Не забудут тут и зубы.

(*Гуковский Г. А.* Солдатские стихи XVIII века // Литературное наследство. Вып. 9–10. М.: Журнально-газетное объединение, 1933. С. 112–152. С. 144).

⁸ Так в ркп.

его въ каналъ сухой. Я повидѣлъ у карабля доски, какии былъ обшиванъ корабль толщиною два дюйма – ничего нетъ, всо¹ червь съела. Дошли уже до настоящей обшивки. Если бы не щетини да не стѣкло, то бы сквось проели бы. Для тово нынче карабли обшиваютъ и медию. Преждѣ евтово не было, чтобы судно было бы медию абышито². // (л. 8 об.)

По прибытии въ Чадамъ я былъ весма боленъ, два месеца с половиной хвараль, ногъ не было, ходить не могъ³. Нашихъ матросъ какъ в ошпиталѣ къ караблю привезутъ, какъ скоро вышолъ на трапъ, то и раздѣваюсь донага и кидай свое платие воду. Ни креста, ни поеска, ничего не оставятъ, всо кидай воду. После какъ выздоровѣшъ⁴, тогда дадутъ свое платие. Такожде у всего флоту расиского полошубки и толупы шубныя, всо воду бросали. Вместо тово дали фурашки босяковые (?) и шенели.

Еще упамяну о войнѣ. Когда мы высаживали дѣстантъ, на берегъ потѣкли, сначала намъ сумели англицкые метали, потомъ награжение толко по 24 шеленга, по-руски 25 коп получили. После сего еще, когда городъ възяли, сулили болшое награждение намъ и не дали. Я получилъ через дѣсетъ лет 8.40. В то бѣ время намъ дано бы награждать⁵ даже Павель Петровичъ, нашъ государь, войну объявилъ, тако все дѣло осталось.

После, к весне, я выздоровѣлъ. Спускали насъ на берегъ, вездѣ ходили, по всему городу и за городомъ. Марта месеца въ первыхъ числахъ тамъ сеяли сорочинское пшено и прочие пшено. Намъ шла порция хороша: от англицкаго короля мяса 1 фунъ, сорочинской крупы во щи четверъ фунта; капуста, зеленъ, картофель, морковь, лукъ да честнокъ, всо евто во щи клали, шти были хороши. // (л. 9) В среду, пятницу к обеду гороху 1.1/4 фунта съ капаниной (?) или со свиной 1.1/4, вечеру каша густая изъ сорочинского пшена полфунта, рому 1 чарка, красново 2 или бѣлово чарка, наместо квасъ – пиво 1 крушка, 1 чарка, сухарей белыхъ 1 фунт 52 золотника, масла скоромного 22 золотника. Евта порция давалась на одинъ день въсякому человеку вмести на карабле в армии. Еще шла правизия: поутру или вечеру былъ даванъ на каманду чай и сахаръ или сахарной песокъ, сего мы толко въ три года четыре раза поели, более не видали. Камандиры заедали.

Какъ скоро услышали наши камандиры, в Росию намъ велено ити, паспешать съкорымъ временемъ. А я и вся команда думали, что намъ въ Расии не бывать по крутымъ гарамъ не гулять. Все были три года жизни очаяные, смотрели, что всѣхъ убиють, заколотятъ на нь, натерпѣлись, хотя тошно пришло жить, невозможно, дѣваться некуды. Еще мнѣ пришло⁶ на память. Убавляли мы паруса, погода была весма ясна, своею неосторожностью упали съ марса-рею 2 матроса воду. Камандиръ говоритъ: «Ети матросы чщасливы⁷, что они утопуть⁸. Если они не

---

¹ Так в РКП.

² Так в ркп.

³ Далее слово *потомъ* обведено рамкой.

⁴ В РКП.: *выздовыздоровъешъ*

⁵ Слово написано над строкой

⁶ В РКП.: *притло*

⁷ Так в РКП.

⁸ Так в РКП.

утонуть, то я дамъ же имъ порядочную дѣроху». Они счастливы, что потонули. // (л. 9 об.) Ежли бы можно было бы ихъ достать изо дна моря, онъ бы туды сходилъ, высѣкъ бы ихъ, зачемъ они худо дѣржались.

Изъ Чернеца мы¹ пошли² во городъ аглицкий Гись³. Туды прибыли наши корабли, все уже готовы въ Росию ити, толко насъ однихъ не было. У насъ было провизии мало, просили въ Англии провизии, намъ отказали, принуждены были со своихъ кораблей взять провизию. Пасадил на наши корабли росискихъ солдатъ, то есть дѣстантъ⁴, на карабль 400 человекъ. Всехъ было судовъ 70 росискихъ, англичанъ с нами уже войну объявилъ. Мы думали, что онъ насъ не отпуститъ от себя, однако мы поешкадрено стали снимаца съ якоря. 1-я ешкадра въ в половина дни пошла въ Росию (ешкадра значить 6 корабли ленейныхъ болших, 2 фрегата, 1 кагѣръ). На другой день въ половина дня отправились 2 ешкадры, на третий день поутру отравили 2 ешкадры, тово жъ дни вечеру отъправились все, пошли въ Росию. Какъ скоро закрылись англицкие берега, ударили въ тревогу⁵ на всехъ корабляхъ, чтобы ити въ море осторожнѣ, зарядить пушки съ ядрами, ждять неприятеля агличанские к себѣ въ гости. Однако шли никою не видели.

Еще упомяну. Когда пошли въ Росию, командиры стали смирнѣе, малинкую дали отвагу, хотя страшаютъ, да мало стали бить. Команда поправилась – не стало луче⁶. Команду // (л. 10) прежде навзывали каторжнымъ домом.

Пришли в Ревель 1800 году сентябрь 1 числа, высадили дѣстантъ на бѣрегъ. Мы отравились 10 в Кранштатъ, стояли во Кранштатѣ две недели, былъ на корабляхъ самъ императоръ Павелъ Петровичъ. Насъ отравили въ Ревель. Какъ скоро пришли, в гавань втянулись, толки что успели разружитца – агличанинъ пришло въ наше въ море. Мы опять вооружились, на рейдѣ стояли у Красной Мызы мессецъ одинъ, к намъ некто не бывалъ. Втянулись въ гавань декабря 1-е число. И такъ стояли вплотъ до весны, толко для тово катилажъ⁷ сѣнимали для поправления. И потомъ воцарился въместо отца своего Александръ Павловичъ марта⁸ 12 числа. Въ Ревеле жили на бѣрегу, былъ епутачкой смотръ команды. Просили на своего командира, именно: сколко команды на карабле – матросъ 400 человекъ, солдатъ 150, канонеръ 80 человекъ, охотниковъ 10, капотачиковъ⁹ 4, купаровъ 2, поваровъ 4, прохвостовъ¹⁰ 2, ундеръ-баталеровъ 2, писарей 4, учеников штурманскихъ 4, лекарскихъ 2; командировъ по командамъ разныхъ: капитанъ 1-о

---

¹ В РКП *мы*.

² В РКП.: *тошли*

³ Над словом написана синим карандашом: *Гуль*

⁴ Далее: *къ*

⁵ В РКП.: *в тревогу*

⁶ Далее два слова неразборчиво

⁷ Так в РКП. *Такелаж?*

⁸ Слово написано над строкой, в строке зачеркнуто: *декабря*

⁹ Каботажников?

¹⁰ Профос, нижний чин во флоте

ранга 1¹, капитань-лейтенантовъ 2, лейтенантов 6, мичмановъ 8, штурмановъ 4, салдацкий капитанъ 1, поручиковъ 2, прапорщиковъ 4, шкипирь 1, камисарь 1, баталеръ 2, лекарей старшей 1, младшихъ 2, артилерискихъ унтеръ-лейтенантъ² 1, констапелей 2. Всехъ 40 человекъ. // (л. 10)

Камандира нашего арестовали, находился под судомъ два года. Нам дали другово командира. 801-м году были въ походъ въ Кранштатъ, дожидались къ себѣ агличанина съ своимъ крепости, однако не бываль. Пришли опять обратно в Ревель. Зимой ходили на работъ, на каменную ломку, камень ломали да казармы себѣ строили, хотъ с наружного-то вида. Правда же то:³ ...а внутренность... волчию пѣсенку:

Все тѣ ... солдацкая ты участь
Производишь въ сердце уж
Ис каменных палатъ
Весь засохъ уже салдаты
О несносная чигура (?),
О матросская ты доля
Можно въсякому зъбѣситца
25 летъ отслужить
Тотъ здѣсь в свѣтѣ въновь родица,
Въ томъ никто не воображаетъ.
Въ етой службѣ правду не воображаетъ:
Не постигла бы кончина
Когда выйдѣтъ
И салдацкаго мнѣ чина.
Естли жизнь кому продлитца
Хто от службы свободится
То бери въ руки костыль⁴
Да ступай прямо въ монастырь:
В рукахъ, въ ногахъ силы нѣтъ
Опостылель весь бѣлой светъ.

На семь окончилъ⁵. Работалъ, коли не тѣжолоя. Сталь я думать со брасовымъ⁶ проситца в отпускъ, ути оттеда ко тѣжолой работы. По щасию нашему командиры насъ отпустили. Приехали въ дѣревню, глядимъ, какъ живутъ наша братия, красуица, а мы со брасовымъ гаршенъ паневолы станемъ сердце вянуть?

---

¹ Далее: *въ*

² Или подпоручик, самый младший офицерский чин. См.: <https://forum.game-labs.net/topic/13644>

³ Далее текст смазан

⁴ В РКП.: *костыль*

⁵ Над строкой другими чернилами: *10 глас*

⁶ Специальность матроса по парусному вооружению корабля.

СЕКСТ ПОМПЕЙ ФЕСТ. О ЗНАЧЕНИИ СЛОВ. ИЗБРАННЫЕ ГЛОССЫ*

DE VERBORUM SIGNIFICATU
ON THE MEANING OF WORDS. SELECTED GLOSS

Одним из важнейших антикварно-грамматических сочинений является частично сохранившийся труд римского грамматика II в. Секста Помпея Феста «О значении слов», являющийся, по сути, энциклопедией по римской архаике, представленной в форме лексикона, построенного по алфавиту. Труд сохранился частично. Но сохранилась полностью его эпитома, составленная в VIII в. Павлом Диаконом, частично восполняющая утраченный текст Феста. Сочинение никогда не переводилось на русский язык, нет и его современных переводов на другие языки. В настоящем приложении публикуются сохранившиеся глоссы на букву S.

Ключевые слова: Римские грамматика, Веррий Флакк, Секст Помпей Фест, Павел Диакон, «О значении слов»

One of the most important antiquarianism works which partly survived is *De Verborum Significatu* written by Sextus Pompeius Festus, a Roman grammarian of the 2nd century A.D. This treatise is an encyclopedia of Roman archaism presented in the form of alphabetically arranged lexicon. The treatise has partly survived but its epitome made by Paulus Diaconus in the 8th century survived in full which in a way restores the lost Festus's text. The writing has never been translated into Russian, there are no modern translations into other languages either. This publication includes glosses on letter S.

Keywords: Roman grammarians, Verrius Flaccus, Sextus Pompeius Festus, Paulus Diaconus, *De verborum significatu*

[428]

<**Sarpta vinea**> – обрезанный виноградник, то есть очищенный; действительно, маленькие побеги мешают развитию лозы, поэтому их обрезают; отсюда, как полагают, происходит [слово] *sarmenta* (лозы). В самом деле, древние ставили *sarperere* вместо *purgare* (очищать).

<**Sa**>**rte** в авгурских книгах используется вместо *integre* (внимательно): «*sane sarteque audire videreque*» (здорово и внимательно слушать и смотреть). По этой причине *sarcta tecta* называют общественные постройки, которые сдаются в аренду [с условием], что будут содержаться в целостности и сохранности (*integra*). Ведь *sarcire* означает *integrum facere* (ремонтировать).

Sarra называли остров, именуемый нынче Эпиром.

<**Sardare**> означает «понимать». Невий в книге «О Пунической войне» <...> (71): «*Quod bruti nec satis sardare queunt*» (Что глупцы не вполне понять могут).

* Продолжение. Начало см.: Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2018. Вып. 8. С. 88–96; 2019. Вып. 10. С. 105–128; Вып. 11. С. 101–125.

«**Sardi venales, alius alio nequior**» (Сарды, выставленные на продажу, один другого дешевле). Эта пословица произошла, как кажется, оттого, что во время Капитолийских игр, которые справлялись селянами, одетыми в претексты, обычно устраивается распродажа вейентов, и на нее аукционист приводит самого древнего и дряхлого старика, одетого в тогу претексту с золотой буллой на груди. Эти знаки отличия были присущи царям этрусков, которых именуют сардами, поскольку этрусски произошли от сардов, проживавших в Лидии. Действительно, Тиррен, выдвинувшись оттуда с большим числом соплеменников, занял ту часть Италии, которая теперь зовется Этрурией. Но Синний Капитон говорит, что консул Тиб. Гракх, коллега Публия Валерия Фальтона¹, осадил Сардинию и Корсику, но в качестве добычи захватил лишь только пленников, стоимость которых была очень низкой из-за огромного их числа.

[430]

Sarcito. Сервий Сульпиций говорит, что в законах XII таблиц (8, 9) *sarcito* означает «пусть возместит ущерб», «пусть предоставит».

Sardanapallus (Сарданапалл) – ассирийский царь, ведший исключительно разнузданный образ жизни и проводивший все время, постоянно и неизменно, среди женщин и пиров.

Sargus (сарг) – рыба, которая почти исключительно водится в Египетском море. Луцилий (1276): «*Quem praeclarus helops, quem Aegypto sargus movebit*» (Этому рыба гелопс, а этому – сарг из Египта... – пер. Е. Рабинович).

Saturnia. Италию называли Сатурнией (Saturnia), а холм, который теперь называется Капитолийским, – Сатурнием (Saturnius), поскольку, как считается, находятся они под защитой Сатурна. Сатурниями (Saturnii) называли также тех, кто жил в лагере у подножия Капитолия, где перед Троянской войной появился алтарь, посвященный этому богу, поскольку возносили они здесь свои молитвы, не покрывая голов. Действительно, италики, следуя почину Энея, покрывают головы, так как он, когда совершал священнодействия на берегу Лаврента в честь матери Венеры, покрыл голову, чтобы не быть узнанным Одиссеем и не прервать по этой причине жертвоприношение; таким образом, он избежал того, чтобы быть уведенным врагом.

[432]

Saturno. Праздник, посвященный Сатурну², отмечается в декабре, потому что в этом месяце ему был посвящен храм; под его защитой, как кажется, находится обработка земель, почему его атрибутом и является серп. Кроме того, древнейшие стихотворные строки, в которых Фавн предсказал, как кажется, судьбу людям, именуются Сатурнийскими. Стихами такого размера написана Невием поэма «О Пунической войне», и многие другие авторы использовали сатурнийский стих для написания своих сочинений. В песнях салиев зовется этот бог *Sat<e>urnus*, от *sationes* (посевы) разумеется.

Sas. Веррий полагает, что *sas* означает *eas* (их), чему свидетельством служит Энний, который говорит в первой книге (101): «*Virgines; nam sibi quisque domi Ro-*

¹ Римские консулы 238 г. до н.э.

² Т.е. Сатурналии.

manus habet sas» (Девы; ведь каждый римлянин при себе держит их дома); хотя представляется, что *sas* скорее означает *suas* (своих). Все же надо признать, что в седьмой книге (218) того же автора это слово означает *eam*, когда он говорит: «*Nec quisquam [philo]sophiam*» (эта наука не имеет латинского наименования) «*sapientia quae per<h>ibetur, in somnis vidit prius, quam sam discere coepit*» (Никто, прежде чем начать изучать ее, не видит философию, которой приписывается мудрость, во снах). То же и когда он говорит *sapsa* вместо *ipsa*, эту форму он использует в книге шестнадцать (430): «*Quo res sapsa loco sese ostentatque iubetque*» (В том месте, где вещь эта и изъясляет себя, и приказывает). И Пакувий в «Тевкре» (324): «*Nam Teucrum regi sapsa res restibillet*» (Ведь сама сила обстоятельств возвратит царю Тевкра).

Scaevam. В просторечьи *scaeva* используется в отношении как благоприятного, так и неблагоприятного знамения, когда говорят *bonam et malam scaevam* (хорошее и плохое знамение); однако писатели обычно использовали его в значении «плохое знамение», греки употребляют в этом случае σκαίον. Хостий в книге об Истрийской войне (7) использует *scaevus* в значении «левша» <...>.

[434]

<**Saperda**> – вид наихудшей рыбы. Имеет также значение «разумный», когда Варрон говорит (Men. 312): «*videmur nobis saperdae, quum simus σαπροί*» (всем нам кажется: мы красавцы, весельчаки и умники, а на деле мы гнилье; – пер. М. Гапсарова).

[**Sandaracam.** Он же говорит, что *sandaraca* – вид краски, которую греки именуют *sandyx* (сурик). Невий (com. 123): «*merula sandaracino ore*» (дрозд черный клювом ярко-красным).]

[<**Sabini, quod <volunt somniant>**> (сабиняне видят во сне то, что хотят). Синий Капитон говорит, что это старая поговорка возникла оттого, что всякий, кто ради удачной поездки намеревался произвести жертвоприношение, приглашал обычно человека из сабинян, поскольку тот обещал увидеть необходимые предзнаменования во сне. Таким образом, после своего пробуждения, сабинянин рассказывал, производившим жертвоприношение, обо всем, что увидел во сне, и как именно должно было производиться жертвоприношение. Оттуда, говорят, и вошло в поговорку: «сабинянам сниться обычно то, чего они хотят». А поскольку сильная жажда вела к тому, что некоторые старые женщины видели во сне, как утоляют ее, стало популярным и такое выражение: «чего старуха желает, то ей и снится». Ведь почти всегда мы видим во сне то, чего наяву желаем в душе.]

[**Samb<uca>**. Так именуется вид музыкального инструмента, от которого происходят *sambycistriae* (играющие на самбуке). По аналогии с ним называют так и осадную машину, с помощью которой приступом берутся города, ибо как в музыкальном инструменте натягиваются струны, так в осадной машине – канаты.]

[436]

[<**Sa>mnitibus.** Сообщают, что самниты получили свое наименование от копья, которое греки называют σαβνία; другие говорят, что наименование этого народа происходит от тех, которые в соответствии с обрядом священной весны были

изгнаны сабинянами из их общины и под руководством Комия Кастролия заняли холм, именуемый Самнием; оттуда и названы.]

[<**Salari**>**iam viam**. <...> говорит, что Соляная улица (*Salaria via*) начинается у ворот, которые именуются теперь от Квиринальского холма Коллинскими. Соляной же она называется по той причине, что было позволено возить по ней соль от моря к месту проживания сабинян.]

<**Salacia**>. Богиня названа Салацией оттого, что «вздымает море» (*salum ciet*); в древности поэты использовали это слово в значении «вода». Пакувий в <...> (418): «*hinc saevitiam Salaciae fugimus*» (оттого бежим мы от свирепости Салации). <...>

<**Salutari**>**s porta**. Ворота названы Целительными (*Salutaris*) от храма богини здоровья и благополучия Салюс (*Salus*), рядом с которым они находились, либо зовутся они так от [слова] *salutationes* (приветствия)¹.

[<**Thymelici**>. Игры, которые называем теперь Тимелийскими (*Thymelici*), некогда именовались Сценическими (*scenici*)². Историки сообщают нам, что впервые они были проведены курульными эдлами <...> и М. Попилием; во время их проведения мимы обычно разыгрывали пантомиму в оркестре, прибегая, пока на сцене разворачивалось действие пьесы, и к неприличным жестам.]

«**Salva res <est, dum cantat> senex**»³. Веррий в пятой книге, в которой появляются слова на букву Р, пояснил, почему паразиты Аполлона часто повторяют на сцене эту фразу. Так как в консульство П. Сульпиция и Г. Фульвия⁴, когда городской претор М. Кальпурний Пизон проводил игры, граждане внезапно ринулись к оружию, побужденные известием о наступлении врагов; одержав победу, они возвратились в театр, беспокоясь, чтобы прерывание игр не навлекло беды и чтобы их не пришлось возобновлять. Там они нашли Г. Помпония, мима-вольноотпущенника почтительного возраста, который танцевал, подыгрывая себе на флейте; таким образом, возглас, изданный от радости, что религиозное торжество не было прервано, произносится еще и теперь. Но в этой же книге Веррий сообщает о словах Синния Капитона. Тот говорит, что игры эти в честь Аполлона, проведенные в консульство Клавдия и Фульвия, были учреждены в соответствии с Сивиллиными книгами и пророчеством предсказателя Марция, и не упоминает ни о каком Помпонии. Вызывает смех то, что он обращается здесь к объяснению названия паразитов Аполлона, хотя опустил его в своем месте. Он говорит, что зовутся они так оттого, что Г. Волумний, который плясал под флейту, играл роль вторичную, роль паразита, который встречается почти во всех шутовских комедиях. Не стесняясь, привел я вновь пример этот непостоянства нашего Веррия.

[438]

Salios. Хотя нет нужды сомневаться в том, что жрецы-салии названы так от глаголов *salire* и *saltare* (прыгать), однако Полемон говорит, что был некий арка-

¹ Храм находился на Коллинском холме, на *collis Salutaris*. Он был освящен в 302 г. до н.э. диктатором Г. Юнием Бубульком (*Liv. IX. 43. 25; X. 1. 9*).

² Проводились в рамках Мегалезийских игр, посвященных Кибеле, введенных в 204 г. до н.э.

³ «Благо, пока поет старик».

⁴ Возможно консулы 211 г. до н.э. П. Сульпиций и Гн. Фульвий.

дянин, по имени Салий, которого Эней привел из Мантинеи в Италию; будучи молодым, он обучил италиков танцу ἐνότλιον. Согласно же Критолаю, этот вид танца салиев учредил Саон из Самофракии, который вместе с Энеем перенес своих богов-пенатов в Лавиний; от него они названы салиями. Поскольку для них там, где они останавливаются, весь день устраиваются обильные обеды, Салийскими (*saliages*) именуется и всякие иные большие застоля.

[439]

Salmacis. Говорят, что источник в Галикарнассе был назван Салмацидом по имени нимфы Салмазии, дочери Неба и Земли, по той причине, что всякий, кто пил из него воду, становился способным к бесстыдству. Поскольку подступы к нему окружены стенами, то возникает возможность для развязных молодых людей чинить насилие в отношении юношей и девушек, пришедших к источнику раньше их, поскольку путь к бегству для них оказывается закрыт. Энний (*trag.* 338): «*Salmacida spolia sine sanguine et sudore*» (Салмациды добыча без крови и пота).

Salias virgines. Цинций говорит, что салийки – это специально нанятые девушки, которые присоединяются к процессии салиев; они одеты в военный плащ и украшены шапкой с хохолком. Элий Стилон написал, что они вместе с понтификами совершают жертвоприношение в Регию, по образу и подобию салиев надев военный плащ и с апексом на голове.

[440]

Spondere. Веррий полагает, что *spondere* (клятвенно обещать) произошло от того, что обещание дается *sponte sua*, то есть «по собственной воле». Однако уже в следующей главе, забыв о том, он говорит, что *sponsus* (жених) и *sponsa* (невеста) произошли от греческого слова, так как греки во время священнодействий устраивают σπονδαῖς (возлияния).

Salicem. Он же говорит, что *salix* – вид кустарника, а не дерева. Интерпретация его смехотворна. По его мнению, слово произошло оттого, что куст растет очень быстро, и кажется, что он как бы выпрыгивает (*salire*) [из земли].

Salinum. Он же говорит, что солонка вместо сосуда для воды ставится обычно на стол вместе с тарелкой, поскольку соль это та же вода.

Salentinos. Саллентины (*salentini*)¹ названы так от [слова] «море» (*salum*); критяне и иллирийцы, которые, будучи мореплавателями, заключили союз с локрийцами, [жителями] той области Италии, которая зовется от них [Локраями]².

[<**Seculares ludi**>. Столетние игры³ проводились на поле царя Тарквиния Суперба с того времени, как консул Валерий Попликола посвятил его Марсу, потому как уже до того римский народ приносил жертвы на этом месте и, кроме того, посвятил Плутону и Прозерпине алтарь на краю Марсова поля, именуемый Тарентом

¹ Племя в южной Калабрии, к юго-востоку от Тарента.

² Так называемые Локры Эпизефирские, находившиеся в Бруттии на юге Италии.

³ Игры, посвященные Плутону и Прозерпине, первоначально именовавшиеся Тарентийскими (по месту на Марсовом поле). Истоки их возводятся к консулу Валерию Попликоле или сабинянину Манию Валезию Тарентину. Имели очистительный характер, сопровождалась молениями, жертвоприношениями, цирковыми состязаниями, пением. Несмотря на название, имели нерегулярный характер, справлялись в 249, 146, 17 гг. до н.э., 47, 87, 147, 204, 247 гг. н.э.

(Tarentum). Алтарь находился под землей приблизительно на глубине двадцати футов; на него римский народ возносил обычно жертвы, дабы отвращать от себя несчастья. Сто девяносто два года спустя эти игры были возобновлены в консульство М. Валерия Корвина и М. Попилия Лената¹, после того, как римский народ возносил жертвы богам в течении трех дней и ночей; после было установлено провести эти игры вновь спустя сто лет, откуда они и получили наименование Столетних (Seculares), поскольку проводятся они раз в сто лет.]

<Sc>uti<lum> – [нечто] тонкое и худое; происходит от греческого слова. Когда мы человека называем *scutilus*, то имеем в виду худого человека, у которого только кожа да кости. Во время погребальной процессии мы называем так кого-либо по той причине, что *scutilus* здесь происходит от *scrutilus* посредством отбрасывания буквы R, а означает оно человека, который обладает способностью проникать в суть вещей (*scrutari*). Но слово *scutilo* произошло от греческого, им мы указываем на кожевника.

[<Squalidum>. Веррий говорит, что *squalidus* означает «грязный» и «неопрятный»; слово произошло оттого, что кожа неопрятного человека очень схожа с чешуей (*squama*) рыб, особенно тех, что обитают в глубинах болот, и покрыты грязной коркой. Откуда Энний в «Телефе» (287): «*Quam vestitus, squalida saeptus stola*» (Покрытый им, завернутый в грязный покров)².]

[442]

Squarrosos. Он же говорит, что *squarrosi* (покрытые паршой) названы так от той же схожести [их кожи] с рыбой чешуей (*squama*): кожа их вздыбливается от скопившейся грязи. Луцилий (1121): «*varonum ac rupicum squarrosa incondita rostra*» (Дурней и наглых невеж паршивые грубые хари; – пер. Е. Рабинович).

Schoeniculas. Плавт называет блудниц *schoeniculae* из-за использования ими дешевой мази из сшена (*shoenus*) – худшего вида благовоний. Так он говорит (Cist. 407): «*Diobolares schoeniculae, miraculae, cum extertis talis, cum todillis crusculis*» (Несчастные скелеты, двухгрошовые, / Намазанные всем на удивление, / С истертыми лодыжками; – пер. А. Артюшкова). И он же (Poen. 266): «*Prosedas pistorum amicas, reliquias alicarias, miseras schoeno dilibutas, servilicolas, sordidas*» (Меж подонков, непотребных баб, подружек мельников, / Для услуг рабам готовых? Все в грязи... – пер. А. Артюшкова).

[**Scorta.** Зовутся так блудницы по обычаю селян, которые, как то принято в ателланах у древних, говорили обычно, что пользуют их вместо шкуры ягнят, ведь все, что изготовлено из кожи, именуется *scortea*.]

[<Scortes>, то есть кожа бараньих тестикул. Веррий говорит, что слово произошло от тех же, изготовленных из кожи, изделий.]

Scandu<laca> – вид травы, враждебной для культурных растений, ибо, обвиняясь вокруг них подобно плющу, она губит их.

Scapten<sula> – место, где добывается серебро в Македонии; названо так от [глагола] «рыть», по-гречески *σκάλτεν* означает «рыть». Лукреций (6, 810): «*qualis*

---

¹ Консулы 348 г. до н.э.

² См.: Non. Marc. 537, 23.

expiret Scaptensula subter odores» (Что за ужасный идет из-под почвы Скаптенсулы запах; – пер. Ф.А. Петровского).

[S>pa<ra> – дротики самого малого размера, названы так оттого, что ими осыпают (*spargere*) противника. Луцилий (1315): «*tum spara, tum rumices portantur, tragula porro*» (Стрел и дротов черед, а потом и метательных копий; – пер. Е. Рабинович.)]

Scitum populi. Решение народа есть то, что патрицианский магистрат внес [на рассмотрение народного собрания], а народ утвердил своим голосованием <...>. Плебисцит есть то, что плебейский трибун или эдил внес [в собрание плебса], а плебс обсудил и принял. Плебс же – это весь народ за исключением патрициев¹.

[444]

<**Scitae**>. Поэты используют это слово иногда в отношении женщин благообразной внешности, иногда в отношении искусных женщин. Теренций в «Формионе» (110): «*satis, inquit, scita*» (Сказал лишь: «Недурна!») – пер. А. Артюшкова); и в «Самоистязателе» (764): «*At si scias, quam scite in mentem venerit*» (Когда б ты знал, как ловко мне пришло на ум! – пер. А. Артюшкова). Энний в шестнадцатой книге (438): «*lumen <...> scitus agaso*» (свет <...>; искусный ездовой).

Scenam. Очевидно, что *scena* именовали железное орудие. Однако имеются сомнения относительно того, был ли это топор, или секира. Цинций в книге «О древних словах» говорит, что это топор понтифика. Ливий в «Лидии» (com. 2): «*Corruit quasi ictus scena, haut multo secus*» (Рухнул словно от удара топора, или сродни тому).

Scirpus (тростник) – растение, которое произрастает в болотистых местах, гладкое и длинное, из него изготавливают циновки. Оттуда имеется поговорка касательно того, что не составляет никакой сложности: «*In scirpo nodum quaerere*»². Энний (*Sat.* 70): «*Quaerunt in scirpo, soliti quod dicere, nodum*» (Говорят о том обычно, что узел ищут в тростнике они). И Плавт в «Кладе» (595): «*Quasi pueri, qui nare discunt, scirpo induetur ratis*» (Как начнут учиться плавать дети, так под них кладут / Тростниковую плетенку; – пер. А. Артюшкова). Невий в «Пунийцах» (79): «*Sume arma, iam te occidam clava scirpea*» (Возьмись за оружие, а то убью тебя дубиной тростниковой).

Spira называют от схожести всех этих вещей и основание колонны с одним или двумя выступами, и бублик, пекаря труд, и морской канат, скрученный в круг. Пакувий (385): «*Quid cessatis, socii, eicere spiras sparteas?*» (Медлите что, союзники, ме-

¹ Текст глоссы имеет большие лакуны. Приведенный перевод сделан в соответствии реконструкцией, предложенной Т. Моммзеном. Однако имеются и иные реконструкции. См., например: Маяк И.Л. Римляне ранней Республики. М., 1993. С. 81–82. Реконструкция, предложенная М.А. Саванье (Op. cit. II. 590), более полная, но и более сомнительная: «Решение народа (*scitum populi*) есть то, что постановило своим голосованием все сословие патрициев без плебса по внесению предложения патрицианским [магистратом]; решения, которые внесены кем-либо из отцов и проголосованы плебсом, именовались писаными законами (*leges scribtae*); плебисцит (*plebiscitum*) же есть то, что плебейский трибун внес на рассмотрение, то есть на одобрение плебса без патрициев, и плебс утвердил (*plebes scivit*). Плебс же – это весь народ за исключением сенаторов и патрициев».

² Букв.: «Искать узел в тростнике»; т.е. искать трудности там, где их нет.

чите тростниковые стрелы?). Энний называет так некое множество людей, когда говорит (Ann. 510): «*spiras legionibus nexunt*» (в легионы составляют отряды).

Spectu Пакувий употребил без приставки в [пьесе, именуемой] «Раб Орест», когда говорит (147): «*amplus, rubricundo colore, et spectu protervo ferox*» (огромный, красноватого цвета, дикий, со взглядом дерзким).

Spetile именуют особого рода мясо свиньи без костей ниже пупка, им пользовались также и древние. Плавт так говорит в «Угольщице», перечисляя многочисленные закуски из свинины (49): «*Ego pernam, sumen, sueres, spetile, *galium*, glandia*» (Хочу я окорок, свиной сосец, мяса свиного да брюшинки, языков свиных).

[446]

Spicit (он смотрит) древние также употребляли без приставки. Плавт (Mil. 694): «*Flagitium est, si nihil mittetur, quae supercilio spicit*» (И беда, коли не дашь им, поведет бровями так! – пер. А. Артюшкова). Как и *spexit* (увидел). Энний в шестнадцатой книге (Ann. 421): «*Quos ubi rex <E>pulo spexit de co[n]tibus celsis*» (Как только царь Эпулон увидел их с вершины скал).

Spirillum. Аврелий Опил говорит, что так называют бородку козы.

Spintyrnix – вид птиц безобразной формы¹ (carm. inc., p. 52): «*occursatrix artificum, perdita spinturnix*» (мастеровых встречающая, птица безобразная). Как говорит Сантра, зовется она по-гречески σπινθαρίς.

Spicum (колос). Древние употребляли это слово в мужском роде², подобно тому, как говорили они *hunc stirpem* (этот побег) и *hanc amnem* (эта река)³. Есть древняя строка (com. inc. 68): «*Quasi messor per messim unumquemque spicum collegit*» (Колосок к колоску собирает словно жнец во время жатвы).

Speres (надежды) древние употребляли во множественном числе, как, например, Энний во второй книге (128): «*Et simul effugit speres ita funditus nostras*» (И как только сбежал, так наши надежды полностью...). И в шестнадцатой книге (429): «*Spero, si speres quicquam prodesse potis sunt*» (Я надеюсь, если надежды хоть чем-то способны помочь).

Spectio в авгурских книгах авгуры используют вместо *aspectio* (наблюдение) и *nuntiatio* (уведомление о наблюдении); в них содержится все право священнодействий. *Spectio* постольку, поскольку сообщением о том, что они наблюдали, авгуры не могли препятствовать магистратам, которые действовали в соответствии с их советом; а предоставлено это право наблюдения без права извещать об увиденном, чтобы магистраты действовали на основе своих ауспиций, и чтобы не препятствовали они другим своим толкованием увиденного.

Scripturarius зовется общественное поле, за выпас скота на котором установлена определенная плата; названо оно так оттого, что публикан заключает письменное (*scribere*) соглашение с пастухом.

Scribas. В собственном смысле древние называли *scribae* переписчиков книг и поэтов. Теперь же именуются так только те писари, которые записывают на дощеч-

¹ Возможно, филин.

² Т.е. *spicus*, *i*.

³ *Stirps* в классической латыни слово женского рода, *amnis* – мужского, тогда как в архаической латыни первое – мужского, а второе – женского.

ках общественные счета. А когда Ливий Андроник¹ написал во время Второй Пунической войны поэму, что была исполнена девами во имя процветания римского государства, ему публично на Авентине предоставили храм Минервы, в котором было позволено пребывать поэтам и актерам, а также возносить дары; [и все это] во славу Ливия, поскольку он и писал пьесы, и участвовал в их постановке.

[448]

Scraptae именовали, как говорит *Веррий*, легкомысленных и презренных женщин; получили они такое наименование от слова *screa*, которое обозначает то, что каждый имеет обыкновение отхаркивать, пока делая так, не очистится. Тициний в «Прилии»: «*Rectius mecastor Piculetae Postumae lectum hodie stratum vidi scratiae mulieris*» (Клянусь Кастором, видел я сегодня расстеленную кровать куртизанки Пикулеты Постумы).

Scrutillus именовали свиное брюхо, начиненное спрятанной [в него] начинкой. Плавт (inc. frag. 43): «*venter suillus* <...>» (брюхо свиное <...>).

Spinther. Спинтером звался вид браслета, который обычно носили древние женщины в верхней части левой руки. Плавт (Men. 527): «*Iubeasque spinther novum reconcinnarier*» (Пусть эту змейку заново отделает; – пер. С. Радлова).

<**Scrupi**> именуют неприступные и трудные для восхождения скалы <...>. Эний в «Андромеде» (100): «*scrupeo investita saxo atque [h]ost<reis squamae scabrent>*» (Чешуи, словно покрытые острым камнем и устрицами). Оттуда мы называем то дело *scrupulosa*, которое содержит в себе нечто затруднительное. Корнелий Сизенна в четвертой книге «Истории» (124): «*His tum iniectus est levis scrupulus et quaedam dubitatio...*» (Тогда вселилось в них легкое беспокойство и некоторое сомнение). <...>

<**Scrau**>**tum** звался кожаный колчан, в который укладываются стрелы; назван так по той же причине, что и *scortum* (кожа): ведь и то, и другое происходит от греческого слова *σκύτος* (кожа). Оттуда же слова *scuticae* (плетки) и *scuta* (щиты), поскольку они также из кожи.

Sceleratus campus² называют поле у Коллинских ворот, на котором живьем закапывали дев весталок, которые совершили инцест.

<**Scribonianum**>. Скрибониановым зовется путеал³ перед атрием, который устроил Скрибоний. Ему было дано поручение сенатом исследовать места, пораженные молнией. И он позаботился о том, чтобы на месте, пораженном молнией, установить святилище. Согласно некоторым авторам, римляне не знали, как устроить такое святилище, они полагали, что противно религии покрывать такое место. Поэтому там небо всегда остается открытым благодаря маленькому отверстию [в своде].

¹ Поэт, драматург, актер второй половины III в. до н.э., основатель латинской литературы. В 207 г. до н.э. его гимн, посвященный Юноне, был спет 27 девушками, после чего в храме Минервы была учреждена коллегия писателей и актеров.

² «Запятнанное преступлением поле».

³ Пораженное молнией огороженное освященное место.

[450]

Sceleratus vi<cus>¹ называют улицу в Риме оттого, что когда Тарквиний Гордый совершил убийство царя Сервия, своего тестя, его тело, лежащее [на ней], переехала на повозке [собственная] дочь, спеша вступить во владение отцовским домом.

Scele<rata porta>. Ворота в Риме некоторые именуют Губительными; их называют и Карментальскими, поскольку находились они рядом со святилищем Карменты. Губительными же они стали именоваться оттого, что через них выступили в поход против этрусков триста шестьдесят Фабиев вместе с пятью тысячами их клиентов и все они погибли в сражении у реки Кремеры. По этой причине стали считать, что входить и выходить через них – плохая примета.

<Schedi>a (плот) – безыскусный вид плавсредства, изготовленного из балоков, связанных между собой, на котором развозят товары в случае утраты судна <...>. Луцилий называет так плохие стихи и несовершенные поэтические строки, когда говорит (1279): «*Qui schedium faciunt inconditum*» (Те, что безыскусные строки кропают).

Sexagenarios. Некогда с моста скидывали [людей], достигших шестидесятилетнего возраста. Манилий приводит для этого следующее обоснование. В Риме, который населяли первоначально Аборигины, был обычай посвящать ежегодно Плутону одного из тех, кому исполнилось шестьдесят лет; с приходом Геркулеса они отказались от этого обычая. Но с целью сохранения древнего религиозного ритуала решили в соответствии с древним обычаем сбрасывать с моста в Тибр человеческие подобия из тростника. Согласно другим, этот ритуал появился во время пребывания Геркулеса в Италии, когда некоторые из его спутников расселись вдоль берегов Тибра; именовались они по имени их родины Аргоса Аргеями, а этим родом жертвоприношения стремились сохранить о ней память. Иные рассказывают, что в древние времена некий Аргеий, греческий посланник, находился в Риме. Когда он умер, жрецами было принято установление отослать подобие его, сделанное из тростника, <...> по реке и морю на его родину. Есть те, которые говорят, что нехватка продовольствия, возникшая после освобождения Рима от галлов², побудила римлян к тому, чтобы сбрасывать в Тибр людей, достигших шестидесятилетнего возраста; один из их числа, сокрытый сына добросердечием, часто через сына помогал своей родине советом. Когда об этом стало известно, юношу простили, а шестидесятилетнему отцу сохранили жизнь. Что касается того тайного места, где он прятал (арсере), то есть держал и скрывал старика, то казалось, что должно сделать его неприкосновенным; таким образом оно было названо *Arcaea*. Но наиболее обоснованным поводом для появления этого ритуала является следующий случай. Когда впервые начали в комициях голосовать, проходя через мостки (pons), молодежь³ воскликнула, что должно сбросить с мостков шестидесяти-

¹ «Запятнанная преступлением улица». Ср. *Varr. LL. V. 159*.

² Рим был захвачен галлами под руководством Бренна в 390 г. до н.э.

³ Т.н. *iuniores*. В войске в состав юниоров входили воины от 18 до 46 лет, участвовавшие в военных кампаниях. Лица от 47 до 60 входили в число т.н. *seniores*, которые не участвовали в походах, но помогали в защите города при осаде. Лица старше шестидесяти были освобождены от воинской обязанности.

летних, которые не несут более никаких публичных обязанностей, дабы они сами, а не эти старики, выбрали бы себе предводителя. Этого мнения придерживается и Синний Капитон. Афраний же в «Разведенном» (fr. 8) поддержал ложное мнение о Тибрском мосте.

[452]

Secus означает «иначе»; *sexus* – природа или свойство, происходит от греческого слова ἕξις. Афраний в «Пасынке» говорит так (240): «*orbis virili sexu adoptavit sibi*» (не обладая мужской силой, он усыновил его). Пакувий в «Аталанте» (68): «*Triplicem virili sexu partum procreat*» (Порождает он трех потомков мужского пола).

Simpludiarea funera – похороны, к участию в которых допускаются только гладиаторы и танцоры. Некоторые утверждали, что это такие похороны, во время которых не устраивают никаких игр, ведь те похороны, которые сопровождаются не только играми, но и конными ристаниями, именуют *indictiva funera*; этот последний вид похорон был наиболее помпезным.

Sex suffragia именуются те шесть центурий всадников, которые были включены в число центурий всадников по установлению царя Тарквиния Древнего.

Sestertius – четвертая часть денария, тогда, когда последний стоил десять [ассов], то есть два с половиной фунта¹.

[454]

Sinistrae aves² и *sinistrum* – благоприятные предзнаменования, то есть те, которые допускают действие. Варрон в пятой книге «Эпистолярных вопросов» говорит: «*A deorum sede quum in meridiem spectes, ad sinistrum sunt partes mundi exorientes, ad dexteram occidentes; factum arbitror, ut sinistra meliora auspicia, quam dextra esse existimentur*» (Когда ты в полдень производишь наблюдения по левую сторону от места нахождения богов находятся восточные регионы мира, по правую – западные; я полагаю, что по этой причине предзнаменования исходящие с левой стороны более благоприятны, чем те, что с правой). Почти того же мнения придерживаются Синний Капитон и Цинций.

Sentinare – находиться в трудном положении; произошло от *sentina* – нижней части корабля, ибо корабль, если он зачерпывает много воды, то оказывается в опасности. Цецилий в «Этрионе» (4): «*Cum Mercurio capit consilium, postquam sentinat satis*» (Держит совет он с Меркурием, а после оказывается в беде).

Senatores. Вполне известно, что сенаторы называются так от «старости» (*senectus*); [это те], кого первоначально Ромул выбрал в числе ста и по чьему совету управлял государством. Они также зовутся и «отцами» (*patres*); и теперь, когда приказывают сенаторам собраться, то кричат: «кому в сенате дозволено принимать решение»; поэтому те из «младших» (*iuniores*), что после проведения ценза получили магистратуру, хотя и высказывают свое мнение в сенате, однако не называются сенаторами, пока не будут внесены в цензовые списки «старших» (*seniores*).

Senatus decretum. Сенатский декрет Элий Галл отличает от сенатусконсульта так: он называет декретом некую маленькую часть сенатусконсульта, как когда

¹ Сестерций – серебряная монета, до 217 г. до н.э. равная 2, 5 ассам. Ср.: *Varr. LL. V. 173*.

² Букв.: «благоприятные птицы», то есть птицы, несущие благоприятное знамение.

кому-либо определяется провинция, тогда как само решение [сената] является сенатусконсультом.

Senis crinibus. Голову невесты украшает прическа из шести кос оттого, что таковая была наиболее древней. Некоторые полагают, что обычай этот связан с тем, что такую прическу носят девы-весталки, а жены обещали своим мужьям хранить свое целомудрие подобно весталкам.

Sentes. Хотя известно, что *sentes* означает «терновые кусты», Афраний в «Соблазненной» (1) написал: «*Quam senticosa verba pertorquet turba!*» (Сколь извращает толпа [смысл] замысловатых слов!); *senticosa* здесь следует понимать как «замысловатые» (*spinosa*).

Senium (старость) употребил в «Гимниде» (73) Цецилий, произведя слово от свойственных старости горести и немощи: «*Sine suam senectutem ducat utique ad senium sorbitio*» (Пусть испьет он старость свою вплоть до дряхлости капля за каплей).

[**Senonas Gallos.** Считается, говорит Веррий, что галлы-сеноны зовутся так оттого, что первоначально, когда пришли из-за Альп, названы были они ксенами¹ (ξένοι), а впоследствии – сенонами.]

[<**Septentriones**> зовутся семь звезд оттого, что две из них кажутся запряженными в упряжь быками, которых селяне называют от слова «земля» (*terra*) *triones*, потому как запряженные вместе они пашут землю (*terram agent*), как если бы говорили *terriones*. Остальные названы Повозкой (*axis*), так как греки именуют созвездие это Ἄρμαξα, а также потому, что похоже оно отчасти на дышло (*temo*); отсюда Энний (178) говорит: «*Superat Temo stellas*» (Обходит Повозка звезды). Но ученые-естествоиспытатели, которые изучали расположение этих семи звезд, говорят, что зовутся они семизвездием (*septentriones*) оттого, что семь звезд расположены так, что каждые три ближайшие образуют три треугольника (*tria trigona*).]

[456]

Scensas. Сабины называли *scaensae* то, что теперь зовется *cenae* (обеда). То, что сегодня *prandium* (завтрак), они именовали *cena*, а вместо того, что сегодня *cena*, они говорили *vesperna* (ужин).

[**Signa** именуются и вещей, и божеств изваяния, либо из камня, либо из терракоты, либо из других подобного рода материалов, а также и те, что высекаются из мрамора. Но скульптуры, поставленные в чью-то честь и обладающие портретным сходством, именуются статуями (*statuae*).]

[<**Sequester**>. Секвестром именуется тот, кто меж тех, кто спорят в суде, является посредником, и как между ними договорено, удерживает переданную ему на хранение вещь, являющуюся предметом спора, с тем, чтобы отдать ее тому, кто установит на нее свое право. Катон в той речи, которую произнес он по поводу бедняков (1): «*Sinunt miseros perire, ut bona rapiant; aut, si superstites petant, seques prodent*» (Позволяют они погибать несчастным, чтоб добро грабить; а если выжившие потребуют, передают на хранение). И Плавт в «Купце» (737): «*Immo sic sequestro mihi data est*» (Нет, вот как, на хранение до суда она / Была поручена мне; – пер. А. Артюшкова).]

---

¹ То есть «чужаками».

Sepulchrum (погребение), как говорит Элий Галл, есть место, на котором умерший погребен; древние называли его *bustum*. Оно обозначено надмогильными столбами, или чем-то подобным, указывая на границы захоронения.

Segnitia (медлительность) происходит от *sine nitendo*, то есть «без стремления к тому, что полезно и достойно». Теренций (Andr. 206): «*Enimvero, Dave, nihil loci est segnitiae neque socordiaie*» (Ну, Дав, уж больше места нет беспечности и лени! – пер. А. Артюшкова).

Signare теперь означает «помечать знаками» (*signis notare*), как то делается в отношении скота; но древние употребляли его в значении «писать», откуда можно встретить *subsignare* и *consignare* вместо *subscribere* (подписывать) и *conscribere* (записывать).

[458]

<**Septimontium**> (Семихолмие) именуется день в декабре... Он наступает после дня, который именуется в фастах Агоналиями, поскольку в этот день на семи холмах (на Палатине, Велии, Фагутале, Субуре, Цермале, Оппии и Циспии) совершаются жертвоприношения¹.

[**Sifus**. Это слово использовалось в значении «труба»; то, что по-гречески σίφων. В законе о реках, который был внесен в народное собрание по предложению Сер. Сульпиция... «...*montani paganive sifis aquam dividunto: donec eam inter se diviserint, praetoris iudicatio esto*» (Пусть жители гор и равнин отведут воду с помощью труб; и пока делят они ее меж собой, пусть будет то в юрисдикции претора).]

Si<parium>. Как говорит Веррий, *siparium* – завеса, которой пользуются мимы на сцене, названа так от женского одеяния, что зовется суппаром (*supparum*). Суппаром именуется и долон, передний меньший парус на судне, тогда как больший – акатионом (*acation*). Синний Капитон говорит, что суппаром называли и то, что как бы отделено и не связано с внутренней частью судна.

[<<**Sepultum m>orte meroque**>> когда говорит Луцилий (dub. 1374)...о Л. Теренции, магистре этрусского пага в Риме, он хочет сказать, что тот живьем бросился с Тарпейской скалы, куда направился пировать, и что к тому он был побужден опьянением.]

Seplasia – площадь в Капуе, на которой было большое количество торговцев благовониями, о чем упоминает Цицерон (Pis. 24): «*Seplasia[m] me hercule, ut dici audiebam, te ut primum aspexit, Campanum consulem repudiavit*» (Клянусь Геркулесом, Сеплазия, как я слышал, отвергла тебя в качестве консула Кампании сразу, как только взглянула на тебя).

Saticula – город в Самнии, что был захвачен; впоследствии в консульство Л. Папирия Курсора и Г. Юния², избранного в консулы во второй раз, туда в январские календы была выведена в соответствии с сенатским постановлением колония триумвирами М. Валерием Корвом, Юнием Сцевой, П. Фульвием Лонгом.

Segesta – город в Сицилии, который теперь так зовется, был, очевидно, основан Энеем, поставившим во главе его Эгеста; он то и назвал город Эгестой (*Egesta*). Но имени этому предпослали букву S, чтобы не имело оно непристойного зна-

¹ Праздник справлялся 11 декабря в честь включения семи холмов в городскую черту.

² Консулы 313 г. до н.э. См.: Liv. IX. 28. 5-6.

чения¹. Так случилось с Малевентом, который был назван Беневентом, и с Эпидамном, который именуют Диррахием.

[460]

Seliquastra – вид древнего сидения; зовется так в силу замены буквы d на l. Подобным образом образовались и такие слова как *sella* (кресло), *subsellium* (скамья), *solium* (архаическое кресло римского царя), которые произошли от глагола *sedere* (сидеть).

Silus называют того, у кого нос вздернут кверху, а [ноздри] раскрыты. Отсюда по аналогии также и шлемы называют *silae*.

Silvi. Сильвиями названы альбанские цари от сына Лавинии, которого та, будучи беременной по смерти Энея и страшась опасностей для жизни своей и того, кого носила во чреве, родила, скрываясь в лесу (*silva*). А после смерти Аскания он вновь получил царскую власть, обойдя при этом брата, сына Юла, когда между ними возник спор о власти².

Sertorem. Некоторые полагают, что *sertor* произошло от [глагола] «братъ», потому что того, кто берет кого-нибудь за руку с целью отпущения на свободу из рабства, именуют *adsertor* (освободитель). Хотя более вероятно, что звали так того, кто что-либо сажает. Так что скорее, что *adsertor* получил свое наименование от *serere* (сажать), потому как он стремится предоставить индивиду ту же свободу, которой обладает сам, то есть «присоединяет» к свободным, ибо растения, когда их сажают, соединяют с землей. Веррий ἀπιθάνως³ включил это в свою книгу.

Seges именуется та часть поля, что вспахана и засеяна. Разумеется, от *serere* (сеять).

Serilia. Веррий полагает, что зовутся так истрийские и либурнийские плавсредства, которые скрепляются льном и спартом; названы так от *conserere* (сплетать) и *contexere* (соединять). Поэтому Пакувий говорит в «Ниптре» (250): «*Nec ulla sub<s>cus cohibet [et] conpagem alvei, sed suta lino et sparteis serilibus*» (И никакой шип не удерживает соединения лодочки, соединены они льном да веревками из спарта), выражаясь περίφραστικῶς и используя придуманное слово вместо *funiculus* – тонкого каната, который изготавливался из спарта.

Servorum dies festus. Праздником рабов считаются в народе Иды августа, поскольку в этот день Сервий Туллий, раб по рождению, посвятил на Авентине храм Диане, под чьей защитой находятся олени; отсюда и беглецов от быстроты их бега называют оленями.

«**Sero sapiunt Phryges**» («Поздно фригийцы мудреют»). Эта поговорка возникла от троянцев, которые лишь на десятый год пожелали вернуть Елену ахейцам вместе с тем, что было похищено с нею.

[462]

Sispitem. Древние Юнону, которую обычно именуют *Sospes* (Спасительница) называли *Sispes*; это слово, как кажется, заимствовано из греческого языка и происходит от σώζειν (спасать).

¹ Egesta – «выброшенная», «изгнанная», «опустошенная».

² См.: Dionys. I. 70.

³ «Безосновательно».

Sultis означает *si voltis* (если желаете); образовано посредством стяжения подобно другим, как, например: *sodes* (если угодно) из *si audes, sis* (пожалуйста) из *si vis, ilicet* (прочь) из *ire licet, ilico* (немедленно) из *in loco, scilicet* (разумеется) из *scias licet, equidem* (конечно) из *ego quidem*. Энний (Ann. 532): «*Pandite sultigenas et corde relinquite somnum*» (Раскройте, коль желаете, очи да очистите ум ото сна).

Setius (позже) произошло, как кажется, от *sero* (поздно). Акции в «Амфитрионе» (93): «*Si forte paulo, quam tu, veniam setius*» (Я не приду тебя позже, разве лишь только чуть-чуть).

Sedum. Некоторые траву, которая согласно Аврелию Опиллу зовется *sesuvium*, называют *sedum*, другие *sedum*; сеют ее на черепице; он не указывает, однако, по какой причине это делается.

Specus (пещера) древние употребляли в женском роде, подобно *metus* (страх) и *nepos* (внук); тогда как *Hercules* (Геркулес), а также *stirps* (побег), как и *frons* (лоб), – в мужском, как то у Энния (Ann. 440): «*Tum caua sub monte alte specus intus patebat*» (У подножья горы открылся вовнутрь зев пещеры тогда широко); и у Пакувия в «Хрисе» (99): «*Est ibi sub eo saxo penitus strata harena ingens specus*» (Есть там, под тою скалой, огромная пещера, выстланная песком изнутри).

Spondere прежде использовали вместо *dicere* (говорить), откуда и сегодня употребляется глагол *respondere*, но позднее стали использовать его в значении обещания, даваемого на вопрос другого.

Subditus (подставленный) называют того, кто предоставлен вместо умершего; на место умершего судьи предоставляется судья тем, у кого тот был судьей, но разумеется, для рассмотрения того же самого дела или тяжбы.

[<Saturno>. Жертвы Сатурну приносят с непокрытой головой. Понтифик Метелл приказал авгуру Клодию присутствовать при совершении им этого жертвоприношения, приняв участие в инаугурации фламина Сер. Сульпиция. Но Клодий отказался, объясняя это тем, что его семейные священнодействия, в соответствии с которыми он должен производить жертвоприношения с покрытой головой, вступают с тем в противоречие, ведь Сатурну подобает приносить жертвы с непокрытой головой. В ответ понтифик наложил на него штраф, который Клавдий обжаловал. Но позднее, примирившись с понтификом, Клодий, совершив семейные священнодействия и освободившись тем от религиозного обязательства, принес жертвы Сатурну.]

[464]

[<Sa>xum **Tarpeium**. Говорят, что часть горы, именуемая Тарпейской скалой, названа так от девушки по имени Тарпея, сброшенной с нее за то, что она сговорила сдать эту гору сабинам. Либо названа она так оттого, что некто по имени Л. Тарпей, выступивший против царя Ромула из-за похищения сабинских девушек, был наказан за свое преступление в той части горы, где находится эта скала. Почему и не хотели связывать это запятнанное убийством место с остальной частью Капитолия.]

S<captia tribus> (Скаптийская триба) названа так от наименования города Скапция, в котором жили латины.

Stellatin<a tribus> (Стеллатинская триба) названа так не от области, что находится в Кампании, а той, что поблизости от города Капена, что принадлежала этрускам, они и назвали ее *Stellatinum*.

Sabatin<a> (Сабатинская триба) названа так от озера *Sabas*.

Sabini. Как говорит Веррий, сабины названы так оттого, что это племя почитает прежде всего богов, то есть ἄλλο τοῦ σέβεισθαι (от «почитать»).

Sanqualis porta (ворота, посвященные богу Санку). Так названы ближайшие к храму Санка (*Sancus*) ворота; зовутся они так по той же причине, что и птица *sanqualis*¹.

Silere означает «молчать». Это составное слово с буквой *s*, которая является и началом слова и знаком молчания.

[**Sellae curulis**. Почета ради диктатору Валерию и его потомкам было предоставлено в Цирке место для курульного кресла, чтобы взирали они на зрелища, сидя рядом со святилищем Мурции, откуда наблюдали за зрелищами магистраты.]

<**Sontica**> **causa** (уважительная причина) происходит от [выражения] *morbus sonticus* (смертельная болезнь), поскольку если с кем приключается эпилептический припадок, мы прекращаем всякое публичное дело. М. Порций Катон в речи о делах Флоры (1): «*A. Atili, quid dicam causae exstitisse, timidus ne sis? An impedimento tibi causam sonticam fuisse?*» (Что скажу я А. Атилию, какова оказалась причина того, что ты не был почтителен? Была ль препятствием тебе на то уважительная причина?)

<**Stiricidium**> (снегопад) – как бы *stillicidium*, поскольку капли (*stillae*) падают (*cadere*), застыв на морозе. Катон в речи в защиту ... (1): «*Nihilominus voluit semper de stiricidio in re praesenti cognoscere atque statuere*» (Желал он, тем не менее, всегда в насущном деле узнать о снегопаде и принять решение).

[466]

[**Sacramento**. *Sacramentum* зовется то, что совершено посредством произнесения клятвы (*iuris iurandi sacratione*). Оттуда говорится, что кто-то отвечает, предоставив *sacramentum*, оттого, что приводится он к клятве. Так Катон в речи против Кв. Терма о десяти (4): «*Atque etiam aderant, ne mala fide appareret scelera nefaria fieri, poscentes, ut sacramento traderentur, lege aestimarentur*» (Были и те, которые требовали, дабы не творились злоумышленно гнусные злодеяния, чтобы вносился процессуальный залог в соответствии с размером, установленным в законе).]

<**Siremps**> (совершенно такая же) употребляется вместо *eadem* (та же [вещь]) или *proinde ac ea* (точно такая же и эта), как бы подобная другой вещи. Катон в сохранившейся речи, произнесенной с целью воспрепятствовать принятию закона (1): «*Et praeterea rogas, quemquam adversus ea, si populus condempnaverit, uti siremps lex, siet, quasi adversus leges fecisset*» (А кроме того ты просишь, чтобы народ судил всякого, кто был бы против этого, словно против закона, как если бы тот поступал противно законам).

Spiciunt. Свидетелем того, что древние использовали этот глагол без предлога, служит Катон, который в речи, которую он произнес против Кв. Терма о десяти (5): «*Ut solent evitare sonivios, nisi, qui sempiterni sunt, quos quum occurrant, nec*

¹ Предположительно орлан-белохвост или скопа.

spiciunt, neque ratos volunt» (Поскольку не принимают они обычно благоприятные знамения, разве только не происходят они непрерывно, когда те случаются, они не замечают их и не желают считать их имеющими значение).

<Spa>**tiatorem** [есть] *erratorem* (заблуждающийся). Катон в речи против гуляки М. Целия, если тот будет апеллировать (3): «*In coloniam, mehercules, scribere nolim, si trium virum sim, spatiatorem atque fescenninum*» (Если бы я был триумвиром, то, клянусь Геркулесом, не пожелал бы записать в колонию фланера и куплетиста; – пер. Н.Н. Трухиной).

Stata sacrificia – жертвоприношения, которые должны совершаться в определенные дни. Катон в речи, которую написал против Л. Ветурия о порученном жертвоприношении по случаю лишения его коня (2): «*Quod tu, quod in te fuit, sacra stata, solempnia, capite sancta deseruisti*» (Потому что ты покинул то, что было вверено тебе: обряды календарные, ежегодные, глубоко священные; – пер. Н.Н. Трухиной).

Sollemnia именуются жертвоприношения, которые обычно производятся в определенное время и в определенные годы.

Serra proeliari («сражаться пилой») говорится, когда постоянно наступают и отступают, не останавливаясь ни на минуту. Катон в сочинении «О военном искусстве» (11): «*Sive forte opus sit cuneo, aut globo, aut forcipe, aut turribus, aut serra, uti adoriare*» (Либо, чтобы атаковать, должно наступать плотным клином, или скопом, или клещами, или каре, или пилой).

Stercus. Нечистоты из храма Весты выносятся за 17 дней до июльских Календ в переулочек, что почти в центре Капитолия, это место запирается воротами, именуемыми *Stercoraria*. Настолько предки ваши чтили благочестие.

Summisiorem. Гай Марий возвел храм Чести и Достоинства ниже прочих, чтобы авгуры не потребовали разбирать его, если он случайно станет мешать публичным ауспициям.

[468]

Sex vestae sacerdotes (шесть жриц Весты) были установлены, чтобы народ от каждой своей части имел свою жрицу для священнодействий, поскольку римское государство было разделено на шесть частей: на первых и вторых Тициев, Рамнов и Луцервов.

Salinum. Считается плохой приметой у гончаров ставить на стол солонку с солью, ибо некогда на Эсквиллине гончар, в то время как печь была разогрета и наполнена сосудами для обжига, пируя рядом с нею и будучи изрядно пьян, заснул вместе со своими сотрапезниками, а проходивший мимо некий прохожий, поскольку дверь была открыта, решил пошалить и бросил в печь солонку, взяв ее со стола. Это вызвало пожар и гончар сгорел вместе со своими сотрапезниками.

Sacramentum (процессуальный залог) именуется та медь, которая выплачивается в качестве штрафа либо тем, кто требует, либо тем, кто оспаривает требование. В одних делах он составляет 500 ассов, в других – 50. Выставляется он теми, кто ведет меж собой тяжбу в суде. Законом плебейского трибуна было постановлено о том в таких выражениях: «*Всякий претор, который рассматривает дела среди граждан, пусть предложит народу избрать триумвиров по уголовным делам; и по-*

сле того как все эти триумвиры будут избраны, пусть они потребуют [внести] процессуальные залогов (*sacramenta*) и пусть судят, и в силу того же права пусть будут требовать и судить так, как подобает по законам и плебисцитам». Эта медь стала называться *sacramentum* оттого, что расходовалась на религиозные нужды из-за нехватки средств в казне и большого количества публичных священнодействий.

Sextantari asses. Ассы равные двум унциям появились в обращении с того времени, когда из-за Второй Пунической войны, что велась с Ганибаллом, сенат постановил из ассов, которые тогда были либральными, сделать двухунциевые; благодаря этому при оплате долгов и народ освобождался от своих долгов, и частные лица, которым было необходимо выплатить долг государству, терпели не столь значительный убыток.

[470]

Septuennio. *Энний* использовал это слово как числительное, но оно вышло из употребления, не будучи в широком употреблении в древности.

Senacula. Никострат в книге, озаглавленной «О созыве сената», сохранил сведения о том, что в Риме было три места, именуемых *senacula*, в которых обычно собирался сенат. Первое, где теперь находится храм Согласия между Капитолием и Форумом, где имели обыкновение магистраты обсуждать вопросы только со старшими по возрасту; второе – у Капенских ворот; третье – по эту сторону от храма Беллоны, где сенат собирался для выслушивания иноземных послов, которых не желали впускать в город.

Scholae (школы) названы так не от праздности и свободы от всего, но оттого, что будучи освобожденными от прочих дел, дети должны заниматься там свободными искусствами; они именуется также *ludi*, хотя в них не играют (*ludere*) вовсе, чтобы дети не боялись тяжкого их имени и не избегали своих обязанностей.

Subici зовется баран, который предоставляется в случае убийства. Так поступают, как говорит Цинций в книге «Об обязанностях юрисконсульта», по примеру афинян, у которых искупления ради баран приносится в жертву тем, кто совершил непредумышленное преступление, в качестве искупления наказания.

<**Speciem**>. То, что мы называем *species*, греки называли εἶδος, Платон же – идеей. У нас *species* употребляется в том же значении.

[**Sesterti**. <...> говорит, что сестерций содержит в себе два с половиной (*semis*) асса. Отчего сестерций и назван, как если бы говорили семистерций (*semistercius*). Но впоследствии число ассов в сестерции возросло. У древних, действительно, денарии были равны в цене десяти ассам и соответствовали десятиассовым монетам, которые именовались тогда *quadrigati* и *bigati*¹. Что монета в пять ассов именовалась *quinarius*, сообщает <...>. Число ассов [в них] было доведено до шестнадцати в соответствии с законом Фламиния², принятым в связи с тем, что римский народ был отягощен последствиями войны с Ганнибаллом.]

¹ На первой была изображена колесница с четверной упряжкой, на второй – с парной. См.: s.v. Grave aes. P. 87.

² Lex Flaminia minus solvendi. Закон был принят в 217 г. до н.э. Ввел унциальную систему. Теперь десять прежних ассов равнялись шестнадцати новым. См.: s.v. Sestertius. P. 452; Sextantari asses. P. 468.

[**Solida sella.** Веррий говорит, что на цельном кресле (*solida sella*) мог сидеть тот, кто бодрствовал, встав поутру с целью совершения ауспиций, потому как древние кресла, используемые при совершении ауспиций, изготавливали без каких-либо внутренних полостей. И по той причине, что в них не было ни единой полости, называли их *solidae*. Веррий говорит, что *solidum* есть то же, что и *totum* (весь, целый). Мне кажется абсурдным, что все, как он говорит, что является цельным, зовется *solidum*.]

[472]

<**Silatium**> древние употребляли вместо того, что мы сейчас называем *iantaculum* (легкий завтрак), потому что натошак (*ieiuni*) они до полудня потягивали вино, приправленное жабрицей.

Suffragator<**res**> древние называли тех, кто обычно помогал кандидатам. Так, чтобы лучше учесть голоса избирателей, суффрагатор отмечал в списке кандидатов, ставя у каждого имени точку, за кого кто намерен голосовать. Об этом сообщает Варрон в седьмой книге «Древностей человеческих».

Struppi называют венки, сплетенные из священных ветвей, которые помещают во время лектистерний¹ за головами богов.

[<**Septem dies**> или просто *septem calo* публично объявляет магистрат в случае, если ноны будут приходиться на седьмое число месяца.]

<**S>ecespitam.** Антистий Лабеон говорит, что *secespita* – это продолговатый железный нож с округлой цельной ручкой из слоновой кости, скрепленный с рукоятью серебром и золотом, зафиксированными гвоздями медными из кипрской меди, которым пользовались фламины, фламиники, весталки и понтифики при жертвоприношениях; <...> оттого и звался он *secespita*.

<**Secivum**> – хлеб или пирог; назван так оттого, что разрезается ножом, именуемым *secespita*; он приносится, когда совершаются «необходимые» (*necessarii*) жертвоприношения².

<**S>uffimenta – [угощения], которые изготавливали из бобов и размолотого проса, и окропляли вином с медом. Их жертвовали богам в то время, когда отжимали под прессом раздавленный виноград.**

<**Serpsi**> древние использовали вместо *serpserit*³. Те, кого мы сейчас называем *serpentes* (змеи), а прежде звали *serpulae*, произошли из греческого [языка], поскольку греки называют их ἑρπετά, мы же ставили букву s вместо их придыхания, как например: ἕξ – *sex* (шесть), ἑπτὰ – *septem* (семь).

[474]

<**Su>ffibulum – четырехугольный вытянутый в длину белый платок, окаймленный пурпурной полосой, которым девы-весталки покрывают голову всякий раз, когда приносят жертвы; его скрепляют фибулой.**

¹ Жертвоприношения, когда изваяния богов укладывались на ложа (*lecti*) перед жертвенным столом. Руководили пиршеством эпулоны. См.: s.v. *Epolones*. P. 68.

² Жертвоприношения в связи с захоронением усопшего, осуществляемые лицами, входящими в категорию *necessarii*. См. s.v. *Necessarii*. P. 159 L.

³ См.: s.v. *Serpula serpserit*. P. 477.

<**Silentio surgere**> (вставать молча) говорится о человеке, который заполночь встает молча со своей постели для совершения ауспиций, а встав с постели садится на цельное кресло и сидит, чтобы ничего не пропустить в этот момент, бдит, пока вновь не возвращается в свою кровать: ведь молчание это есть возможность избежать любой огрешности при ауспициях. Вераний говорит о возможности встать не только с кровати, но и с иного ложа, и о том, что встав, не обязательно после снова ложится в постель.

<**Sar**>**puntur vineae**, то есть «лозы подрезаются», как то в законах XII таблиц (6, 8): «*Quandoque sarpta, donec dempta erunt*» (Когда же виноград будет срезан, пока [жерди] не убраны; пер. И.И. Яковкина).

Summanalia liba – пироги из полбяной муки, изготовленные в форме колеса.

Suffuerat означает «он оказался под одной и той же крышей» (*sub eodem tecto fuerat*).

Scribunt lapidem. Антистий Лабееон говорит, что в Медуллийской области имеется камень с письменами, именуемый *scribunt lapidem*, а назван он так оттого, что связан был со священнодействиями.

Se quamque есть *seorsum quamque* (каждая в отдельности).

Sanates названы [народы], которые жили выше и ниже Рима. Это название было им дано оттого, что когда они отложились от римлян, то уже вскоре вернулись к дружбе, как бы *sanata mente* (в здравом уме). Также в законах XII таблиц (1, 5) было установлено, что пользуются одним правом и санаты, и форкты: они никогда не изменяли римскому народу.

Sublicare arbores означает обрезать нижние ветви деревьев и как бы *subtus lucem mittere* (пропускать свет под низ); *conlucare* же [означает] наполнять пространство светом, вырубая деревья.

Spurcum vinum – это вино, которое, как говорит Антистий Лабееон в десятой книге «Комментариев к понтификальному праву», нельзя использовать для жертвоприношения, поскольку оно смешано с водой или суслом, либо нагревалось на огне, либо это молодое, не перебродившее вино.

Septimontio. Как говорит Антистий Лабееон, Септимонций – праздник, связанный со следующими семью холмами: Палатином, на котором совершают жертвоприношение, именуемое *Palatuar*; Велией, где совершают то же жертвоприношение; Фагугалом; Субурой; Цермалом; Оппием; Циспием. Как сообщает Варрон в восьмой книге «Древностей человеческих», Оппий был назван так от Опитра Оппия из Тускула, который, посланный с войском тускуланцев для защиты Рима, пока Тулл Гостилий осаждал Вейи, расположился в Каринах и разбил там свой лагерь. Аналогичным образом Циспий получил свое название от Левия Циспия из Анагнины, который по той же причине взял под защиту ту часть Эсквилина, которая располагалась в направлении Патрицианской улицы, в этой части находится храм [богини] Мефиты.

[476]

Sistere fana. Это выражение, когда речь шла об основании города, означает «устанавливать в городе места будущих святилищ», хотя Антистий Лабееон говорит в пятнадцатой книге «Комментариев к понтификальному праву», что выраже-

ние *sistere fana* означает «производить лектистернии определенным богам в определенных местах».

Subigere arietem, говорит в той же книге Антистий, означает «предоставлять барана», который выдается и убивается вместо самого [виновного].

«**Bene sponsis, beneque volueris**». Мессала Авгур говорит, что в мольбах авгуров это выражение означает *spoponderis* (ты клятвенно пообещаешь), *volueris* (ты пожелаешь).

«**Serpula serpserit**». Тот же Мессала говорит, что выражение *serpula serpserit* означает *serpens inrepsert* (змея прокралась*).

Solino. Он же говорит, что *solino* есть *consulo* (совещаюсь).

Suad ted. Он же говорит, что *suad ted* означает *sic te* (так тебя).

Stellam. Атей Капитон, следуя авторитету авгура П. Сервилия, говорит, что звезда является счастливым и благоприятным знаком, почему изображение звезды, изготовленное из медной пластинки, прикрепляется в местах, где производятся ауспиции.

Sinistrum. Атей Капитон говорит, что при совершении ауспиций *sinistrum* означает счастливое и благоприятное предзнаменование; тогда как *silentium* – лишь отсутствие какого-либо порока. Таким образом, когда говорят *silentium surgere* это означает «не прерывать совершаемого действия». Когда же говорят *sinistrum*, это означает «призывать» к совершению ауспиций всякого, кто вознамерился их произвести.

Satis. По моему мнению, слово *satis* Веррию лучше было опустить, чем высказывать по поводу него столь абсурдное мнение. Зная его, я намеренно его опустил, как и объяснение слова *scabrum*, которое непосредственно следовало за предыдущим.

[478]

Stipatores. Он же говорит, что телохранители (*stipatores*) названы так от слова заработок (*stips*), который они получали в качестве вознаграждения за охрану какого-либо лица. Оттуда и *stipa* (солома), которой обычно перекладывают амфоры, когда их складывают; так же и *stipites* (колья), которые втыкались в землю с тою же целью.

Sollicitare. Некоторые полагают, что глагол *sollicitare* (склонять) образован из *solo citare*, то есть «сдвигать со своего места» и «способствовать к отказу от своего мнения». Кто ж станет сомневаться в том, что *solum* означает место, когда и *exsules* (изгнанники) называют тех, кто изгнан с территории своей родины.

**РУКОПИСНЫЙ ПРОЛОГ XVII В. ИЗ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
СЫКТЫВКАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
(ОПЫТ НАУЧНОГО ОПИСАНИЯ)**

**HANDWRITTEN PROLOGUE XVII CENTURY FROM UST-TSILMA
THE COLLECTION OF THE NATIONAL LIBRARY
OF SYKTYVKAR STATE UNIVERSITY
(THE EXPERIENCE OF THE SCIENTIFIC DESCRIPTIONS)**

В статье представлено полное научное описание рукописного Пролога (июнь–август) конца XVII в. из собрания научной библиотеки Сыктывкарского государственного университета (НБ СыктГУ. УЦ собр. 246 р.). Рукопись была привезена сыктывкарскими археографами в 90-е гг. XX в. из с. Усть-Цильма. Пролог – одна из самых ранних старообрядческих рукописей Усть-Цилемского собрания НБ СыктГУ, составленная в первое десятилетие церковного раскола. Согласно читательским записям на Прологе, книга в первой половине XIX в. находилась в селе Покча Троицко-Печорского района Коми Республики. Автор статьи не исключает возможности принадлежности рукописи библиотеке Великопермского скита, откуда она могла попасть в село Покчу после пожара 1825 г. Сопоставительный анализ состава чтений Усть-Цилемского Пролога (июнь–август) с рукописным Прологом конца XVI – начала XVII в. (ЛАИ УрФУ. XVII.15/719 р) и печатными изданиями книги в XVII в. показал, что книга была переписана с мартовской половины Пролога 1662 г. издания Московского печатного двора. Характерной особенностью Усть-Цилемского Пролога является использование, в отличие от издания, дониконовской орфографии, что позволяет видеть в переписке противника книжных реформ патриарха Никона.

Ключевые слова: северорусская книжно-рукописная традиция, круг чтения старообрядцев Нижней Печоры, рукописный Пролог XVII в., московские издания Пролога в XVII в., научное описание рукописи, сопоставительный анализ проложных чтений.

The article presents a complete scientific description of the manuscript of the Prologue of the end of the XVII century from the collection of the Scientific Library of Syktyvkar state University (Syktyvkar state University, the scientific library of. UC Coll. 246 p.). The manuscript was brought by Syktyvkar archeographers in the 90s of the XX century from the village of Ust-Tsilma. The prologue is one of the earliest old believer manuscripts of the Ust-tsilem collection, compiled in the first decades of the Church schism. According to membership records in the Prologue, the book in the first half of the nineteenth century was in the village Paccha Troitsko-Pechrsky district of the Komi Republic. The author does not exclude the possibility of membership of the manuscript Velikopermskogo Hermitage, came in with Pocco after the devastating fire of 1825, a Comparative analysis of the composition of the readings of the Ust-Tsilma Prologue (June-August) with handwritten Prologue and printed books in the XVII century showed that the book was rewritten with the March half of the Prologue 1662, the Moscow print yard. A characteristic feature of UC PR is the use of pre-spell that allows you to see the scribe of the enemy's book the reforms of Patriarch.

Keywords: book-the manuscript tradition and the reading of the Lower Pechora old-believers; handwritten prologue XVII century, Moscow editions of the Prologue in the seventeenth century, a scientific description of the manuscript, comparative analysis prolejnah readings.

По вопросу бытования рукописной книги на Нижней Печоре опубликовано немало исследовательских работ [1, с. 9–23]. Данная статья продолжает изучение круга чтения печорских крестьян и посвящена исследованию рукописного Пролога¹ третьей четверти XVII в., обнаруженного в 90-е гг. XX в. сыктывкарскими археографами в селе Усть-Цильма Республики Коми. Книга включала краткие жития святых, сказания и поучения, расположенные в календарном порядке на каждый день года и привлекала читателя своим душеполезным и актуальным содержанием. Как показывают исследования усть-цилемской книжности, Пролог всегда занимал важное место в книжности Низовой Печоры. Так, в 1955 году ленинградскому археографу В. И. Малышеву в деревнях Скитской и Загривочной, расположенных на р. Пижме (приток Печоры), удалось приобрести сразу три рукописных полугодовых Пролога XVI в. [6, с. 470, 473]. На одной из рукописей сохранилась запись холмогорца «Феодора Иванова, сына Шебунина» скорописью XVII в. о покупке книги, а на другом – владельческая запись XIX в. устьцилема Емельяна Авраамовича Чупрова [6, с. 484]. О том, что Пролог представлял особый читательский интерес для печорских книжников, свидетельствуют и сохранившиеся письма 50–70 гг. XX в. старообрядческого книжника и наставника Степана Анфиногеновича Носова (1902–1981). В них С.А. Носов часто ссылается на Пролог, чтение которого, по его словам, наряду с Писанием, есть «самое душеспасительное, особенно в нынѣшнее время послѣднее» [3, с. 334]. В письмах к Е. И. Осташеву С. А. Носов не раз советует ему в решении сложных житейских вопросов обращаться к книге Пролог, которая на примерах житий святых учит преодолению различных страстей, покаянию, подготовке к смерти («дабы не быть задержану на мытарствах»), дает ответы на вопросы «душевного спасения» («много есть по сему вопросу в Прологе»; «напамяну, слово в Прологе есть...»; «о чем много писано в житиях, книгѣ Прологѣ во весь год...», «есть писано в Прологу много, и даже один случай указывает...», «для ясности привожу слово из Пролога 17 декабря...» и т. д.) [3, с. 305, 355, 273, 318]. По словам С. А. Носова, Пролог являет примеры того, «как угождали Богу в житии своемъ святые, вѣдь они такие же люди были, какъ и мы, но только вѣру в Бога имѣли непоколебимую, ради чего терпѣли мучения, лишения всякия. Если у вас есть Пролог, по нему много примѣров видно...» [3, с. 253]. В последние годы жизни Степан Анфиногенович имел на руках два Пролога: первый за «декабрь-январь-февраль месяцы», взятый «в пользование для чтения от <...> Агрипины Алексеевны (Носовой) <...> деревни Загривочная» и еще один «Пролог на 6 месяцев года» [3, с. 332–334]. Вполне возможно, что Пролог, привезенный археографической экспедицией из с. Усть-Цильма в 90-е гг. XX в., также был известен книжнику С. А. Носову, бравшему в пользование (для составления сборников) книги из библиотек своих односельчан.

Пролог (НБ СыктГУ. УЦ собр. 246 р.) – одна из ранних старообрядческих рукописей Усть-Цилемского собрания НБ СыктГУ, составленная в первые десятилетия церковного раскола. Две читательские записи 1835 г. покчинских крестьян Петра Емельяновича Соколова и Ефима Можаяева указывают на бытование книги в первой половине девятнадцатого столетия в селе Покча Троицко-Печорского рай-

¹ НБ СыктГУ. Усть-Цилем. собр. 246 р. Пролог (июнь–август), вторая половина XVII в., 350 л.

она¹. Мы не исключаем возможности принадлежности рукописи одному из старообрядческих скитов на Пижме или Цильме. Известно, что в 1743 г. обитатели Великопоженского «скита – свыше 70 человек – предали себя огню <...> Однако оставшиеся после «гари» великопоженцы возобновили скит. В 1825 г. он вновь стал жертвой пожара, уничтожившего все строения. В 40-е гг. монастырь приходит в упадок. Все имущество, в том числе книги и иконы, было вывезено в Усть–Цильму» [1, с. 13]. Возможно, книга уже после пожара попадает в с. Покча. Заметим, что голубоватая бумага, приклеенная к обеим крышкам переплета Пролога, говорит о реставрации книги в I половине XIX в.

Нами был проведен сопоставительный анализ состава чтений усть-цилемского Пролога (далее: УЦ Пр) со списком Пролога 2-й ред. кон. XVI – нач. XVII в. Вятского собрания ЛАИ УрФУ². Сопоставления показали, что УЦ Пр, сильно отличаясь по составу чтений, был переписан с какого-то печатного издания Пролога. После просмотра всех изданий Пролога XVII в. мы убедились в том, что УЦ Пр, включающий чтения только на июнь-август, был переписан с издания мартовской половины Пролога 1662 г. Московского печатного двора³ [4, с. 91]. Состав статей рукописного Пролога (НБ. СыктГУ. УЦ р 246) и его печатного аналога (Пролог. М., Печ. двор, 1662) за летние месяцы полностью совпадает, за исключением упоминаний о святых без чтений, которые составитель УЦ Пр при переписке опускает. Характерной особенностью (как орфографической, так и идеологической) УЦ Пр является использование дониконовского написания «Исусъ» вместо «Иисусъ» и «во вѣки вѣкомъ» вместо «во вѣки вѣковъ», «Росіи» вместо «Россіи» и т. д., что позволяет видеть в переписчике противника Никоновских книжных реформ и приверженца сторонников «древляго благочестия» [5, с. 177]. Возможно, в неприятии переписчиком патриарших книжных реформ и заключалась главная причина появления рукописного варианта старопечатного Пролога, тогда как само содержание проложных чтений его, как видим, вполне устраивало. Сопоставление состава чтений «рукописного» Пролога 2-й ред. и «печатного» Пролога 1662 г. было представлено нами в сопоставительной таблице, которую мы недавно опубликовали [6, с. 201–315].

В семнадцатом столетии старопечатный Пролог (далее – ССП) переиздавался восемь раз. Активная редакционная работа по подготовке первых изданий Пролога начинается с 40-х гг. XVII в., однако самые существенные изменения были внесены в его четвертое издание (1661–1662 гг.), когда состав проложных чтений значительно обогатился новыми памятниками о русских чудотворцах, отчего ССП стал представлять собой «совершенно новую редакцию синаксарного отдела» [7, с. 70]. «Московское государство – “Великая Русия” – изображалась в нем (Прологе. – *Е.П.*) как главный центр истинной христианской веры» [8, с. 177]. Книжный ры-

¹ Известно еще одно село с названием Покча, находящееся на реке Колва Чердынского района Пермской области, однако с. Покча на Печоре не только расположено ближе к с. Усть-Цильма, где была обнаружена рукопись, но и относится к местам локализации старообрядческого населения с книжно-рукописной традицией.

² ЛАИ УрФУ. XVII. 15р / 719, конец XVI – начало XVII в.

³ Пролог, вторая половина [март-август]. М.: Печатный двор, 17.Ш. 1662 (23.IX.7169 – 17.Ш.7170). Алексей, межпатриаршество. 970 лл. (Зерн., 296).

нок как никогда переполняется печатными изданиями книги, важной не только в духовной сфере, но политической. Особое внимание уделяется святым покровителям рода Романовых. Так, вместо одного чтения в рукописном Прологе о «Принесении мощей св. мч. Феодора Стратилата» – «Ангела» патриарха Филарета (в миру Феодора) и царевича Феодора III Алексеевича, на 8 июня в СПП представлено два чтения: «Память св. вмч. Феодора Стратилата» и пространное похвальное слово «Мучение св. славного вмч. Феодора Стратилата, ново преведено с греческаго языка во славенский», которое также предлагалось прочитывать «после кафизм». Чтения «по кафизмахъ» предписывалось еще в двенадцатые праздники Слово на Преображение Господне прп. Ефрема Сирина (6.08), Слово на Успение Пресв. Богородицы прп. Андрея, архиеп. Иерусалимского, Слово на Рождество Иоанна Предтечи св. Афанасия, архиеп. Александрийского (24. VI.) и Похвала свв. верховным апп. Петру и Павлу свтл. Иоанна Златоустого (29. VI).

Если рукописный Пролог 2-й ред. за июнь – август имел лишь пять памятей русским святым: Мартину Туровскому (27. VI.), блж. княгине Ольге (11. VII.), блж. мчч. Варягу и Иоанну Киевским (12. VII.); св. и равноап. князю Владимиру Киевскому (15. VII.), свв. мчч. Борису и Глебу (24. VII.), то уже в печатный Пролог 1643 г. к этим чтениям добавляется десять житий русских святым (прп. Дионисию Глушицкому (1. VI); прп. Кириллу Белозерскому (9. VI); свв. благоверным Петру и Февронии Муромским (25. VI); упоминание о св. блж. Прокопии Устюжском (8. VII); прп. Макарию Желтоводскому (25. VII); св. блж. Василию Московскому (2. VIII); обретению мощей прп. Сергия Радонежского (5. VII); прп. Антонию Римлянину (3. VIII); перенесению мощей св. Петра, митр. Киевского (24. VIII); прп. Александру Свирскому (новое чудо) (30. VIII), а также три русских сказания о чудотворных иконах («О явлении иконы Пресв. Богородицы во градъ Казани» (8. VII); «Знамение от иконы Пресв. Богородицы в вѣси Псковской в Черсках» (16. VII) и Сретение иконы Пресв. Богородицы Владимирской (26. VIII.).

В ССП 1660 г. (июнь–август) добавляется статья о перенесении мощей св. Филиппа, митр. Московского (9. VII) и два сказания «Об избавлении Пресв. Богородицей от Ахмата, Ординскаго царя» (23. VI) и «О положении Ризы Господней и сказание о еже, како принесена бысть Аббас шаха в царствующий град Москву в 1624 г.» (10. VII).

В СПП 1662 г. в летние месяцы прибавляется еще 14 новых статей, посвященных русским святым – новым чудотворцам (прп. Игорю, князю Киевскому (5. VI); прп. Александру Куштскому (9. VI); прп. Тихону Луховскому (16. VI); блж. царевичу Петру Ростовскому (29. VI); прп. Никодиму Кожеозерскому (3. VII); прп. Евфросинии Суздальской (7. VII); прп. Стефану Махрищскому (14. VII); прп. о.н. Авраамии Галицкому (20. VII); прп. Моисею Угрину (26. VII); прп. Авраамии Смоленскому (21. VIII); прп. Арсению Комельскому (24. VIII); прп. Савве Крыпецкому (28. VIII); обретению мощей прп. Евфимия Суздальского (4. VII); перенесению мощей прп. Феодосия Печерского (14. VIII)¹. Всего же годовой Пролог 1661–1662 гг. добавляет 38 новых статей о русских святых [9, с. 252]. Кроме того, в Пролог

¹ Также добавляются заглавия без чтений о св. блж. Николе Кочанове, Христа ради Юродивом, Новгородском чудотворце, о перенесении мощей царевича Димитрия и обретении мощей блж. Максима, Христа ради Юродивого.

1662 г. впервые вошли 4 сказания русского происхождения о чудотворных иконах и чудесных явлениях (о явлении чудотворного образа Пресв. Богородицы, «иже на Колоче» (9.VII); об иконе Пресв. Богородицы и Приснодевы Марии «Смоленския» (28.VII); об образе великаго чудотворца свт. Николы, «како принесень был на Рязань» (28.VII); Повесть об иконе Пресв. Богородицы «Грузинския» (29.VII).

Уже в первых печатных изданиях Пролога особое место уделяется святым покровителям рода Романовых. Так, вместо одного чтения в рукописном Прологе 2-й редакции о «Принесении мощей св. мч. Феодора Стратилата» – “Ангела” патриарха Филарета (в миру Феодора) и царевича Феодора III Алексеевича, на 8 июня в СПП представлено два чтения: «Память св. вмч. Феодора Стратилата» и пространное похвальное слово «Мучение св. славнаго вмч. Феодора Стратилата, ново переведено с греческаго языка во славенский», которое предлагалось прочитывать «после кафизм». Чтения «по кафизмахъ» предписывалось еще в двенадцатые праздники (Слово на Преображение Господне прп. Ефрема Сирина (6.08), Слово на Успение Пресв. Богородицы прп. Андрея, архиеп. Иерусалимского, Слово на Рождество св. Иоанна Предтечи свт. Афанасия, архиеп. Александрийского (24. VI) и Похвала свв. верховным апп. Петру и Павлу свт. Иоанна Златоустого (29.VI)).

Несмотря на наличие в Прологе 1662 гг. интереснейшего материала (новых русских агиографических статей и сказаний о чудотворных иконах, новопереведенных греческих статей и др.), книга расходилась с большим трудом. А. В. Дадыкин отмечает, что продажа мартовского Пролога 1662 г. «в условиях тяжелого финансового кризиса велась крайне вяло и нерегулярно <...> книга продавалась сначала за серебро (5 руб.), потом и за медь (40 руб.)», спрос на нее был очень низким, было «связано это с резким падением покупательной способности населения» [8, с. 193], что также могло повлиять на создание рукописной копии издания.

Главной причиной появления переписанного с издания 1662 г. Пролога, на наш взгляд, было наличие у переписчика живого интереса к опубликованному в Прологе материалу. Издание «на выходе» на сей раз не отпугнуло сторонника «древлего благочестия» Никоновым патриаршим благословением. Оно отсутствовало. Важно, что писатель, переписывая проложные тексты, не переделывает их, а лишь старается внедрить в них «дониконовскую» орфографию. Видимо, в этом и состояла основная цель переписки издания. Таким образом, новый корпус русской агиографии, представленный в Прологе 1662 г., содержащий статьи о святых, прославленных еще до раскола русской Церкви, память которых составляла славу и честь Древней Руси, был положительно воспринят сторонниками древлего благочестия, о чем свидетельствует УЦ Пролог – старообрядческая копия этого издания.

ПРИЛОЖЕНИЕ. ОПИСАНИЕ РУКОПИСНОГО ПРОЛОГА

НБ Сыкт ГУ. Усть-Цилем. собр. 246 р. Пролог (июнь–август), вторая половина XVII в., 350 л. (I + а, б, в, г, д + 344).

Филиграни: на лл. **а, б, в, г**, 1–56, 256–263, 296–344 – водяные знаки «Голова шута» I тип с литерами «RDB», № 359–1679 и близкий к Дианова, 1997 г., № 177 – 1675 г.; лл. 202–212, 264–295 – водяные знаки «Голова шута» II тип, близкий к №455

а – 1673–1676 гг.; на лл. 62–135, 177–201, 213–242 – водяные знаки «Герб Амстердама» с литерами «VD DCH», близкий к Дианова, 1997 г., № 217 – 1693 г.; лл. 135–176, 243–255 – «Лев в круге со стрелами и мечом» – тип, близкий к №375 – 1680 г.; листы голубого цвета, приклеенные к крышкам переплета начала XIX вв.

Почерк: полуустав конца XVII в. одной руки.

Переплет: доски в коже.

Записи: читательская запись гражданской скорописью XIX в. одной руки на листе (голубая бумага начала XIX в.), приклеенном к нижней крышке переплета: «*Читал оную книгу сѣло Покчи¹ крестьянин Петр Емильян Соколов 1835 года*»; «*Сию Богодуховенную книгу удостоил почитать села Покчи крестьянин Епим² Можяев в Покчи 1835 года*»; на I форзадном листе владельческая запись: «*Сия святая книга Пролог принадлежит крестьянину Алексью Николаеву Хаимину 3 сентября 1844 г.*; *хозяйственные записи на коми языке³ «два пуда сѣсны Хабаровы*».

Сохранность: плохая: блок разбит, крышки переплета отстают от блока, начальные листы рукописи утрачены, часть листов в начале и в конце рукописи отделены от переплета, сильно загрязнены, имеют затеки и загибы по краям и механические повреждения.

Украшения: киноварь в заголовках и инициалах.

л. I – I об. в 1 день⁴ – [Житие прп. Дионисия Глушицкаго]⁵. Начало утрачено, начинается со слов: «...близ [е]зера, глаголемаго Великаго Кубенскаго, от восточныя страны солнечного Востока. Посем обхождаше с[вя]тый много мѣста...»;

л. а – б об. – В той же день слово Иоанна Златоустаго, како подобает чтити иерѣя. Нач.: «Слышите Павла, глаголюща: «Братия, покаряйтеся старейшинам вашимъ, ти бо бдятъ о душахъ вашихъ...»;

л. в об. – в об. – Месяца тогож во 2 день память иже во [свв. о. н.] Никифора, исповедника патриарха Царяграда. Нач.: «Сей бяше в царство Копронима Константина злочестиваго. Рождение и воспитание того самого царствующаго града...»;

л. г об. – д об. – В той же день поучение Иоанна Златоустаго. Нач.: «Аще наук имаши о грѣсѣхъ, наложи на ся страх Божий...»⁶;

л. 1–2 об. – В той же день св. вмч. Иоанна Новаго, мучившагося в Бѣлѣ градѣ. Нач.: «Сей св. мч. Иоаннъ бысть убо родомъ от града славнаго и великаго Трапезонта...»;

¹ Село Покча, известное с XVI в., находится в Пермской области недалеко от г. Чердыни, с. Покча на Печоре (Троицко-Печорский район Республики Коми территориально ближе к Усть-Цильме, где был обнаружен памятник).

² Написание имени Епим (вместо Ефим), как и (см. в записи выше) отчества Емильян (вместо Емельянов) может свидетельствовать о «коми-русском» двуязычии читателя.

³ Записи о потреблении муки – и др.

⁴ В рукописи в сравнении с изданием Пролога 1662 г. отсутствуют две начальные статьи: «Месяць июнь иматъ дней 30, день иматъ часовъ 15, а ночь 9. Месяца июниа в 1-й день. Страсть св. мч. Иустина Философа. Нач.: «Иустинъ, Хвь мч., бѣ от града Новаго Сирскаго, философъ, премудръ зѣло...» (л. 1–1 об.)» и «Страсть свв. мчч. Иустина, Харитона и Харита. Нач.: «Ти свв. живяху в Римѣ и учаше о имени *Иисусъ Христовѣ*...» (л. 1 об. – 2).

⁵ В Прологе 1662 г. статья имеет название: «В той же день. Память прп. отца нашего Дионисия, игумена Глушицкаго, новаго чудотворца» (нач.: «Сей прп. отец наш Дионисий бѣ от града Волгоды...») и идет третьим чтением.

⁶ После чтения И. Златоуста в Прологе 1662 г. идет «Память иже во свв. о. н. Александра, архиеп. Константина града». Нач.: «Сей блж. Александръ всякими добродетelmi *благими исполненъ бяше*...» (л. 5 об. – 6 об.). В Усть-Цилемском Прологе нет чтения.

л. 2 об. – 3 об. – Месяца того же в 3 день память св. мчч. Лукиліяна, и иже с нимъ младенець Клавдія, Ипатія, Павлы и Дионисія. Нач.: «Сей св. мч. Лукилиан бѣше во времена Аврелияна царя. Первѣе, иерею сущу ему идолскому, старъ взором и бѣль власы...»;

л. 3 об. – 4 – В той же день поучение св. Ефрема, яко не подобает монаху от мѣста на мѣсто преходити. Нач.: «В слѣдъ убо Владыки Хр[и]ста тако вослѣдуемъ в покорении старецъ о Господѣ восхощемъ быти...»¹;

л. 4–4 об. – В той же день слово св. Василия о многоимѣнїи. Нач.: «Иже чюжого желает, то по малѣх днех по своем възрыдает ...»;

л. 4 об. – 5 об. – В той же день поучение к женам, да будут молчаливы. Нач.: «Послушайте, жены, заповѣди Б[о]жія и научитесь молчати, да спасете души своя ...»;

л. 5 об. – 7 – В той же день. Слово от Патерика о нѣкоем пустынницѣ, иже согрѣшивъ, покаяся. Нач.: «Повѣдаша нам отец Пафнугій. Помыслих, – рече, иди в пустыню, егда гдѣ обрящу челоуѣка, работающа Христу...»;

л. 7–8 – В той же день память иже во свв. о. н. Митрофана, патриарха Константина града. Нач.: «Сей бѣше в лѣта великаго Константина и перваго царя христіанскаго...»;

л. 8–8 об. – В той же день страсть св. сщмч. Астія, еп. Диракийскаго. Нач.: «Астіи сщмч. бѣ при Траіанѣ царѣ...»;

л. 8 об. – 9 – В той же день слово Іоанна Златоустаго, еж(е) не проповѣдати Божества невѣрным. Нач.: «Не дадите с[в]я[т]ая псомъ, ни поместите бисера пред свиніями...»;

л. 9–9 об. – В той же день слово св. о. н. Моисея о ротѣхъ и о клеветях. Нач.: «Пророк глаголет, яко того ради заключиса небо не пустити на землю дождя, яко да не клеветуются челоуѣцы Богом...»;

л. 9 об. – 10 – Месяца того же в 5 день память св. сщмч. Дорофея, епископа Тирскаго. Нач.: «Дорофей, присно воспоминаемый, епископ быв града Тирскаго, всякое писание книжное прошедь...»;

л. 10 – В той же день страсть свв. мчч. Маркиана, Никандра и Перехія, Аполлона, Леоніда, Ария, Горгія, Селинія, Иринія и Памвона. Нач.: «Маркианъ и Никандръ, Хр[и]стова мученика, с дружиною своею бѣста от страны Египетскія...»;

л. 10–10 об. – В той же день память прп. о. н. Феодора чюдотворца. Нач.: «Прп. о. н. Феодор от юности бѣ скопецъ, остави же миръ и бысть монах...»;

л. 10 об. – 11 об. – В той же день от премудрости о наказании чадъ. Нач.: «Внемлите себѣ извѣстно о глаголемыхъ: казните дѣти своя измлада...»;

л. 11 об. – 13 об. – В той же день слово св. Василия о смерти. Нач.: «Братие, убоимся смерти и ужаснемся. Убоим же ся и родства огненнаго, яко вечень есть...»;

л. 13 об. – 14 об. – В той же день страданіе великаго князя інока Ігоря Ольговича, Кіевскаго чюдотворца. Нач.: «Сей св. прп. великий князь Игорь, внук Святославль, правнукъ Ярославль, сына Владимірова, крестившаго Російскую землю...»;

л. 15–16 об. – Месяца того же в 6 день память прп. о. н. Иларіона Новаго, игумена Далматскаго. Нач.: «Сей бл[а]женный Іларіонъ бѣше с[ы]нъ Петра Каппадочанина, матери же Феодосіи...»;

л. 16 об. – В той же день прп. о. н. Виссариона чюдотворца (без чтения);

л. 16 об. – 18 – В той же день слово о службѣ, како стояти в церкви со страхом Б[о]жіимъ. Нач.: «Приидите, послушайте, чада и возлюбленная моя братия, в церковь Божию пришедше...»;

¹ Перед чтением прп. Ефрема в Прологе 1662 г. идет упоминание «В той же день. Св. мч. Лукиана Тарсянина» и «Пренесение честных мощей св. страстотерпца благовѣрнаго царевича князя Димитрия Московскаго и всея России чюдотворца» (без чтений), отсутствующее в ркп. У-Ц.

л. 18–18 об. – В той же день слово св. Василия, да не преобидят раби господей своих. Нач.: «Елицы куплени раби ко іночеству восхотятъ приити, утѣшити ихъ, и, наказав, отслати к господемъ их...»;

л. 18 об. – 19 – Месяца того же въ 7 день страсть св. сщмч. Феодота Агкирскаго. Нач.: «Сей бѣше во Агкирѣ Галатстѣй, оклеветанъ же бысть к Феотекну игемону, яко тѣлеса свв. дѣвиць, вверженная в езеро, той изнесе и погребе ...»;

л. 19 – В той же день свв. жен Кириякии и Калерии, и Маріи. Нач.: «Кириякія, Х[ри]стова мученица, и Калерія, и Марія быша от града Кесаріи Палестинскія...»;

л. 19–20 об. – В той же день слово о отцѣ Даниилѣ. Нач.: «Сей убо отец Данииль от младенства отречеся міра и живяше в скитѣ...»;

л. 20 об. – 21 – В той же день поучение Григория монаха о милостыни. Нач.: «Аще ревнуеши Хр[и]сту Богу, будеши блаженъ...»;

л. 21–33 – Месяца іюнія в 8 день. Мученіе св. славнаго вмч. Феодора Стратилата, ново преведено от¹ греческаго языка во славенский. Нач.: «Ино нѣсть сладчайшее во блазѣй души благочестиваго ч[е]л[овѣ]ка благословеніе х[ри]стіанъ...»²;

л. 33–35 – Месяца того же в 8 день память св. вмч. Феодора Стратилата. Нач.: «Великий Феодор Стратилатъ бѣше во времена Ликинія царя...»;

л. 35–36 – В той же день прп. о. н. Ефрема³, архіеп. Антиохійскаго. Нач.: «Сей бѣ прежде воевода, зѣло же бѣ милостив...»;

л. 36–36 об. – В той же день слово от притчей Соломоных о наказании чад. Нач.: «Улышите, дѣти, наказание отчо, и внемлите разумѣвати помышление...»;

л. 36 об. – 37 – Месяца того же въ 9 день память иже во свв. о. н. Кирила, архіеп. Александрійскаго. Нач.: «Кириль, дивный отец наш, бѣ от града Александрійскаго...»;

л. 37–40 – В той же день память прп. о. н. Кирилла, Бѣлозерскаго⁴ чудотворца. Нач.: «Прп. о. н. Кириль, рожденіе и воспитаніе преименитаго града Москвы, благородну и благочестиву родителю сынъ...»;

л. 40–40 об. – В той же день прп. Александра, игумена Куштскаго. Нач.: «Сей прп. родом бѣ града Вологды и пострижесе в Каменном монастырѣ при игуменѣ Дионисіи...»;

л. 40 об. – Месяца того же въ 10 день память св. мч. Тимофея, еп. Прускаго. Нач.: «л. 108 – 108 об. – В той же день поученіе на память свв. апп. Петра и Павла. Нач.: «Тимофей, сщмч., бѣ убо при Іуліанѣ преступнищѣ...»;

л. 40 об. – 41 об. – В той же день память святую мученику Александра и Антонины. Нач.: «Св. мца Антонина бѣше от вѣси Дриданскія...»;

л. 41 об. – В той же день память св. Феофана, иже в Антиохіи. Нач.: «Феофанъ во свв. о. н. бѣ убо от Антиохійскаго града, родися от неверующу родителю...»;

л. 41 об. – 42 – В той же день слово от Ісуса Сирахова. Нач.: «Не сварися с человекомъ силным, да некогда впадеша в руцѣ его...»;

л. 42–43 об. – В той же день слово Іоанна Златоустаго о еже не клитися, яко страшно есть. Нач.: «Тѣм же, аще иже солгавши, токмо таковая пострадаху...»;

л. 44–44 об. – В той же день память святую апостолу Варфоломѣя и Варнавы. Нач.: «Варфоломѣй един сый от обанадесятих оученик...»;

¹ В Прологе 1662 г. с греческаго.

² На нижнем поле рукописи писцовая приписка, выполненная киноварью: «Сие слово чти по кафизмах». Здесь и далее приписки в точности копирует это указание из печатного Пролога 1662 г.

³ В изд. Пролога 1662 г. доб. бывшаго.

⁴ В изд. Пролога 1662 г. Бѣлозерскаго.

л. 44 об. – 46 – В той же день слово от Евангелія, еже от Луки о богатѣмъ безименнѣмъ и о убозѣмъ Лазарѣ. Нач.: «Богатии, милостиви будите, да не таже вся примите, яко богатый...»;

л. 46–47 – В той же день слово Іоанна Златоустаго о избрании епископовѣ, и яко многаго неудобства исполнено есть епископство. Нач.: «Сих убо и мы да подражаем, не к тому мнѣ ко всѣмъ слово, но к желающимъ началства...»;

л. 47–48 об. – В той же день память прп. о. н. Онуфрія Великаго. Нач.: «Сей бяше от Египта, жив во единомъ общежителствѣ, лежашемъ в пустыни, страны Фивейския...»;

л. 48 об. – 50 об. – В той же день память прп. о. н. Петра, иже во Афонстѣи горѣ постившагося. Нач.: «Петр, иже во блаженнѣи памяти от воеводска сана бывъ, сим же образомъ во иночество прииде...»;

л. 50 об. – 51 – В той же день слово св. Василия о житии суетномъ свѣта сего. Нач.: «Многа уныния в житии мира сего полна суть...»;

л. 51–51 об. – Месяца тогоже в 13 день страсть св. мц. Акилины. Нач.: «Та бяше во времена Діоклитіяна царя от града Вивла Палестинска...»;

л. 51 об. – В той же день св. мц. Антонины. Нач.: «Та бяше от града Никейскаго во времена Діоклитиана и Максимиана...»;

л. 51 об. – 52 – В той же день слово пророка Іереміи о блудникахъ. Нач.: «Слышите, любодѣйцы, остависте бо заповѣди Г[о]с[по]дня...»;

л. 52–53 об. – В той же день слово от Патерика. Нач.: «Братъ нѣкий посланъ бысть на службу от отца...»;

л. 53 об. – 54 – В той же день память св. пророка Елисея. Нач.: «Елисеи, славный пророк, бѣ от Адемуф, от земли Рувимови...»;

л. 54 – В той же день память иже во свв. отца нашего Мефодія, патриарха Царя града. Нач.: «Во свв. о. н. Мефодий бысть от Сикелии рождение имѣя, от юности быхъ блаженный монах...»;

л. 54–54 об. – В той же день сщмч. Кирилла, еп. Горгинскаго, Критскаго острова. Нач.: «Сей постнически и свято поживъ в шестьдесятъ второе лѣто живота своего...»;

л. 54 об. – В той же день слово от Лимониса. Нач.: «Братъ Алипій прииде в Лавру ко аввѣ Герасиму близъ Иордана...»;

л. 54 об. – 56 об. – В той же день слово о купцѣ. Нач.: «Повѣда намъ нѣкий от отецъ, яко шедшу ми, рече, во Асколонъ посѣтити нѣкия от отецъ...»;

л. 56 об. – Месяца того же въ 15 день память св. пророка Амоса. Нач.: «Сей бяше отецъ Исаии пророка, родися въ Фекуе в земли Завулонстѣи...»;

л. 56 об. – 57 – В той же день память св. мч. Дулы епарха. Нач.: «Той бѣ епархъ Киликийский, поклоняния же ради и вѣрованія во Христа, приведенъ бысть ко игѣмону Максиму...»;

л. 57–57 об. – В той же день слово Феодорита о разсмотрении всего дѣла зла. Нач.: «Вѣдомо буди, смотряющимъ дѣль человеческихъ, благихъ и злыхъ...»;

л. 57 об. – 59 – В той же день слово Іоанна Златоустаго поучительно. Нач.: «Се убо аз, любимии, часто учение творя, надѣяся возбранити пиянства наукъ злыхъ...»;

л. 59–59 об. – Месяца того же въ 16 день иже во свв. о. н. Тихона, чудотворца, еп. Амафуйтскаго. Нач.: «Сей благочестиву и христоролюбиву родителю имяше...»;

л. 59 об. – 60 – В той же день слово от Патерика. Нач.: «Повѣдаша авва Макарий Египтянин, иже в скитѣ...»;

л. 60–61 – В той же день слово Іоанна Златоустаго, иже глаголютъ яко нѣсть муки грѣшникомъ. Нач.: «Кацѣхъ мукахъ не суть достойни глаголющии, яко нѣсть мучения согрѣшающимъ...»;

л. 61–62 об. – В той же день прп. о. н. Тихона Луховскаго чудотворца. Нач.: «Сей убо прп. о. н. Тихон бяше родом от Малыя Росіи, от литовских предѣл, чином воин бяше...»;

л. 62 об. – Месяца того же въ 17 день свв. мчч. Мануила, Савелія и Измаила. Нач.: «Сии свв. мцц. бяху от Перзиды самобратія суще...»;

л. 62 об. – 63 – В той же день слово о некрещеннѣм дѣтище и о власти иерейстѣй. Нач.: «Лаодикія – град малъ есть к горѣ Елеонстѣй...»;

л. 63–63 об. – В той же день слово о непокоряющихся монасѣх игумену и братіи. Нач.: «Аще убо брат приидет кою виною в монастырь...»;

л. 63 об. – 64 – В той же день слово о почитаніи книжном, яко полезнѣе всѣхъ книг Псалтырь прочитати. Нач.: «Рече старецъ: вѣру имѣйте ми, чада...»;

л. 64–65 – Месяца того же в 18 день память св. мч. Леонтія, и иже с ним Ипатія и Феодула. Нач.: «Сей рожденіе имѣяше от Еллады, великотѣлесен сый возрастом, силен же и крепок в воинствѣх...»;

л. 65–65 об. – В той же день слово о нѣкоем прозвѣтерѣ духовнѣм, иже видѣвъ бѣсы у кѣлии лѣнливаго монаха, и понуди его в нощи молитися, и прогна бѣсы. Нач.: «Презвитер нѣкто, прозорлив сый, иде совершити службу...»;

л. 65 об. – 66 – В той же день поучение о любви. Нач.: «Возлюбленне, аще с кѣм стяжеша любовь...»;

л. 66–67 – В той же день слово от старчества. Нач.: «Благая словеса от благаго сокровища сердца своего иносит челоуѣк...»;

л. 67–67 об. – Месяца того же в 19 день память св. ап. Иуды, брата Господня по плоти. Нач.: «Той убо от Луки Иуда именуется, от Матфея же и от Марка – Фаддей и Келевій...»;

л. 67 об. – 68 – В той же день св. мч. Зосімы. Нач.: «Сей бяше воин при Траянѣ царѣ...»;

л. 68 – Память прп. о. н. Іоанна отшельника. Нач.: «Іоанн, прп. о. н., оставль мир и бысть монах...»;

л. 68 об. – 69 – В той же день слово о чести иерейстѣй. Нач.: «Хощете ли увѣдати, колика есть честь и слава иерейская...»;

л. 69–70 – В той же день слово от Патерика. Нач.: «Пресвитер нѣкий от своего епископа отлучен бысть, еже не сотворите Божественныя литургии...»;

л. 70–70 об. – Месяца того же в 20 день память св. сщмч. Мефодія, епископа Патарскаго, иже Оригинову ересь попали. Нач.: «Сей блаженный издѣтства себѣ возлюбивъ Богу, сосудъ честенъ и пріятилище Святаго Духа бысть...»;

л. 70 об. – В той же день свв. мчч. Аристоклія презвитера и Димитрія диякона, и Афонасія чтеца. Нач.: «В сих убо св. мч. Аристоклій бяше родом кипріянин...»;

л. 71 – В той же день святую мученику Инны и Поньрѣта (так!)¹. Нач.: «Тѣи свв. мцы бѣша от Сѣверскія страны, от земли варварскія ...»;

л. 71–71 об. – В той же день слово от Патерика, яко не мщамъ себе от обидящимъ ны. Нач.: «Брат, приимъ обиду от инога монаха и прииде ко отцу Сисою...»;

л. 71 об. – 72 – В той же день слово от Патерика. Нач.: «Старець нѣкий живяше в далней пустыни и имѣяше сродницу в мирѣ...»;

л. 72 об. – 73 – В той же день поучение ко всякому крестіаниноу. Нач.: «Чадца моя возлюбленная, воспоминайте колико благъ от Всемилоствиваго Бога пріясте...»;

¹ В изд. Пролога 1662 г. *Пинныриты*. Отсюда двойственное число, поскольку имена мучеников Пинны и Риты древнерусским книжником было воспринято как одно имя.

л. 73 об. – Месяца того же в 21 день память св. мч. Иулиана Тарсянина. Нач.: «Сей бяше от Назарвея [града]¹ вторья епархии Киликийскія...»;

л. 73 об. – 76 – В той же день страсть св. мч. Иулиана Египетскаго. Нач.: «Сей бяше во времена Диоклитіана царя и Маврикияна игемона...»²;

л. 76–77 – В той же день слово о нѣкоем старцѣ духовнѣ, иже многи повѣсти о спасении списа. Нач.: «Старець нѣкто святыи Богоносець бѣ на горѣ Олимпѣ...»;

л. 77–77 об. – В той же день слово св. Савы о нѣкоем чернорисцѣ добродетелнѣ. Нач.: «Святому старцу, идущу от рова к тростнику Јорданову...»;

л. 77 об. – 78 – Месяца тогоже в 22 день память св. свщмч. Евсевия Самосадскаго³. Нач.: «Евсевий, сщмч. бѣ при Константинѣ царѣ, рвением горя по правой вѣрѣ...»;

78–78 об. – В той же день свв. мчч. Зинова и Зины, слуги его. Нач.: «Сей бяше от Филадельфий Аравитскія, идѣже древле нарицашеся Еманъ...»;

л. 78 об. – 79 об. – В той же день. Слово от старчества. Нач.: «Рече авва Исая: «Богатыи, добрѣ смысля, крыет внутрь храма сокровища своя...»;

л. 80 – В той же день. Слово св. Варсонофія, яко подобает претерпѣти всякому брату бесчина ходящему. Нач.: «Брат вопроси отца Великаго Варсонофія...»;

л. 80–80 об. – В той же день. Слово Иоанна Златоустаго о покаяніи. Нач.: «Егда душа объята будет многими страстми и в глубину злыхъ приидеть...»;

л. 80 об. – 81 – Месяца тогоже в 23 день. Страсть св. мч. Агрипіны. Нач.: «Сия от младых ногтей Богу себе вдавши, рождение и воспитание имѣ преславнаго града Римскаго...»;

л. 81–82 – В той же день. Слово о беседе св. Григорія и Петра. Нач.: «По еже в раи радости согрѣшени преслушания, сотворив праотець человеческого рода, от туду изгнанъ бысть...»;

л. 82–82 об. – В той же день страсть свв. мчч. Евстохія, Гаія і иже с нима. Нач.: «Евстохий с[вя]тый и Гаий, анепсій его, і иже с нима в лѣта бяху Максиміана царя...»;

л. 82 об. – 83 – В той же день празднуем Прес[вя]тѣй Б[огоро]д[и]цы о избавлении от Ахмата, Ордінскаго царя. Нач.: «В лѣто 6988-е нечестивый царь Ахмать Болшия Орды, вооружився, прииде на великаго князя Иоанна Василіевича ратию...»;

л. 83 об. – 84 – В той же день слово св. Ефрѣма о учителехъ, како подобает творити, тако же и оучити. Нач.: «Не желай владѣти душами, егда како взыдеши на бесстрашие мѣры дай себѣ сотворити пакость...»;

л. 84–88 об. – Месяца тогоже в 24 день вже во свв. о. н. Афонасія⁴ Великаго, архіепископа Александрийскаго Слово на Рождество Иоанна Предтечи, и о Елисавети, и о Б[огоро]д[и]цѣ. Нач.: Ниву, убо иссохшую и звѣрем в пограніе быти оставленною, вол орательный, с трудом разбивая воздвижет груди...»⁵;

¹ В изд. Пролога 1662 г. *Аназарвея града*.

² После чтения в изд. Пролога 1662 г. доб. упоминание о святых без чтений: «Св. мч. Терентиа, еп. Иконийскаго и св. Марка, еп. Аполлониадскаго, Анепсия, Варнавы апостола, нарицаемого Иуста (л. 94). В *ркп.* нет.

³ В изд. Пролога 1662 г. *Самосатскаго*.

⁴ В изд. Пролога 1662 г. *Афанасія*.

⁵ На нижнем поле рукописи писцовая приписка, выполненная киноварью: «Сие слово чти по кафизмах».

л. 88 об. – 89 – Месяца тогоже в 24 день рожество Честнаго, Славнаго св. Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна¹. Нач.: «Сей в рожденныхъ женами свидѣтельствуется от Хр[ис]та паче всех пророк болши...»;

л. 89–90 – В той же день св. мч. Орегентя и шестихъ с нимъ присныхъ братий его: Фарнакія, Ероса, Фирмоса, Фирмина, Киріяка и Логгина. Нач.: «Сии святїи самобратія бяху при Діоклитіанѣ и Максиміанѣ царѣхъ, нарицаемые от солнечнаго Востока...»;

л. 90–91 – В той же день поучение на Рождество св. славнаго Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Нач.: «Подобно есть, братіе, со испытаниемъ всяку правду творити и праздники угодниковъ Божиихъ в чести держати...»;

л. 91–92 об. – Месяца тогоже в 25 день память св. прп. мцы Февронїи. Нач.: «Сїя от юнаго возраста ярѣмъ Господень воспрїемши, преподобнѣ живущи в своей обители...»;

л. 92 об. – 93 об. – В той же день святую и благовѣрную и благочестивую святаго князя Петра и святыя княгыни Февронїи, нареченную во иноческомъ чину Давида и Евфросинїи Муромскую, новую чудотворцу. Нач.: «Сей благочестивый князь Петръ родися от благочестива и свята корене...»;

л. 93 об. – 94 – В той же день слово о мирстѣй чади. Нач.: «Слышахъ нѣкия мирския, лѣнливо живуща...»;

л. 94 – Месяца тогоже в 26 день память прп. о. н. Давида, иже в Фес[s]алоникии. Нач.: «Сей блаженный имѣяше рождение от востока, и яко звѣзда многосвѣтлая весь миръ облиста...»;

л. 94–94 об. – В той же день память прп. о. н. Иоанна, еп. Готфьского. Нач.: «Той бѣ при Константинѣ царѣ и при Львѣ...»;

л. 94 об. – 96 – В той же день слово от Старчества. Нач.: «Видѣхомъ отца Паладія добродѣтелнаго...»;

л. 96–97 – В той же день слово св. Василия, да никтоже отчаеся спасения, впадъ во многия грѣхи, но да каеся их. Нач.: «Никтоже во злобѣ грѣховнѣй ходя сам ся да [не] отчаесть...»;

л. 97–97 об. – В той же день слово св. Ефрема о непокоряющихся монасѣхъ игумену и братїи. Нач.: «Аще придетъ братъ в монастырьъ коею любо виною и аще не возбудится, поглотитъ его дїяволъ напрасно...»;

л. 98–98 об. – Месяца тогоже в 27 день память прп. о. н. Сампсона странноприимца. Нач.: «Сей бѣше родомъ римлянинъ, сродникъ в царѣхъ великому Константину...»;

л. 98–98 об. – В той же день слово о Мартинѣ², иже в Туровѣ у церкви святую мученику Бориса и Глеба, единъ живой о Бозѣ. Нач.: «Нѣкто старецъ, именемъ Мартинъ, бывъ прежде поваръ епископомъ Туровскимъ...»;

л. 98 об. – 99 об. – В той же день слово от бѣсѣды св. Григорїя. Нач.: «Во странахъ Турѣя града между двою гору во юдолинѣ бесѣдоу мѣста того...»;

л. 99–100 – В той же день слово, яко добро присѣщати болящихъ. Нач.: «Не лѣнитесь присѣщати болящихъ Господа ради...»;

л. 100 – Месяца тогоже в 28 день возвращение мошей святую безсребренику и чудотворцу Кира і Иоанна. Нач.: «Сїя святая мученика и чудотворца Киръ и Иоанна бѣста при Диоклитіанѣ царѣ...»;

л. 100–100 об. – В той же день память прп. о. н. Павла врача. Нач.: «Павелъ прп. о. н. иже во святыхъ бѣ убо от града Коринфа...»;

¹ В изд. Пролога 1662 г. доб.: и о Елисавети, и о Б[огороди]цѣ.

² В изд. Пролога 1662 г. доб.: монасѣ.

л. 100 об. – 101 – В той же день слово о страннолюбїи. Нач.: «Будите, братїе, ревнители добрымъ дѣломъ, да до конца поживете мирно о Г[о]с[по]дѣ...»;

л. 101 об. – 102 об. – В той же день слово, како подобаетъ чтити отца и матеръ. Нач.: «Господь прославилъ отца о чадѣхъ и судъ матеренъ утвердилъ на сынѣхъ...»;

л. 102 об. – 106 – Месяца тогоже в 29 день слово иже во свв. о. н. Иоанна, архїеп. Константина града, Златоустаго, похвала свв. верховнымъ апп. Петру и Павлу. Нач.: «Небеси и земли реть вижду настоящего ради торжества...»;

л. 106–107 – Месяца тогоже в 29 день свв. славныхъ всехвальныхъ верховныхъ апп. Петра и Павла. Нач.: «Симъ кое похвалъ изложение вящше, кто убо помыслить...»;

л. 107–108 – В той же день. Слово о прѣнїи Петровѣ с Симономъ Волхвомъ. Нач.: «Пришедшу убо св. ап. Петру от Антохіи в Римъ, и обита близъ торга...»;

л. 108–108 об. – В той же день поученїе на память свв. апп. Петра и Павла. Нач.: «Слышите, братїе, во Ев[ан]г[е]ліи самаго Г[о]с[по]да...»;

л. 108 об. – 109 – В той же день блаженнаго царевича, Петра Ростовскаго. Нач.: «Сей убо блаженный Петръ от царскаго корене Ордїнскихъ царей...»;

л. 109–110 – Месяца тогоже в 30 день соборъ свв. славныхъ и всехвалныхъ апп. двою на десяти. Нач.: «Блж. Давидъ, Святымъ Духомъ учимъ, ясно Святую Троицу во едино царствующу проповѣдающу...»;

л. 110 – В той же день слово к богатымъ и не творящимъ милостыни. Нач.: «Почто скорбиши, человекъче, тлѣнныхъ ради, не хотя подати нищему...»;

л. 110 об. – 112 – В той же день слово о хрестїанїнѣ, взявше злато у жидовина, и запри его, кляшеся ему, яко не возьмъ. Нач.: «Нѣкто жидовинъ во Александрїи купецъ бѣ/, живый близъ хрестїянина нѣкогого...»;

л. 112–112 об. – Месяца июлія в 1 день память свв. чудотворецъ и безсѣребреникъ Козмы и Дамїана, иже в Римѣ пострадавшихъ. Нач.: «Сия святая бѣста от великаго града Рима при Каринѣ царѣ...»;

л. 112 об. – 113 – В той же день прп. о. н. Петра, черноризца, бывшаго патрикїя в Евандрѣ. Нач.: «Сей бяше во времена Ирины, благочестивыя царицы...»;

л. 113–113 об. – В той же день слово о ползѣ душевнѣй. Нач.: «Братъ прииде в гору Феремскую ко отцу Великому, глаголя, что сотворю, отче, яко погибе ми душа...»;

л. 113 об. – 114 – В той же день повѣсть св. Нила. Нач.: «Вѣждь, чадо, яко мало-времененъ есть родъ человеческий, и сего ради долженъ есть смиренный инокъ николиже забывать смерти...»;

л. 114–114 об. – Месяца тогоже во 2 день положение ризы в Церкви Прес[вя]тыя В[ла]д[ычи]цы нашея Б[огоро]д[и]цы, иже в Влахернахъ. Нач.: «В царство Лва и Ирины патрикїя два...»;

л. 114 об. – 115 – В той же день св. Оувеналїя, еп. Иерусалимскаго. Нач.: «Оувеналїй во свв. о. н. бѣ в лѣта Феодосїя юнаго...»;

л. 115 – В той же день поучение, да никтоже собою уповаеть, ни на властители, но на Бога Спаса. Нач.: «Блаженъ есть, братїе, человекъ иже надѣется при всемъ на Бога...»;

л. 115–115 об. – В той же день слово о милостыни и о смиренїи. Нач.: «Яко подобаетъ милостыню хотящему творити, не вѣдая разньства ни добру, ни злу...»;

л. 115 об. – 116 – Месяца тогоже в 3 день страсть св. мч. Іакинфа кувикуларїя. Нач.: «Той бѣ от Кесарїи, первыя Каппадокійскїя епархїи, кувикуларїй саномъ...»;

л. 116 – В той же день свв. мчч. Мокїя, Марка. Нач.: «Тїи свв. мчч. яти быша и предани Максимїяну епарху...»;

л. 116–116 об. – В той же день прп. о. н. Анатолія, патриарха Константина града. Нач.: «Сей бяше первѣе презвитер и апокрисарїй сый Александрїйскїя церкви...»;

л. 116 об. – 117 – В той же день свв. мчч. Феодота, Диомида, Евлампія, Асклиподота и Голендухи (без чтений);

л. 117 – В той же день слово о покаяніи. Нач.: «Не срамляйся, брате, исповѣдати грѣховъ твоихъ...»;

л. 117–118 – В той же день слово Исаяи монаха о беззлобіи, иже не поминати зла. Нач.: «Помните, братие, евангелиста, глаголюща: «Рече бо Господь, аще не обратитесь и не будете, яко дѣти...»;

л. 118 об. – 118 об. – В той же день прп. о. н. Никодима Кожеозерскаго. Нач.: «Сей прп. Никодим родися близъ града Ростова...»;

л. 118 об. – 119 – Месяца тогоже в 4 день иже во свв. о. н. Андрея, архіеп. Критскаго, Иеросалимиты. Нач.: «Сей родися от Боголюбиву родителю...»;

л. 119–120 – В той же день страсть св. сщмч. Феодора, еп. Кириныйскаго. Нач.: «Сей бѣше при Диоклитианѣ царѣ, от града Кира...»;

л. 120 – В той же день страсть с[вя]тую мученику Феодота и Феодотіи. Нач.: «С[вя]тая мученика Хр[и]стова Феодотъ и Феодотія Хр[и]стова ради исповѣдания...»;

л. 120–120 об. – В той же день прп. матере нашея Марфы, матере св. Симеона Дивногорца. Нач.: «Та всякія добродѣтели образ преходящи пошениемъ...»;

л. 120 об. – В той же день слово Іоанна Златоустаго, яко не подобаетъ зла за зло воздаяти, ни враждовати. Нач.: «Научися, брате, блюсти самъ себе...»;

л. 120 об. – 122 – В той же день обрѣтение мощей прп. о. н. Евфимія архимандрита, Суждалскаго чудотворца. Нач.: «По преставленіи прп. архим. Евфимія, чудотворца...»;

л. 122–125 об. – Месяца тогоже в 5 день память прп. о. н. Афонасія¹ Афонскаго. Нач.: «Сей изнесе великий градъ Трапезонтъ, возрасти же словеснѣ Византія...»;

л. 125 об. – 126 – В той же день слово Іоанна Златоустаго о епископѣх, не пекущихся людми, ни учащихъ я на спасение. Нач.: «Епископъ, не творяй попеченія владѣемыми...»;

л. 126–127 об. – В той же день слово Іоанна Златоустаго о жидѣхъ, како в пустыни прогнѣваша Б[о]га, да никтоже, сія слышав, преступитъ заповѣди Божія. Нач.: «Хощете ли, да скажу вам от Писанія о мнозѣмъ народѣ...»;

л. 127 об. – В той же день слово Ісуса² Сирахова. Нач.: «Не належи имѣнии твоим и не рцы: самодоволно ми есть...»;

л. 127 об. – 128 об. – В той же день обрѣтение мощей прп. о. н. Сергія, Радонежскаго чудотворца. Нач.: «По преставленіи святаго, приходящу нѣкоему мужу благочестиву...»;

л. 128 об. – 129 – Месяца тогоже в 6 день память прп. о. н. Сисоя Великаго. Нач.: «Сисой блаженный, измлада Бога возлюбивъ, послѣдова Ему...»;

л. 129–129 об. – В той же день св. мцы Лукіи д[е]в[и]цы и викарія Ирикса, и инѣхъ девяти мученикѣх, иже в Кампаніи мученыхъ. Нач.: «Та св. мца Лукія бѣ убо в Сикилии³...»;

л. 129 об. – В той же день св. мч. Коинта. Нач.: «Сей родися во Фригіи, научи себе благочестію...»;

л. 129 об. – 130 – В той же день св. сщмч. Исавра и иже с ним Инокентія, Филика, Ермія, Василия и Пергіна. Нач.: «Св. Исавр, иже тайнам Хр[и]стовымъ діаконъ бѣ...»;

---

¹ В изд. Пролога 1662 г. Афанасія.

² В изд. Пролога 1662 г. Ісуса

³ В изд. Пролога 1662 г. Сикелии

л. 130–131 – В той же день слово от Патерика о Павлѣ Простѣмъ и о Аммоніи, и о Оренсіи. Нач.: «Рече старецъ: «Слышахомъ от нѣкоихъ святыхъ, Х[ри]ста имущихъ в себѣ...»;

л. 131–131 об. – Месяца того же въ 7 день память прп. о. н. и в чудесѣхъ великаго Фомы, иже в Горѣ Малей. Нач.: «Сей иже от исперва своего жития бысть великъ и чуден богатствомъ и силою...»;

л. 131 об. – 132 – В той же день св. мцы Киріякіи. Нач.: «Во дни Диоклитіана царя Дорофей, нѣкий христианин...»;

л. 132–132 об. – В той же день страсть свв. мчч. Пелегріна, Лукіана, Помпія, Исихія, Саторнина и Германа. Нач.: «Сіи быша от италіанъ в лѣта Траяна царя...»;

л. 132 об. – 133 – В той же день поученіе, яко добро теши ко церкви и полезныхъ просити у Бога. Нач.: «Потщитесь, братіе и сестры, зовуще другъ друга к церкви...»;

л. 133–135 – В той же день повѣсть о великой княгинѣ Евдокіи, во инокиняхъ Евфросиніи, супружницѣ великаго кн[я]зя Димитрія Іоанновича, зовомаго Донскаго. Нач.: «Сія бяше дщи великаго князя Димитрія Константиновича Суждалскаго...»;

л. 135–136 – Месяца того же въ 8 день память св. вмч. Прокопія. Нач.: ««Великий предивный в чудесѣхъ Прокопій бяше во времена Диоклитіана царя...»;

л. 136 об. – 137 – В той же день слово о печали света сего. Нач.: «Нѣсть добро в безмѣрную печаль предавшуся, изнемогати, но смириться пред Б[о]гом...»;

л. 137–137 об. – В той же день слово Іоанна Златоустаго, яко подобает учащему тако творити, яко же и учити. Нач.: «Рече Господь: всяк книжникъ, научився Царствию Небесному, подобенъ есть челоуѣку домовіту...»;

л. 137 об. – 140 – В той же день сказаніе о явленіи иконы Пресв[я]тыя Б[огоро]д[и]цы во градѣ Казани. Нач.: «В лѣто 7087-го при державѣ благочестиваго христоролюбиваго государя царя и великаго кн[я]зя Іоанна Васильевича...»;

л. 140 – 142 об. – В той же день св. и блж. Х[ри]ста ради Оуродиваго Прокопія Устюжскаго, новаго чудотворца. Нач.: «Сей блж. бѣ от западныхъ странъ...»;

л. 142 об. – 143 – Месяца того же въ 9 день страсть св. сщмч. Пагкратія, еп. Тавромѣннскаго¹, иже в Сикиліи. Нач.: «Сей с[в]я[т]ый бяше во времена свв. апп., быв родом от пределъ Антиохійскихъ...»;

л. 143 об. – В той же день страсть свв. мчч. Патермуфія, Копрія и Александра. Нач.: «Сии бяху в лѣта Іуліана преступника и во Египетстѣй пустыни безмолвное житие проходяще...»;

л. 143 об. – 144 об. – В той же день, иже во свв. о. н. Феодора, еп. Едесскаго. Нач.: «Сей во свв. о. н. Феодоръ от града Едеса, благоверну родителю сынъ бывъ...»;

л. 144 об. – 145 об. – В той же день слово от Патерика. Нач.: «Рече авва Іоаннъ Коловъ: “Азь хошу прияти ч[е]л[овѣ]ка от всѣхъ дѣтелей...»;

л. 145–145 об. – В той же день слово о двою сосѣду, яко добро ходити во церковь и молитесь. Нач.: «Бѣста два клирика, суца швеца...»;

л. 145 об. – 146 об. – В той же день сказаніе о явленіи чудотворнаго Образа Пресв[я]тыя Б[огоро]д[и]цы, иже на Колочѣ. Нач.: «В лѣто 6921 правящу скипетры Великаго кн[я]з[е]ства Россійскаго...»;

л. 146 об. – 148 – В той же день пренесеніе мощей во свв. о. н. Филиппа, митрополита Московскаго и всея Росіи чудотворца. Нач.: «Пренесеніе мощей блаженнаго святителя и чудотворца Филиппа, митрополита всея Росіи, сице бысть...»;

---

¹ В изд. Пролога 1662 г. Тироменийскаго

л. 148 – Месяца того же въ 10 день свв. мчч. чотыредесяте и пяти в Никополіи Арменстей пострадавшихъ. Нач.: «Сіи с[вя]тии м[учени]цы Христовы быша при Ликиніи царѣ...»;

л. 148–148 об. – В той же день страсть свв. мчч. Вианора и Силуяна. Нач.: «Св. Вианоръ бѣ от Писидійскія епархіи...»;

л. 148 об. – 149 – В той же день страсть св. мч. Аполлонія. Нач.: «Св. Хр[и]стовъ мч. Аполлоній бѣ от града Сардійска¹, иже в Лидіи...»;

л. 149–152 об. – В той же день празднуем Положению Ризы Г[о]с[по]дни и Сказание о еже како принесена бысть от Аббасъ шаха в царствующій градъ Москву. Нач.: «Во царство благочестиваго² самодержавнаго и Х[ри]стоподражателя государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича...»³;

л. 152 об. – 154 – В той же день слово от бесѣдъ св. Григорія. Нач.: «Сий же слухомъ прияхъ о нѣкоемъ в плѣненіи сущу от ратных...»;

л. 154 – В той же день слово о величавыхъ и возносящихся. Нач.: «Не возносія, человекѣ, да не падеши внезапно...»;

л. 154–155 – Месяца того же въ 11 день память св. вмц. и добропобѣдныя и всехвалныя Евфиміи. Нач.: «Видѣти есть добро побѣдныя мученицы Евфиміи бѣ во время Діоклитиана...»;

л. 155–155 об. – В той же день св. мч. Кіиндѣя пресвитера. Нач.: «Сей бяше от веси Талменисіады Памфилійскія в царство Діаклитианово...»;

л. 155 об. – 156 – В той же день успеніе блаженныя и великія княг[и]ни Ольги, бабы великаго кн[язя] Владиміра. Нач.: «Сія бл[а]женная Олга родомъ Плесковитинка, жена же бѣ Игоря...»;

л. 156 – 169 – Месяца того же въ 12 день житіе и подвизаніе прп. о. н. Михаила Малеина, игумена бывша Каминскія обители⁴. Нач.: «Мнози убо свв. мцц. много-различными муками даже до смерти в С[па]са Х[ри]ста исповѣданіи пребывши...»;

л. 169 – Месяца того же въ 12 день память свв. мчч. Прокла и Ларія. Нач.: «Сіи бяху при Траіанѣ царѣ и Максимианѣ, игемонѣ от страны Калипты...»;

л. 169–170 – В той же день память прп. о. н. Михаила Малеина. Нач.: Сей прп. отецъ Михаилъ рода бяше велика и славна...»;

л. 170–171 – В той же день страсть св. мц. Маріи, нареченной Голендухи⁵. Нач.: «Та бяше от Персиды, поемши мужа волхвоначалника...»;

л. 171–171 об. – В той же день блаженную м[у]чен[и]ку Варяга и с[ы]на его, І[о]анна, убіенную в Кіевѣ. Нач.: «Владиміръ Великій, еще поганъ сый, побѣди ятвяги и прииде к Кіеву...»;

л. 171 об. – 172 – В той же день слово о первыхъ монасѣхъ и о н[ы]нѣшнихъ, и о послѣднихъ. Нач.: «Повѣдаша Іоаннъ Сиринъ, аки о нѣкоемъ монасѣ...»;

л. 172 – Месяца того же въ 13 день соборъ Арх[ан]гела Гавріила. Стихъ: «Яко изначала и выше предано, еже Божественное и неизреченное таинство, усугубившему

¹ В изд. Пролога 1662 г.: *Сардійскаго*.

² В изд. Пролога 1662 г. *благочестивѣйшаго и тишайшаго*.

³ После статьи в изд. Пролога 1662 г. доб.: «В той же деню. Память свв. постникъ десяти тысящъ, иже в ските и в вертепѣхъ, и в пустынныхъ мѣстѣхъ, горкою смертію подави огнемъ же и дымомъ Феофиль, еп. Александрійскій, Исидора ради пресвитера (безъ чтений). В рки. нет.

⁴ На нижнемъ поле рукописи писцовая приписка, выполненная киноварью: «Сие слово чти по кафизмахъ».

⁵ В изд. Пролога 1662 г.: Страсть св. мц. Голендухи, иже от Персиды, последиже нареченной Маріи.

тебѣ и провозвѣстившему воплощеніе ума: честь подобную всяка плоть приноситъ словомъ»;

л. 172–172 об. – В той же день прп. о. н. Стефана Саваита. Нач.: «Сей бяше во времена Севира царя...»;

л. 172 об. – В той же день страсть св. мч. Серапіона. Нач.: «Серапионъ, Х[ри]ст[о]въ мч., бѣ в лѣта Севира царя...»;

л. 172 об. – В той же день св. мч. Маркіяна. Нач.: «Маркіянъ св. мч. юнъ сый, ятъ бысть и мучен во Иконійстѣмъ градѣ...»;

л. 172 об.—173 об. – В той же день поученіе св. Василия о всякой добродѣтели. Нач.: «Братіе, будите благодѣтели и милостиви...»;

л. 173 об. – 174 – В той же день слово св. Феодора Студійскаго о ярости. Нач.: «Братія и отцы, мало отступихомъ от вас...»;

л. 174–174 об. – Месяца того же въ 14 день память св. ап. Акілы, единаго от 70-ти. Нач.: «Сей св. ап. былъ ученикъ св. ап. Павла и от него поставленъ бысть епископъ...»;

л. 174 об. – В той же день св. мч. Іуста. Нач.: «Той бѣ от града Римска, в нумерѣхъ воюя под Тривуномъ Клавдіем...»;

л. 174 об. – 175 – В той же день память прп. о. н. Онисима чудотворца. Нач.: «Прп. о. н. Онисимъ бѣ от Кесарія Палестинскія от веси Карины...»;

л. 175–175 об. – В той же день прп. о. н. Елліа монаха. Нач.: «Прп. о. н. Елліа, о немъ же повѣдаху свѣдущи отцы...»;

л. 175 об. – 176 – В той же день слово о покаяніи, яко не токмо Богъ исповѣдавшихъ грѣхи своя приемлетъ, но и обратившихся от грѣхъ к покаянію. Нач.: «Повѣдаше нѣкто от о[те]ць, глаголя, яко в Селуни есть м[о]н[а]ст[ы]рь д[е]вическъ...»;

л. 176–176 об. – В той же день сло[во] от главъ св. Ніла о осми помыслѣхъ. Нач.: «Вѣждь, чадо, яко осмь есть помысловъ, иже вся злая содѣвающіи...»;

л. 176 об. – 177 – В той же день прп. о. н. Стефана, Магрищскаго¹ чудотворца. Нач.: «Сей бяше от града Кіева...»;

л. 177–177 об. – Месяца того же въ 15 день. Страсть свв. мчч. Кирика и Улиты. Нач.: «Св. Іулита бяше при Діоклитнанѣ царѣ от града Иконіи...»;

л. 177 об. – В той же день св. мч. Авдіа. Нач.: «Мч. Хр[и]ст[о]въ Авдій бѣ при Діоклитианѣ царѣ...»²;

л. 177 об. – 178 об. – В той же день слово о молитвѣ, яко достоитъ в церкви стоят[и], молящеся со страхомъ. Нач.: «Церкви Б[о]жїи, зовущи на молитву, оставите земная дѣла...»;

л. 178 об. – 179 об. – В той же день успение с[вя]таго и равноапостоломъ великаго князя Владимира Кіевскаго, самодержца Російскія земли нареченнаго во святомъ крещеніи Василиемъ, просвѣтившаго землю Російскую с[вя]тымъ Крещеніемъ. Нач.: «Сей Великийъ царь Владиміръ бяше сынъ Свѣтославль от племени варяжскаго...»;

л. 179 об. – 180 – Месяца того же въ 16 день память св. сщмч. Афиногена, еп. бывшаго Пидакфисійскаго и десяти ученикъ его. Нач.: «Св. мч. Афиногенъ бяше от Севастіи при Діоклитианѣ царѣ...»;

л. 180 – В той же день свв. мчч. Павла и иже с нимъ мщц. Алевтины и Хионіи. Нач.: «Тии бѣша родомъ египтяне, яти быша и во градъ Кесарію приведены...»;

¹ В изд. Пролога 1662 г.: *Махрищскаго*.

² В изд. Пролога 1662 г. далее идет: «В той же день. Слово от Патерика о хитрости книжнѣй и о злобѣ. Нач.: «Братъ воспроси старца о книжномъ словеси. Глагола ему старецъ: тѣхъ не пытай и отжени от себе злобу. И Богъ тебѣ открыетъ вышняя и нижняя...».

л. 180–180 об. – В той же день св. мч. Антиоха. Нач.: «Антиохъ, Х[ри]ст[о]въ мч. бѣ от Севастіи, врач хитростию суще...»;

л. 180 об.– 181 об. – В той же день по Бозѣ знаменіе бывшее от иконы Пречистыя В[ла]д[ычи]цы нашея Б[огоро]д[и]цы и Приснодевы Маріи, иже бысть в веси Псковской в Черсках. Нач.: «Бысть сичево знамение в лѣто 6728 при державѣ благовернаго...»;

л. 181 об. – 182 об. – В той же день слово о послушаніи нѣкоего старца. Нач.: «Старец нѣкий в Вифаидѣ имѣаше ученика своего искусна...»;

л. 182 об. – В той же день слово св. Ефрема о долготерпеніи. Нач.: «Блаженъ поистинѣ ч[е]л[о]в[ѣ]къ, и же долготерпеніе стяжет...»;

л. 182 об. – 183 – Сіе слово чести месяца иулия в прилучившуюся неделю по 16 числе. Аще ли же прилучится сия неделя в 16 д[е]нь и ты чти в 16 день. В той же день память совершаем свв. отецъ 630, иже в Халкидонѣ святаго и Вселенскаго четвертаго собора. Нач.: «Сей с[в]я[т]ый и Вселенский Собор бысть во времена Маркіяна и Пулхеріи...»;

л. 183 об. – Месяца того же въ 17 день страсть св. вмц. Марины. Нач.: «Та бяше от Антиохіи Писидійская...»¹;

л. 183 об. – 184 об. – В той же день слово св. Феодора Студийскаго. Нач.: «В снѣдехъ и винопитиихъ искусни суще...»;

л. 184 об. – 186 – В той же день слово от Патерика о нѣкоемъ старцѣ добродѣтельнѣ. Нач.: «Есть послушество в Александрийстѣмъ градѣ...»;

л. 186 – 186 об. – В той же день слово о согрѣшающихъ и не хотящихъ каятися. Нач.: «Мнози от согрѣшающихъ присно глаголют: срама исполненъ есмь...»;

л. 186 об. – 187 – Месяца того же въ 18 день страсть св. мч. Емеліана. Нач.: «Емеліанъ, Х[ри]стовъ мч. бѣ отъ града Родостола...»;

л. 187 – В той же день страсть св. мч. Иакинфа. Нач.: «Сей прозябе от родителю благочестиву Феоклиту...»;

л. 187–187 об. – В той же день поучение к покаянію, еже не оставити молитвы. Нач.: «Не отчайся, человекъ, ни отступай молитвы, но прииди къ церкви...»;

л. 187 об. – 188 – В той же день слово о злозязычнѣмъ человекѣ. Нач.: «Человѣкъ яръ разжизаетъ свары...»;

л. 188 – Месяца того же въ 19 день память прп. матери нашея Макрины, сестры Великаго Василия. Нач.: «Сия св. Макрина добротою телесною и нравы благи ми украшающи себѣ...»;

л. 188 – 188 об. – В той же день прп. о. н. Дія. Нач.: «Сей бяше во времена Феодосія Великаго во Антиохіи Сирстѣй...»;

л. 188 об. – 189 об. – В той же день слово инока Петра. Нач.: «Подражатели убо будемъ святымъ, якоже они преидоша во алчбе...»;

л. 189 об. – 190 об. – В той же день слово Іоанна Златоустаго о милостыни, яко и по смерти милостыня добро есть. Нач.: «Есть убо и в послѣднемъ издыханіи милостыню Богу угодити...»;

л. 190 об. – 200 – Месяца того же въ 20 день. В той же день Григорія монаха и пресвитера, игумена обители Пантократовы, слово похвалное св. пророку и Боговидцу Іліи. Нач.: «Пророцы убо вси Единороднаго С[ы]на Божія послани быша...»²;

¹ В изд. Пролога 1662 г. доб. упоминание без чтения: «В той же день перенесение честныхъ мощей прп. о. н. Лазаря, иже в Галасійстѣй горѣ постившегося».

² На нижнемъ поле рукописи писцовая приписка, выполненная киноварью: «Сіе слово чти по кафизмахъ».

л. 200–200 об. – В той же день св. славнаго пророка Ілії Фезвитянина. Нач.: «Сей бяше сынъ Соваковъ...»;

л. 200 об. – 201 об. – В той же день слово Іоанна Златоустаго о злых женах. Нач.: «Ничтоже есть подобно на земли женѣ злоязычнѣ...»;

л. 201 об. – 202 – В той же день слово о покаяніи. Нач.: «Донележе живеши, аще и согрѣшаеши...»;

л. 202–202 об. – В той же день прп. о. н. Авраамія, ігумена, Галицкаго чюдотворца, иже на Чюхломѣ. Нач.: «Сей убо прп. о. н. Авраамий измлада Бога возлюбивъ...»;

л. 202 об. – 203 – Месяца того же въ 21 день память св. пророка Іезекііля. Нач.: «Іезекіиль пророкъ бѣ от Сарира от жрецъ...»;

л. 203–203 об. – В той же день память прп. о. н. Іоанна, пустынника и Симеона, иже Хр[и]ста ради юродиваго. Нач.: «Сія быста от града Едесса во царство Іустина...»;

л. 203 об. – 203 об. – В той же день слово св. Афонасія¹, яко мнози праведнии злою смертию умирають, а грѣшнии праведною. Нач.: «Бяше черноризецъ отходникъ, знаменіи и чудесы сия...»;

л. 204–205 – В той же день слово от старчества. Нач.: «Нѣкоего от старецъ отведе А[н]г[е]ль Б[о]жій в мѣсто и показа ему...»;

л. 205–205 об. – Месяца того же въ 22 день память св. и равноап. Марии Магдалины. Нач.: «Сія св. Марія, пришедши послѣдовала Хр[и]сту...»;

л. 205 об. – 206 – В той же день страсть св. сщмч. Фоки. Нач.: «Св. сщмч. Фока бѣ при Траіанѣ царѣ, прозвितерь саном, непорочным житием и всякими добродѣлами сия...»;

л. 206 – В той же день чюдо тогоже св. Фоки. Нач.: «Повѣдаше се Прітіянъ, яко силенъ и крѣпокъ...»;

л. 206–206 об. – В той же день страсть св. мч. Іуліана. Нач.: «Въ царство Діоклитіана, нечестиваго царя, бысть гоненіе на християны...»;

л. 206 об. – 207 – В той же день слово от Патерика о черноризце, впадшемъ в любодѣяніе. Нач.: «Старець нѣкий в скитѣ бѣ и впаде в недугъ великъ...»;

л. 207 – Месяца того же въ 23 день страсть свв. мчч. Трофима и Феофила, и иже с нима трею на десяте. Нач.: «Тии быша при Діоклитіанѣ царѣ, безбожном мучители...»;

л. 207 об. – 208 – В той же день страсть св. сщмч. Аполинарія, еп. Равенскаго. Нач.: «Аполинарій во свв. о. н. бысть оученикъ св. ап. Петра...»;

л. 208–208 об. – В той же день слово от Патерика. Нач.: «Бѣ нѣкто черноризецъ, общему житію отецъ...»;

л. 208 об. – 209 – В той же день слово о женах добрых, о молчаливых и о кротких. Нач.: «Рече Бог ко Евве: “К мужеві твоему возвращение твое...»;

л. 209–209 об. – Месяца того же въ 24 день страсть св. мц. Христіны. Нач.: «Сія бяше от Тиронскаго града Урвана, нѣкоего стратилата дщи...»;

л. 209 об. – 211 – В той же день святую мученику, великую чюдотворца Бориса и Глѣба, нареченную во святомъ крещеніи Романа и Давида. Нач.: «С[в]я[т]ая и славная мученика Христова Борисъ и Глѣбъ бѣста сына Владиміра...»;

л. 211–211 об. – В той же день слово о милостыни, яко тою всея напасти избудемъ и Царство Небесное получимъ. Нач.: «Бѣ нѣкто христоробецъ во Александріи, славен чиновникъ...»;

---

¹ В изд. Пролога 1662 г. Афанасія.

л. 211 об. – 212 – В той же день поучение св. ап. Павла о любви и о смирении. Нач.: «Молю убо вы, братие, будите совершители заповѣди Господни...»;

л. 212–212 об. – Месяца того же въ 25 день усупение св. Анны, матере Пресвятыя Б[огоро]д[и]цы. Нач.: «Сія бывшы Праматерь Г[о]с[по]да нашего І[су]са Хр[и]ста по плоти...»;

л. 212 об. – В той же день память прп. и блж. Олимпіады. Нач.: «Сія бѣше в царство великаго Феодосія...»;

л. 212 об. – 213 – В той же день память прп. матере нашеа Евпраксіи. Нач.: «Сія бѣше дщи Антигона нѣкоего сиглителя...»;

л. 213–213 об. – В той же день слово о діяконѣ, впадшем в любодѣяние, и паки в свой сан пришедши покаянием. Нач.: «Діяконѣ нѣкий нарочить и всѣм славен бѣл.

л. 213 об. – 214 – В той же день слово св. Ефрема о бесстрашии. Нач.: «Не имѣяй страха Божия в себѣ повиненъ есть таковыи дияволимъ начинаниемъ...»;

л. 214–215 об. – В той же день память прп. о. н. Макария Желтоводскаго и Унежскаго, новаго чудотворца. Нач.: «Сей убо прп. о. н. Макарий родися в Нижнѣмъ Новѣ градѣ...»;

л. 215 об. – Месяца того же въ 26 день св. сщмч. Ермолая і иже с нимъ. Нач.: «Сей св. Ермолай и иже с ним мучившіися сщмчц...»;

л. 215 об. – 216 об. – В той же день св. прпмц. Хр[и]стовы Парасковіи¹. Нач.: «Сія бѣше в царство Антонія от предѣл ветхаго Рима...»;

л. 216 об. – 218 – В той же день слово Іоанна Дамаскина о усупшихъ. Нач.: «Еже убо рещи яко ты воздаси комуждо по дѣломъ его...»;

л. 218–218 об. – В той же день прп. о. н. многострадальнаго Моисея Мурина². Нач.: «Сей убо родомъ угринъ, знаемъ же бѣше и любимъ великимъ княземъ Борисомъ...»;

л. 218 об. – 219 – В той же день поучение от притчей о казняхъ чад. Нач.: «Казни сына своего от юности его и покоить ты на старость твою...»;

л. 219–220 – Месяца того же въ 27 день св. вмч. и цѣлебника и безсребренника Пантелеимона. Нач.: «Сей бѣше при Максиміанѣ царѣ от града Никомидійскаго...»;

л. 220–220 об. – В той же день прп. м[а]т[е]ре нашеа Анфисы игуменіи и девятидесяти сестеръ ея. Нач.: «Та бѣ при Константинѣ гноетезнемъ, дщи некоего стратіа...»;

л. 220–220 об. – В той же день св. блж. Николы Кочанова, Христа ради уродиваго Новгородскаго чудотворца (без чтения);

л. 220–221 об. – В той же день слово св. Василия о пиянствѣ. Нач.: «Бѣжимъ, братие, пиянства - общаго блуда, бестудству отца...»;

л. 221–222 – В той же день слово св. Нила о осмихъ помыслѣхъ. Нач.: «Потщися, чадо, да будеши всегда простъ и беззловивъ...»;

л. 222–222 об. – Месяца того же въ 28 день память свв. апп. и діяконовъ Прохора и Никонора, Тімона і Пармена. Нач.: «Сіи діякони и апостоли с первомученикомъ и архидіакономъ Стефаномъ...»;

л. 222 об. – 223 – В той же день страсть св. мч. Евстафія, иже во Агкирскаго. Нач.: «Евстафій, Хр[и]стовъ мч., воинъ бѣ, христіанъ же сый...»;

л. 223–223 об. – В той же день страсть св. мч. Акакія. Нач.: «Акакій, Хр[и]стовъ мч., бѣ въ царство Лікініево, ему же и представъ, Хр[и]ста исповѣда...»³;

¹ В изд. Пролога 1662 г. Параскеви.

² В изд. Пролога 1662 г. Утрина.

³ В изд. Пролога 1662 г. *доб.*: В той же день. Свв. мчч. Кинтіліана, Дады, Максима и Каллиніка

л. 223об. – 224 об. – В той же день празднство Иконы Пресв. Владычицы Богородицы и Приснодѣвы Маріи, Смоленскія, нарицаемыя Одигитріе. Нач.: «В лѣто 6904-е во дни княженія великаго князя Василя Васіліевича...»;

л. 224 об.– 225 – В той же день слово от Патерика о послушаніи. Нач.: «Бяше нѣкто старецъ, в келіяхъ пребывая, нарицаемыхъ утишенныя, внѣ Александриі...»;

л. 225об. – 226 об. – В той же день поучение св. Феодора Студийскаго о послушаніи, иже с вѣрою во всѣхъ службахъ. Нач.: «Братія и отцы, бойтеса лѣниваго раба осужденія, скрывшаго талант...»;

л. 226 об. – Месяца того же въ 29 день страсть св. мч. Каллініка. Нач.: «Калліникъ, Христовъ мученикъ бѣ оубо от страны Кіликійскія...»;

л. 226 об. – 227 – В той же день слово, яко властителямъ подобаетъ покарятися и честь воздаяти имъ, и во всемъ послушати ихъ. Нач.: «Братіе, во всемъ повинуйтеся княземъ, да без бѣды прочая лѣта поживете...»;

л. 227 – В той же день св. мц. Феодотіи и чад ея. Нач. «Феодотія, Хр[и]стова мц. бѣ от Никомидійскаго града...»;

л. 227–228 об. – В той же день слово Петра инока о умномъ трезвеніи, сиречь о молитве, от поучений Златоустовыхъ. Нач.: «Любите смиренномудріе, еже паче вѣсть Хр[и]стось, смиривый себе до смерти...»;

л. 228 об. – 229 – В той же день слово от Патерика о одолѣвшемъ врагу и вѣнца от Бога приемшемъ. Нач.: «Повѣдаху убо братія, яко идяхоу пушени в весь едину...»;

л. 229–229 об. – В той же день повесть о чудотворномъ образѣ великаго чудотворца Николы¹, како принесенъ былъ на Рязань въ Заразской. Нач.: «В лѣто 6733-е при великомъ князѣ Георгии Вселодовичѣ...»;

л. 229 об. – 230 – Месяца того же въ 30 день память свв. апп. Силы и Силуяна, Криксента, Епенета, Андроника. Нач.: «Сии бяху от седмидесятихъ апостоль...»;

л. 230–230 об. – В той же день память св. мч. Иоанна воина. Нач.: «Сей св. Иоаннъ при Оулианѣ преступницѣ воинствуя. Посланъ же бысть со инѣми воины на оубиение христіанское...»;

л. 230 об. – 231 – В той же день слово св. Феодора Студита Нач.: «Ельма – смиренный сердцемъ, [по] подражанію Господню кротокъ и молчаливъ...»;

л. 231–231 об. – В той же день Иоанна Златоустаго о мятежи сея жизни и о покаяніи. Нач.: «Разумѣйте, братіе, свѣта сего мятежь и челоувѣческаго житія...»;

л. 231 об. – Месяца того же въ 31 день препразднство происхожденія Честнаго и Животворящаго Креста Господня и св. прав. Евдокима. Нач.: «Той прп. и блаж. о. н. Евдокимъ бѣ в царство Феофила, Христаненавистнаго царя...»;

л. 232–232 об. – В той же день страсть св. мц. Іулиты². Нач.: «Іулита³, Хр[и]стова мц., бѣ от Кесаріи Каппадокійскія...»;

л. 232 об. – 233 об. – В той же день поучение св. Василя к лѣнливимъ и не хотящимъ дѣлати своимъ рукама, и похвала к дѣлателямъ ко всѣмъ добрымъ. Нач.: «Не хотѣвшу ми, братіе, о сихъ глаголати к вамъ, но боюся рекшаго: убуждайте спящія на дѣло...»;

л. 233 об. – 234 – В той же день слово о черноризцѣ от Патерика, давшемъ ризу свою нищему и яко самому Х[р]исту владе. Нач.: «Черноризецъ нѣкий имѣяше двѣ ризѣ, едину нову, а другую ветху...»;

(без чтений).

¹ В изд. Пролога 1662 г. *Николаа*.

² В изд. Пролога 1662 г. *Іулитты*.

³ В изд. Пролога 1662 г. *Іулитта*.

- л. 234 – Месяць август имать дней 31, день имат часовъ 13, а ношь 11.
- л. 234–236 об. – Месяца августа въ 1 день память свв. мчч., седми братій по плоти, нарицаемыхъ Маккавей, Авіма, Антоніна, Гуріа, и Елеазара, Евсевона, Алима и Маркелла и матере ихъ Соломоніи, и учителя ихъ Елеазара. Нач.: «Антиоу, сыну Селевкову, приимшу царство Египетское...»;
- л. 236 об. – 237 – В той же день память свв. девяти мчч., иже в Пергіи Памфилийстѣй пострадавшихъ: Леонтіна, Атта, Александра, Кіндея, Минсіфея, Кириака, Минея, Кутуна, Евклеа. Нач.: «Сіи бяху во времена Діоклитиана царя...»;
- л. 237 – В той же день происхождение Честнаго и Животворящего Креста Господня (без чтений);
- л. 237–238 – В той же день празднуемъ Всемиловитому Сп[а]су Хр[и]сту Б[о]гу нашему и Пречистѣй Б[о]горо[д]ице Маріи, Матери Его. Нач.: «Вѣдѣти есть намъ о семь, возлюбленная братия, еже Пантократный день днесъ милости Божія празднуемъ...»;
- л. 239–239 об. – В той же день слово св. Василия о воспоминаніи естества человѣческаго. Нач.: «Не великая мудрствуемъ, братие, в житии сем пребываніи...»;
- л. 239 об. – 241 – Месяца того же въ 2 день пренесеніе мощемъ св. первомученика архидіакона Стефана. Нач.: «По претеченіи многихъ летъ Вознесенія Хр[и]стова...»;
- л. 241–241 об. – В той же день страсть св. сщмч. Стефана, папы Римскаго, и иже с нимъ. Нач.: «Св. сщмч. Стефанъ бѣ при Оулианѣ в Римѣ и крыяшеса гонения ради...»;
- л. 241 об. – 242 – В той же день слово св. Іоанна Милостиваго о любви и о долготерпеніи Божіи. Нач.: «Глаголаше Іоаннъ Милостивый, яко аще помыслеси быхомъ разумно долготерпеніе Божіе...»;
- л. 242–243 об. – В той же день преставленіе св. и праведнаго Василия блаженнаго, Московскаго чудотворца. Нач.: «Сей блаженный Василій бѣ при благовѣрномъ царѣ и великомъ князѣ...»;
- л. 243–244 – Месяца того же въ 3 день. Память прп. о. н. Далмата, Фавста и Исакия. Нач.: «Сей св. Далматъ бяше ходя во вторѣмъ упражненіи...»;
- л. 244–244 об. – В той же день память прп. о. н. Космы скопца и отшельника. Нач.: «Сей бысть мнихъ в Лаврѣ Фарѣ подалѣ Іерусалима мужъ мудръ зѣло, постникъ...»;
- л. 244 об. – 245 об. – В той же день слово о черноризцу и о блудницѣ. Нач.: «Яко во градѣ убо нѣкоемъ бѣста два черноризца, идоста на службу, яко миновавше едино ею место...»;
- л. 245 об. – В той же день слово Сирахово о милостыни. Нач.: «Чадца, послушайте моего наказания, да и будете милостиви...»;
- л. 245 об. – 248 – В той же день память прп. о. н. Антонія Римлянина, иже в Великомъ Новѣ градѣ, новаго чудотворца. Нач.: «Сей убо прп. о. н. Антоній родися во градѣ Римѣ...»;
- л. 248–249 – Месяца того же въ 4 день память свв. седми отроковъ, иже в Ефесѣ Максиміана, Ексану, Стодіана, Іамвлиха, Мартиніана, Дионисия, Іоанна и Константіна. Нач.: «Сіи свв. бяху Декія царя...»;
- л. 249–249 об. – В той же день слово страсть св. мч. Елевферія кувикулария. Нач.: «Елевферій св. мч. бѣ от града Византіи...»;
- л. 249 об. – В той же день успеніе Сісоя пустынника. Нач.: «Сей убо великий о. н. Сісой пустынникъ от юности приимъ монашеский образ...»;
- л. 249 об. – 250 – В той же день слово от Патерика о ядущихъ монасѣхъ на трапезѣ. Нач.: «Повѣдаше единъ от старецъ, яко три суть вещи чернцемъ честны...»;

л. 250 об. – Месяца того же въ 5 день препразднство Владычняго Преображенія Г[о]с[по]да Бога и Спаса нашего І[с]у[с]а¹ Х[ри]с[т]а.

л. 250 об. – 250 об. – В той же день слово память св. мч. Евсегнея. Нач.: «Сей бяше родомъ антиохиянинъ воинъ бывъ...»;

л. 250 об. – 252 – Слово св. Нила о добродѣтеляхъ телесныхъ. Нач. «Добродѣтели убо тѣлесныя сия паче же дѣланія...»;

л. 252–252об. – В той же день поученіе на препразднство Преображенія Г[о]с[по]да І[с]у[с]а² Хр[и]с[т]а. Нач.: «Да есте въдуше, братіе, яко в сіи день яко предпразднство Преображенія...»;

л. 252–259. – Месяца того же въ 6 день прп. о. н. Ефрема Сирина слово на Преображеніе Г[о]с[по]да І[с]у[с]а³ Хр[и]с[т]а. Нач.: «От нивы жатва и радование, от винограда плоды снѣднии, от Писанія поученіе животворное...»;

л. 259–259 об. – В той же день слово св. Преображеніе Г[о]с[по]да І[с]у[с]а⁴ Хр[и]с[т]а. Нач.: «В шестый д[е]нь м[е]сяца августа воспоминаніе Божественнаго Преображенія Г[о]с[по]да Б[о]га и Сп[а]са нашего І[с]у[с]а⁵ Х[ри]с[т]а...»;

л. 259–261 – В той же день поучение св. Климента папы на Преображеніе Г[о]с[по]дне. Нач.: «Послушайте, братіе, да скажу вам силу и величество честнаго сего дне...»;

л. 261–262 – Месяца того же въ 7 день память св. прпмч. Дометія. Нач.: «Сей бяше во времена Великаго царя Коньстянтина...»⁶;

л. 262–265 – В той же день слово св. Иоанна Златоустаго, яко потребны суть напасты, и яко не присно нам бѣсѣ злобы виновенъ бываетъ. Нач.: «Еже бо чудесно сіе есть, яко не точію мнящимся быти ко извѣстию...»;

л. 265–265 об. – Месяца того же въ 8 день иже во свв. о. н. Емеліана исповѣдника, еп. Кизическаго. Нач.: «Емелианъ, исповѣдникъ Хр[и]стовъ бѣ во царство Лва иконоборца...»;

л. 265 об. – 266 – В той же день память св. Мирона чудотворца, еп. Критскаго. Нач.: «Сей родися в Авракійстѣмъ градѣ, иже в Критѣ...»;

л. 266–266 об. – В той же день слово св. Василия Великаго. Нач.: «Нынѣ время благоприятно, рече ап[осто]ль, нынѣ д[е]нь спасенія...»;

л. 266 об. – 267 – В той же день слово св. Иоанна Златоустаго о похвалѣ милостивымъ. Нач.: «Тѣмъ воистину великъ человекъ и честенъ мужъ милостивъ...»;

л. 267–267 об. – Месяца того же въ 9 день. Св. ап. Матфія, причтеннаго къ Нач.: «Св. Матфія бѣ единъ от седмидесятыхъ ученикъ Хр[и]стовыхъ...»;

л. 267 об. – В той же день страсть св. мч. Антонія. Нач.: «Той бѣ Александриянинъ родомъ...»;

л. 267 об. – 268 – В той же день память свв. десяти мчч., иже св. ради иконы Г[о]с[по]да н. І[с]у[с]а⁷ Хр[и]ста, пострадавшихъ въ Царѣ градѣ в мѣдныхъ вратѣхъ:

¹ В изд. Пролога 1662 г. Иі[с]у[с]а.

² В изд. Пролога 1662 г. Иі[с]у[с]а.

³ В изд. Пролога 1662 г. Иі[с]у[с]а.

⁴ В изд. Пролога 1662 г. Иі[с]у[с]а..

⁵ В изд. Пролога 1662 г. Иі[с]у[с]а.

⁶ В изд. Пролога 1662 г. *доб.*: «В той же день прп. Оръ в мирѣ скончася. В той же день прп. Потамій чудотворецъ в мирѣ скончася. В той же день прп. Астерій Сигклитикъ мечемъ скончася» (без чтений).

⁷ В изд. Пролога 1662 г. Иі[с]у[с]а.

Іоуліана, Маркіана, Іакова, Алексія, Фотія, Петра, Леонтія, и Маріи Патрикїи. Нач.: «Сїи свв. бяху при Лвѣ звероименитомъ царѣ, иже отвращаяся бяше свв. иконы...»;

л. 268 – В той же день слово св. Василя Великаго. Нач.: «Иже от десятихъ талантъ преданъ...»;

л. 269 – В той же день поученіе, яко подобаеъ дѣтемъ чтити родителя своя, паче душа своя. Нач.: «Послушайте, братіе, заповѣди Г[о]с[по]дни, юже рече к законнику...»;

л. 269–270 об. – Месяца того же въ 10 день страсть св. мч. и архидиякона Лаврентія, Ксинта, еп. Римскаго, Іпполита. Нач.: «Сїи бяху во времена Декія царя...»;

л. 270 об. – 271 – В той же день слово от жития св. Нифонта о сребролюбїи. Нач.: «Ходя с[вя]тый Нифонтъ, видѣ челоуѣка, ему же молящеся множество маломощныхъ...»;

л. 271 об. – 272 – В той же день слово св. Василя о зависти. Нач.: «Бѣжимъ, братіе, зависти бѣсовския сѣти...»;

л. 272 – Месяца того же въ 11 день страсть св. мч. Евпла. Нач.: «Сей бяше при Діоклитианѣ царѣ от града Катанскаго...»;

л. 272–273 об. – В той же день слово св. Василя Великаго. Нач.: «Како буду со Іовомъ, иже не прилучушюся скорбѣ со благодаренїемъ приемый...»;

л. 273 об. – В той же день учение св. Ефрема о ползе душевнѣй. Нач.: «О, бойтеся, братіе, душевредныя, неполѣзныя бесѣды...»;

л. 274–275 – Месяца того же въ 12 день. Память святую м[у]ч[ени]ку Фотія, Іоаникиты. Нач.: «Ся бѣста от града Родостола...»;

л. 275–276 – В той же день слово о нѣкоемъ блудницѣ, иже милостыню творя и блуда не остася. Нач.: «В лѣта Леона царя бяше в Константинѣ градѣ челоуѣкъ, славень и сѣло богатъ...»;

л. 276 – 276 об. – В той же день слово Іоанна Златоустаго о оумиленїи души. Нач.: «Яко да пишется всегда в твоей мысли втораго пришествія страшнаго она тайна...»;

л. 276 об. – 277 – Месяца того же въ 13 день. Память прп. о. н. Максима исповѣдника. Нач.: «Максимъ св. бѣ во царство Константина брадатаго философ до конца...»;

л. 277–277 об. – В той же день слово от Притчей Соломонїхъ. Нач.: «Сыну мой, не ревнуй злымъ мужемъ, не возжелей быти с ними...»;

л. 277 об. – 278 об. – В той же день слово св. Симеона Новаго. Нач.: «Мнози убо от пустынныхъ, друзїи же соборныхъ...»;

л. 279–279 об. – В той же день слово монашескаго жития и о епитемїахъ. Нач.: «Повѣдаше Петръ презвитерь о св. Григорїи, папѣ Римстѣмъ...»;

279 об. – Месяца того же въ 14 день. Препразднство Успенія Пресв. Богородицы и память св. пророка Михѣя. Нач.: «Сей бѣ сынъ Іорамль...»;

л. 279 об. – 280 об. – В той же день пренесение честныхъ мощей прп. и богоноснаго о. н. Феодосія Печерскаго, иже в Киеве. Нач.: При Великомъ князе Всеволоде Киевскомъ...»;

л. 280 об. – 281 – В той же день память сщмч. Маркела, еп. Апалїйска[го]. Нач.: «Сей бяше при Феодосїи царѣ от Кипрскаго нарицаемъ острова...»;

л. 281–282 – В той же день слово от Патерика. Нач.: «Повѣда нам нѣкій отецъ, глаголя, яко купца, рече, два...»;

л. 282–282 об. – В той же день повѣсть на предпразднство преставленія Прес[вя]тыя Б[огоро]д[и]цы. Нач.: «Да есте вѣдуще, братіе, предпразднство Успенія С[вя]тыя Б[огоро]д[и]ца...»;

л. 282 об. – 289 об. – В той же день иже во свв. о.н. Андрея, архіеп. Іерусалимскаго, слово на Пречестное и С[вя]тое Успеніе Прес[вя]тыя Б[огоро]д[и]цы. Нач.: «Созывает паки насъ обычное слово к торжеству...»;

л. 289–291 об. – Месяца того же въ 15 день. Честное преставленіе Преславныя Владычицы нашае Б[огоро]д[и]цы и Присно Д[ѣ]вы Маріи. Нач.: «Егда к себе Хр[и]стосъ нашъ и Богъ прияти благоизволи свою Матерь...»;

л. 291 об. – В той же день слово Григорія Двоесловца о Карпѣ епископѣ. Нач.: «Карп еп. бѣ от Европійска града, муж велми житием блаженъ...»;

л. 293–294 об. – Месяца того же въ 16 день. Пренесение нерукотвореннаго Образа Г[о]с[по]да и Б[о]га и Спаса нашего І[су]са Х[ри]ста от Едеса во Царь градъ. Нач.: «Подобаеть нам о том мало побесѣдовати о самой благодати Г[о]с[по]да нашего...»¹;

л. 294 об. – 295 – В той же день память творим челоуѣколюбия Божия, егда возврати сосудомъ безбожныя Агаряны при Лвѣ царѣ Саврянинѣ. Нач.: «В безбожныхъ агарянѣхъ сицесть есть развѣ срацынскій языкъ...»;

л. 295–296 – В той же день слово от пророческаго указания ко епискупомъ, *попомъ* и всему священному чину, яко учити люди благочестію без страха. Нач.: «Сице глаголетъ Г[о]с[по]дь: Сыне челоуѣчъ, иди и рцы сыновомъ Израелевымъ...»;

л. 296–296 об. – Месяца того же въ 17 день. Память св. мч. Мирона презвитера. Нач.: Сей бѣше при Декіи царѣ и Антипатрѣ...»;

л. 296 об. – 297 – В той же день св. мчч. Стратона, Филиппа, Евтихиана и Киприана. Нач.: Сиі в Никомидіи проходяще нарочитіи челоуѣцы»;

л. 297–298 – В той же день повѣсть св. Василия Великаго. Нач.: «Нынѣ мнози от челоуѣкъ о заповѣдехъ убо Спасовыхъ явѣ не радятъ...»;

л. 298–298 об. – В той же день сказаніе Григорія Двоеслова о просфорѣ, еюже за усопшихъ души в сорокоустиі служатъ. Нач.: «Много может душамъ пресвятая жертва помощи, в нейже за усопшыя души просфоры приносятъ...»;

л. 298 об. – 299 об. – Месяца тогоже въ 18 день. Память свв. мчч. Флора и Лавра. Нач.: «Сія с[вя]тая братія бѣста близнеца суца, каменостружца же художествомъ...»;

л. 299 об. – В той же день страсть свв. мчч. Ерма, Серапиона і *Полиена, иже в Римѣ. Нач.: «Сиі оклеветани быша от невѣрныхъ...»;

л. 299 об. – 300 об. – В той же день поучение о усцѣмъ пути, ведущимъ в жизнь вѣчную². Нач.: «Подвизайтесь, братіе, тѣснымъ путемъ...»;

л. 300 об. – 301 – В той же день поучение св. Василия Великаго. Нач.: «Постъ убо, и бдѣніе, и на земли леганіе...»;

л. 301–301 об. – В той же день поучение о мирѣ и о любви, яко всего лучши есть. Нач.: «Смиряться, братіе, и любите другъ друга, и Богъ мира и любве да будетъ с вами...»;

л. 301–301 об. – Месяца тогоже въ 19 день. Память св. мч. Андрея Стратилата и иже с нимъ скончавшихся дву тысящу пяти сотъ и девяти десяти и трех (2 593). Нач.: «Сей бѣше во времена нечестиваго царя Максиміана...»;

л. 302 – В той же день страсть свв. мчч. Тимофея, Агапіа и Феклы. Нач.: «Славный мч. Тимофей бысть от Палестины, Газскаго града...»;

л. 302–302 об. – В той же день поучение о молитвѣ, яко тою всея напасти избудемъ и милость получимъ. Нач.: «Добро есть молитися, братіе, молитвою всегда и бесѣдовати к Богу...»;

¹ В изд. Пролога 1662 г. есть следующие упоминания без чтений: «В той же день память св. мч. Диоміда»; «В той же день св. Херимонъ в мирѣ скончася»; «В той же день прп. Равула в мирѣ скончася».

² В изд. Пролога 1662 г. *доб.* «и о широкомъ, вѣдущемъ ны в погибель и в муку вѣчную».

л. 302 об.– 303 – В той же день слово о нѣкоемъ епископѣ преступницѣ, списано ползы ради слышащымъ. Нач.: «В Селунѣ градѣ бѣ епископъ нѣкто...»;

л. 303 – В той же день слово св. Ніла о безстрастїи души и тѣла. Нач.: «Братіе, уготовим себе ко еже поработати Господеви от всея души и крѣпости...»;

л. 303–303 об. – Месяца тогоже въ 20 день память св. славнаго пророка Самуила. Нач.: «Сей бѣше от Арамафема...»;

л. 303 об. – 304 – В той же день свв. мчч. 37, иже въ Фракии за Христа пострадавшихъ. Нач.: «Сеиръ нѣкто от Сиды Памфилиския сын Пѣтрония...»;

л. 304 – В той же день поучение от закон о хранении языка. Нач.: «Аще хочете в жизни сей добрѣ пожити, заградити уста своя от многаглаголанія...»;

л. 304–305 об. – В той же день слово св. Ніла. Нач.: «Аще сиче во иноческомъ жителствѣ поживемъ...»;

л. 305 об. – Месяца тогоже въ 21 день. Св. ап. Фаддея, иже и Леввій. Нач.: «Сей бѣше от Едесскаго града, евреинъ родом...»;

л. 306–306 об. – В той же день св. мц. Вассы и чадъ ея: Феогния, Агапиа и Писта. Нач.: «Сия мц. бѣше при Максимианѣ царѣ въ Ефесѣ, градѣ Елладстѣмъ...»;

л. 307–308 об. – В той же день слово от Старчества. Нач.: «Глаголаше нѣкий от старецъ великъ и дарование имѣя духовное...»;

л. 308 об. – 309 об. – В той же день память прп. о. н. Авраамія Смоленскаго. Нач.: «Прп. о. н. Авраамій от вѣрну родителю и благочестиву рождѣся¹...»;

л. 309 об. – 310 – Месяца тогоже въ 22 день. Память св. мч. Агафоника и иже с нимъ: Золика, Феопрениа, Акиндіна и Севириана. Нач.: «Мч. Хвѣ Агафоникъ бѣше во времена Максиміана царя...»;

л. 310–312 – В той же день память св. Анфусы и св. Афонасія епископа, крестившаго ю, и Харисима, и Неофита, слугу ея. Нач.: «Та бѣста при Улерианѣ царѣ...»;

л. 312–312 об. – В той же день слово о затворницех, кленшимся к бѣсу. Нач.: «Бѣ нѣкто в горѣ Елеонстѣи затворникъ старецъ, подвиженъ зѣло...»;

л. 312 об. – 313 об. – В той же день повѣсть о іконѣ Пресв Б[огоро]д[и]цы Грузинския. Нач.: «Страна нѣкая Великія Росїи, Двинская наричема...»;

л. 313 об. – 314 – В той же день св. сщмч. Иринѣя Лугдуньскаго. Нач.: «Сей бѣше в царство Діоклитіаново...»;

л. 314 – 315 об. – В той же день память прп. о. н. *Каллініка*, патриарха Константіна града. Нач.: «Сей бѣше первѣе священникъ и сосудохранитель церкви Пресв. Бцы Влахернскія...»;

л. 315 об. – 316 об. – В той же день слово от Старчества. Нач. «Повѣда о[те]цъ нѣкій, яко бысть в лѣта наша в 6550 братъ нѣкій, именем Іоаннъ, его же зовяху киприянинъ...»;

л. 316 об. – 317 – Месяца тогоже въ 23 день. Память св. мч. Луппы. *Стихъ*: «Прилучися Лупе, иже вездѣ раб мечю, свободѣ приступи Богу, яко любовень...»;

л. 317–317 об. – В той же день слово от Старчества. Нач.: «Такову ину главизну исповѣда намъ блаженный отецъ наш Кирь Лука...»;

л. 317 об. – 318 – В той же день пренесеніе ч(с)тныхъ мощей иже во свв. о. н. Петра, митрополита Кіевскаго и Московскаго и всея Росїи чудотворца. Нач.: «Пренесены быша мощи иже во свв. о. н. Петра митрополита всея Росїи чудотворца из старыя Церкви Успения...»;

¹ В изд. Пролога 1662 г. «от вѣрну и благочестиву родителю рождѣся...».

л. 318–318 об. – Месяца тогоже въ 24 день. Св. сщмч. Евтихія, ученика св. Іоанна Богослова. Нач.: «Св. Евтихій отечество имѣяше в Севастополи. Остави же родителя и ближники, ученикъ бывъ от Христа возлюбленнаго апостола...»;

л. 318 об. – В той же день память св. мч. Татіона. Нач.: «Сей бяше от Мантинея, иже под Клавдійскою митрополією...»;

л. 318 об. – В той же день память прп. о. н. і исповѣдника Георгія Езерника. Нач.: «Сей блж. от юнаго возраста постническое житіе, иже во Олимпскихъ горахъ сотворивъ...»;

л. 319–320 – В той же день слово о женитвѣ и о любодѣяніи. Нач.: «Приидите, оумнии и смыслени, слухъ развергше, послушайте худаго моего словесе...»;

л. 320–321 – В той же день прп. о. н. Арсенія, игумена Комелскаго, Вологоцкаго чудотворца. Нач.: «Сей прп. о. н. Арсеній рожденіемъ бѣ Богоспасаемаго града Москвы, от рода Сахаровыхъ...»;

л. 321–322 об. – Месяца тогоже въ 25 день возвращение мощемъ св. ап. Варфоломія. Нач.: «“Яко дивенъ Богъ во свв. своихъ” – благовременно есть мнѣ нынѣ возопити, повѣдати преждереченныя...»;

л. 322 об. – 323 об. – В той же день память св. ап. Тіта, епископа Гортунскаго, ученика св. ап. Павла. Нач.: «Тітъ блаженный Минона царя бяше Критскаго сродникъ, яко же глаголють...»;

л. 323 об. – В той же день прп. о. н. Мины, архиепископа Царя града. Нач.: «Той св. о. н. Мина бысть убо во царство Іустіане...»;

л. 323 об. – 324 – В той же день страсть свв. мчч. тридесяти и семи, иже во Філіпполѣ пострадавшихъ. Нач.: «Сіи пострадаша при Іулианѣ царѣ...»;

л. 324–324 об. – В той же день слово, яко не подобает осуждати попа. Нач.: «Послушайте паки о сей душеполѣзнѣй повѣсти...»;

л. 324 об. – 326 – Месяца тогоже въ 26 день память свв. мчч. Андрѣяна и Наталіи, и дружины ихъ, иже в Никомидіи пострадавшихъ. Нач.: «Мчч. Андрѣанъ и Наталія, жена его, бяше от града Никомидійскаго...»;

л. 326–327 об. – В той же день празднуемъ срѣтению іконы Прес[свя]тыя Б[огоро]д[и]цы Владимірскія. Нач.: «Бысть убо сіе преславное чудо в лѣто 6903-е во дни благовѣрнаго и христоролюбиваго великаго князя Василия с[ы]на Димитріева самодержца...»;

л. 327 об. – 328 – Месяца тогоже въ 27 день память прп. о. н. Пімена Великаго. Нач.: «Сей прп. бяше родомъ египтянинъ, иже пріемъ свою братію и отшедъ, бысть с ними монахъ...»;

л. 328–328 об. – В той же день память прп. о. н. і исповѣдника Ливерія, архіеп. Римскаго. Нач.: «Сей бяше во времена Константіна царя...»;

л. 328 об. – В той же день прп. о. н. Осія, еп. Кидуврійскаго, иже во Испаніи. Нач.: «Сей блж. в постѣ первѣе поживъ и всякихъ сластей ошаяся...»;

л. 328 об. – 329 об. – В той же день слово от Старчества. Нач.: «Сице инъ разумъ со привходитъ и о птицѣ сей, от еже бо быти ей птицѣ...»;

л. 329 об. – 330 – Месяца тогоже въ 28 день память прп. о. н. Моисея Мурина. Нач.: «Сей блж. бяше родомъ муринъ, видомъ же чернь...»¹;

л. 330–331 – В той же день слово о Феодорѣ жидовинѣ, его же болна суша кр[е]стиша пескомъ на пути, и бысть здоровъ. Нач.: «Нѣкто жидовинъ, именемъ Феодоръ, иде с христіаны на пути...»;

---

¹ В изд. Пролога 1662 г. доб. упоминание без чтения: «В той же день св. Анны, дочери Фануелевы».

л. 331–332 – В той же день повѣсть от Старчества. Нач.: «Рекохомъ множицею о вышепомянупомъ великомъ старцѣ, иже дарованіе имѣя духовное, его же имя волею мимойду...»;

л. 332–333 – В той же день прп. о. н. Саввы Крыпецкаго, Псковскаго чудотворца. Нач.: «Сей прп. о. н. Савва рожденіе и воспитаніе имѣя в чюжихъ странахъ, не вѣмы же коея страны...»;

л. 333–335 об. – Месяца тогоже въ 29 день иже во свв. о. н. Іоанна Златоустаго, патріарха Ц[а]ряграда. Слово на Усѣкновение Іоанна Крестителя¹. Нач.: «Яко же се мужъ нѣкій, любяй пустыню, в мѣстѣ лѣснѣ сѣдяй под сѣнію при водѣ, доброгласными писканіи птицъ и воднымъ шумомъ оглашаемъ, кротокъ имѣй смыслъ...»;

л. 335 об. – 336 об. – В той же день поученіе св. Григорія о гневѣ. Нач.: «Не дадите, братіе, мѣста гнѣву в себѣ, занеже мужъ гнѣвливъ благодати Божія не прииметь...»;

л. 336 об. – 337 об. – Месяца тогоже въ 30 день Усѣкновение ч[е]стныя главы св. и славнаго Пророка Іоанна Предтечи и Крестителя Г[о]сподня Іоанна. Нач.: «Иже в рожденныхъ женами, свидѣтельствуется болій всѣхъ быти от Хр(с)та и пророка превышши...»;

л. 337 об. – 338 – В той же день поученіе слово от Старчества. Нач.: «Обезчестенъ бысть иногда братъ нѣкій от подвижныхъ, и паче же пѣнню и молитв прилѣжа баше...»;

л. 338 об. – Месяца тогоже въ 30 день память свв. отецъ нашихъ и воспоминаемыхъ патріарх[ов]ъ Константина г[рад]а Александра, Іоанна и Павла Новаго (чтеній нет). Стих: «Рима патріарси и оучителіе ветхаго Рима оучителемъ благимъ подражаша, в 30, тріе патріархи от житія к жизни въздоша...»;

л. 338 об. – 339 – В той же день память прп. о. н. Фантіна чудотворца. Нач.: «Сей баше родомъ от страны Калаврійскія рожденіе...»;

л. 339–339 об. – В той же день слово о житіи и о трудѣхъ прп. о. н. Христофора. Нач.: «Повѣдаше отецъ нашъ Феодуль о семь прп. мужи: «Азь, рече, постригохся в м[о]н[а]ст[ы]рѣ св. Феодосія и обрѣтохъ ту старца велика, именемъ Христофора, римлянина родомъ...»;

л. 339–342 об. – В той же день прп. о. н. Алекандра Свирскаго, новаго чудо[творца]. Нач.: «Сей блж. Александръ бѣ от предѣлъ Великаго Нова града, страны Обонѣжскія...»;

л. 342 об. – 343 – Месяца тогоже въ 31 день воспоминаніе еже в св. рацѣ Положеніе Святаго и Честнаго пояса Пресвятѣй Б[огоро]д[и]ца, в Честнемъ Ея храмѣ, сущемъ в Халкопратіи, принесеннаго от епископства Зила при Іустіанѣ цари и бывшаго чюдесе возложениемъ Честнаго пояса на царицу Зою, с[о]жителницу Лва цря. Нач.: «Великаго Феодосія с[ы]нъ Аркадій Ч[е]стный поясъ Пре[свя]тѣй Б[огоро]д[и]цы от Ер[уса]лима принес...»;

л. 343–344 об. – В той же день слово о м[и]л[о]стивомъ Созомонѣ, яко даяй нищему м[и]лост[ы]ню, Богу взаемъ дает и сторицею приимет. Нач.: «Бѣ нѣкто челоуѣк, живый во Еру[са]лимѣ, Созомонъ именемъ...».

***

1. Волкова Т. Ф. Древнерусская литература в кругу чтения печорскихъ крестьян. Печорские редакціи средневековыхъ повестей. Сыктывкар, 2005.

¹ На нижнемъ полѣ рукописи писцовая приписка, выполненная киноварью: «Сие слово чти по кафисмахъ».

2. Мальшев В. И. Пинежская рукописная старина (отчет о командировке 1955 года) // ТОДРЛ. Т. XII. М.; Л., 1956. С. 461–493.
3. Мелихов М. В. Печорский старообрядческий писатель С.А. Носов. Видения, письма, записки. М., 2005.
4. Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII вв.: Сводный каталог. М., 1958. С. 91.
5. Полетаева Е. А. Корпус русских агиографических чтений в Усть-Цилемском Прологе 2-й пол. XVII в. из ОРК НБ СыктГУ // Духовное наследие народов Республики Коми: история и современность. Сыктывкар, 2009. С. 169–177.
6. Полетаева Е. А. Старопечатный Пролог 1662 г. и рукописная проложная традиция XVI–XVII вв. // Рукописи, старопечатные и редкие книги в собраниях России. Новосибирск, 2018. С. 201–315.
7. Древаль Д. Н. Возможные источники русских памятней в составе первых изданий старопечатного Пролога (к постановке вопроса) // Книга и литература. Новосибирск, 1997. С. 70.
8. Дадыкин А.В. Издания книги Пролог на Московском Печатном дворе в третьей четверти XVII в. // Федоровские чтения. М., 2003. С. 176–197.
9. Капица Ф.С. Дневной комплекс в старопечатном Прологе // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2015. № 1. 249–254.
10. Петров Н. И. О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога (Иноземные источники). Киев, 1876.
11. Сергей (Спасский), архим. Полный месяцеслов Востока. Т. 1. Восточная агиология. Владимир, 1901.

Информация об авторах

Бознак Ольга Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», г. Сыктывкар

E-mail: olgaboznak@rambler.ru

Бровкина Татьяна Владимировна, заведующий отделом редких книг и рукописей Научной библиотеки, ассистент кафедры русской филологии Института гуманитарных наук,

ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»

E-mail: tatjana-brovkina@rambler.ru

Бруцкая Людмила Андреевна, кандидат исторических наук, доцент, научный консультант Верхнегородского детского центра народных ремёсел.

E-mail: l.bruckaya@gmail.com

Бунчук Татьяна Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, зав кафедрой русской филологии ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», г. Сыктывкар,

E-mail: tnbunchuk@mail.ru

Геворкян Татьяна Михайловна, доктор филологических наук, член союз писателей Армении, г. Москва.

E-mail: tatgev@yandex.ru

Мелихов Михаил Васильевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», г. Сыктывкар,

E-mail: melikhovm@mail.ru

Поletaева Елена Альбертовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела научно-исследовательской работы ЦНБ УрО РАН, г. Екатеринбург.

Email: poletaeva@cbibl.uran.ru

Смирнова Дарья Михайловна, магистрант, направление подготовки «Филология», профиль «Филология в профессиональных коммуникациях» ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина», учитель русского языка и литературы, Коми республиканский лицей-интернат для одаренных детей из сельской местности, г. Сыктывкар,

E-mail: virus_brain@mail.ru